

ДИН

КУНЦ

ВРАТА
АДА

Д. КУНЦ

ВРАТА АДА

Ц Е Н Т Р П О Л И Г Р А Ф

ДИН

ИЗДАНИЕ

DEAN R.

HOOTZ

HELL'S GATE

A Novel

ДИН

ВРАТА АДА

Роман

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2004

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Coe)
К91

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Кунц Д.
К91 Врата ада: Роман / Пер. с англ. Л.И. Беляковой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. — 222 с.

ISBN 5-9524-0834-6

Земля становится ареной, на которой скрешиваются временные и вероятностные потоки. Между пришельцами — незнакомыми жалости людьми-ящерицами из другой галактики — и землянами из далекого будущего начинается яростная схватка. Гомункулус из пробирки несет в себе черты супермена-разрушителя и неудачника-спасителя. Что же возобладает в нем в конце концов? От этого зависит само существование людей и жизнь на планете Земля.

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 5-9524-0834-6

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2004
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2004

ВРАТА АДА

Роман

Чисто развлекательная книга для Герды, чтобы напомнить ей о пластилиновых носильщиках и стеклянных огурцах — и о том, что все на свете ненастоящее. Ничего настоящего на самом деле нет

Глава 1

Марионет очнулся, лежа лицом вниз, в острове спутанного бурьяна и сухой ломкой травы, под набравшими почки яблонями. Он был крупным мужчиной, добрых шести футов¹ роста и значительно тяжелее двухсот фунтов² — и при этом ни капли жира. Его тело напоминало гору узловатых мышц, словно настроенный на создание героического образа скульптор наспех вырубил неточную копию Улисса. Когда он двигался, мышцы рельефно выступали под гладкой кожей. Марионет был похож на тренированного бойца-наемника.

Он был одет в черный костюм из прочного нейлона, который облегал его так плотно, словно гимнастический костюм, купленный на размер меньше. Из-под черного капюшона на лоб выбивалась прядь светлых до белизны волос. Лежа ничком, он почти не чувствовал веса рюкзака на спине. Тяжести для него были нич-

¹ Около 1 м 83 см.

² Свыше 90 кг.

то — даже если бы на плечах висел груз, равный двухтонному «бьюику».

Марионет перекатился на спину и посмотрел вверх сквозь голые ветки на тускло мерцавшие звезды, неяркий свет которых пробивался сквозь легкую дымку облаков. Голова у него отчаянно болела, словно за правым ухом какое-то маленькое вредное существо изнутри методично пробивалось наружу. У него возникло странное чувство: словно он уже бывал в этом месте раньше, но не мог понять, где же он все-таки находится. *Как он сюда попал? Зачем?*

Двигаясь осторожно, чтобы не разозлить зловредное существо внутри черепа, он сел и огляделся. Голые ветви яблонь перечеркивали небо и, словно грозя, покачивали под ветром костлявыми пальцами. Место было совершенно незнакомое. Слегка пошатываясь, Марионет поднялся с земли. Гадкий звереныш в голове в тот же миг запротестовал, пинаясь обеими ногами. По черепу, начиная от правого виска, словно побежала все расширяющаяся трещина. Еще мгновение, и череп лопнул бы, как спелый арбуз, но вдруг боль прекратилась. Марионет вздохнул с облегчением, посмотрел назад и в тот же момент увидел дом.

Это было старое здание, построенное, вероятно, в конце восьмидесятых годов XIX века. Несмотря на возраст, дом содержался в отличном состоянии. Даже в тусклом, струящемся сквозь легкие облачка лунном свете наблюдатель разглядел свежую краску на тяжелых

наружных дверях, любовно ухоженный кустарник.

Пока Марионет разглядывал дом, странная пульсация в его голове прекратилась, тяжелая дурнота исчезла, и он снова почувствовал себя в форме. Минуту назад он казался лишь сбитым с толку человеком, не понимавшим, где он и что с ним происходит. Сейчас он — готовый на все Марионет... кукла, действующая в соответствии с программой.

Ночь, туман и черная одежда достаточно хорошо маскировали его, он притаился, как хищник в засаде. Свет в доме был погашен, его обитатели спали. Прямо так, как и было задумано.

Согнувшись, как обезьяна, он вприпрыжку перебежал из-под укрытия яблонь и проскользнул, словно тень, к задней части дома. Один раз он чуть не упал на влажную от росы траву, но удержал равновесие ловко, как канатоходец удерживается от падения на банановой кожуре. Двигаться Марионет старался как можно тише, старался, чтобы даже его дыхание не нарушало молчание ночи.

Он проскользнул через ограду к черному ходу и прислушался, тяжело дыша. Вокруг стояла мертвая тишина. Марионет ногой отыскал ступеньки, быстро по ним поднялся и подошел к двери.

Итак, наружная дверь представляет собой толстый алюминиевый лист со стеклянными окошками, прочно вставленный в проем. Стекло еще не заменили ставнями, что значительно усложняет проникновение в здание. Но тем

не менее, оно отнюдь не становится невозможным. Для Марионета нет ничего невозможного. Его запрограммировали на встречу с любой неожиданностью. Встав на колени, он передвинул свой рюкзак на грудь, вынул из него необходимое и снова убрал за спину. Взял маленькую штуковину, похожую на медную монетку, и приложил ее к стеклу наружной двери. Раздалось едва слышное жужжание, как будто над садом взвился рой рассерженных пчел. Он передвинул «монетку» вверх, по краю стекла, оставляя за ней пустое пространство по мере того, как стекло превращалось в пыль и тихо обсыпалось к его ногам. Когда отверстие расширилось до того размера, что он мог просунуть руку внутрь, Марионет отпер дверь.

Внутренность дома очень сильно отличалась от его викторианской скорлупки. Оглядевшись, Марионет понял, что попал на кухню. Кухня оказалась большой. В неярком свете луны, проникающем сквозь стекла окон, он увидел темные деревянные шкафы для посуды. Посередине стояла тяжелая кирпичная плита, служившая одновременно и столом, и местом для стряпни. В нее были встроены раковина и мусорное ведро.

Чувства Марионета были обострены, движения осторожны и быстры, как у дикого зверя. Он двинулся из кухни в богато убранную столовую, далее в гостевую комнату, одна только мебель которой могла бы избавить от бедности с полдюжины азиатских семей. Вско-

ре он обнаружил лестницу и стал подниматься по ней.

Оказавшись на втором этаже, он бесшумно прошел по коридору, держась подальше от окон — скорее инстинктивно, нежели сознательно. Он почти не дышал, чтобы избежать шума, который могли бы произвести его легкие. Остановившись перед нужной дверью, он наклонился и приложил ухо, прислушиваясь. В течение минуты оттуда не раздавалось ни звука. Потом он различил тяжелое дыхание спящего. Марионет положил руку на холодную бронзовую дверную ручку и тихонько повернул ее.

Дверь открылась бесшумно, он вошел в комнату и проворно пересек ее, направляясь к кровати, на которой спал человек. Он лежал лицом вверх, так, как спят очень осторожные люди. Марионет оценил положение тела и занес руку для удара ребром ладони. Однако прежде, чем он смог ударить, спящий внезапно открыл глаза, издал какое-то восклицание и рванулся с кровати.

Марионет мгновенно сориентировался, молниеносно двинул рукой и почувствовал, как удар достиг шеи незнакомца. Человек глухо вскрикнул, рухнул на матрас и затих.

Не тратя времени на то, чтобы поздравить себя с удачей, Марионет нащупал выключатель лампы, привинченной к изголовью. Она осветила скомканное одеяло и бесчувственное тело, раскинувшееся на кровати. Марионет с интересом взглянул в лицо незнакомца. Чер-

ные волосы упали на широкий лоб, большой сломанный нос — сломанный не один раз; полные губы, тяжелый подбородок, шрам на левой скуле. Да, это тот, кто нужен, хотя Марионет не знает даже его имени.

Отвернувшись от находившегося без сознания незнакомца, он вынул из рюкзака сверток, развернул его и вынул пистолет и обойму. Он надел серые перчатки, застегнул их и потом зарядил оружие. Это было очень подходящее оружие, современное. Если оставить его на месте убийства, то полиция легко проследит его путь от места первоначального приобретения до регистрации того факта, что его владелец пропал без вести. Когда с незнакомцем будет покончено, понадобится стереть со всех поверхностей отпечатки, хотя его отпечатков нет ни в одном досье мира и никогда не будет. Если на поверхности не найдут отпечатков, решат, что к делу причастен известный преступник, человек, который тщательно замечает за собой следы. Еще один ложный след — это, конечно, оружие.

Тут Марионет внезапно вспомнил о безопасности и оглянулся. Он успел сделать это вовремя, так как пистолет незнакомца издал оглушительный хлопок, и в бедро Марионета обжигающим жалом впиалась пуля.

Пуля не задела кость, однако вырвала из ноги кусок мяса размером с ладонь. Его отбросило на спину, он упал на руку и сильно ударился головой об пол. Оглушающая боль обожгла его. Она потрясла его с ног до голо-

вы, словно кто-то схватил его безжалостными руками, намереваясь разодрать на мелкие клочки. Ему удалось опустить руку и нащупать рану. Рука наполнилась густой, обильно сочившейся кровью. На мгновение ему показалось, что он сейчас отключится. В глазах кружились и танцевали разноцветные огоньки. Как только вспыхивал и исчезал один, на его месте сразу же появлялся другой. На какой-то момент воцарилась полная тьма, но через минуту сознание вернулось.

И тут он услышал шаги. В голове вспыхнула картина: незнакомец подходит к нему, прицеливается в его голову из пистолета. Еще секунда, и бесчувственные пульки в мозгах по-быстрому избавят его от агонии. Два выстрела в голову, осколки черепа разлетятся во все стороны, положат конец острой пульсирующей боли и принесут ему мягкую, расслабляющую темноту.

Он приподнялся, усилием изгоняя из себя страстное желание забыться. Его послали сюда не для того, чтобы он провалился. Слишком много зависит от того, как он выполнит возложенные на него обязанности. Положение было не из приятных. Единственное, что сейчас могло его выручить, — это правая рука, которая по-прежнему сжимала заряженный пистолет. Марионет попытался ее поднять, с удивлением ощущая, какая она тяжелая. Возможно, с помощью лебедки он и смог бы это сделать, но надо обходиться собственными силами. Он пустил в ход левую руку и перехватил пистолет обеими руками. Да, так значительно легче.

Незнакомец стоял перед ним, готовый спустить курок. Марионет выстрелил один раз, второй, третий...

Внезапно вес оружия увеличился вдвое, и больше он не мог его держать. Пистолет выпал из его разжатых пальцев на пол. Он заскрипел от боли зубами, ожидая ответного выстрела, но тут же отключился.

Марионет находился в темном лесу, быстро двигаясь к яркой точке света. За ним, захлебываясь собственной слюной от вожделения, гналась стая диких собак. Один пес уже вцепился ему в ногу и рвал ее. Силы оставили беглеца, он споткнулся и упал. Воющая стая набросилась на него, и тут он очнулся и сильно пнул воображаемого пса, но попал по кровотокающей, пульсирующей ране на собственной ноге. Некоторое время он не мог сообразить, где находится. Потом программа взяла верх, и он уже не беспокоился о том, где находится, не волновался ни о чем, кроме следующего пункта плана. Его не убили. В комнате было тихо. Он смог припомнить душераздирающий крик, раздавшийся в тот момент, когда он терял сознание. Неужели его выстрел достиг цели? Значит, незнакомец мертв, а сам он спасся?

Что надо сделать, так это подняться и проверить подобное предположение. Единственное препятствие — левая нога, которая, похоже, пустила корни в доски пола. Он схватился за стул, оперся другой рукой о пол, подтянулся и с трудом встал. Но нога по-прежнему была

приклеена к коврику. Один коротенький миг он размышлял о целесообразности применения «монетки»-дезинтегратора для ампутации конечности. Это могло бы избавить его от жгучей боли, но принесло бы кучу неприятностей. Как бы в ответ на его мысли, нога немного подалась и зашевелилась. Он перенес тяжесть тела на здоровую ногу и, шатаясь, стал выпрямляться, опираясь на стул. Костяшки пальцев от напряжения побелели, но теперь Марионет стоял на обеих ногах.

Незнакомец лежал в центре комнаты, лицо его было перекошено, во лбу зияло входное отверстие пули.

Марионет отпустил стул. Комната в ту же секунду наклонилась, угрожая перевернуться. Он пошатнулся, но тут же взял себя в руки. Пошатываясь, он подошел к труп. Принимая во внимание специфику раны, это, конечно, труп, но надо в этом удостовериться. Марионет положил руку незнакомцу на грудь и не почувствовал сердцебиения. Он поднес ладонь к его ноздрям и не обнаружил дыхания. Он отвернулся, бросил на пол пистолет, затянул рюкзак и закинул его за спину. Оглядевшись, он вытер все блестящие поверхности, оставляя ложный след. Потом закрыл дверь в спальню и заковылял по коридору к лестнице.

Он тяжело сел на первую ступеньку и осмотрел раненую ногу.

Ее вид не добавил ему уверенности. Рана была черной от свернувшейся крови. Разорванные ткани по ее краям закрутились и потемнели,

что навело его на мысль о горелой бумаге. Он залез в отверстие пальцами, нашел тупой конец пули. Когда он прикоснулся к ней, ногу прострелила неопишуемая боль, заставившая его согнуться пополам и закусить губу. Он оставил рану в покое, вынул из рюкзака аптечку, открыл ее, вынул маленького механического песика-хирурга, приложил его пасть-присоску к ране и запустил в действие.

Крошечный робот, вращаясь, нырнул в окровавленную плоть, отыскал пулю, засосал ее и выскользнул обратно из раны, закончив работу.

Тогда хлынула кровь.

Она была фонтаном, заливая его одежду и ступени лестницы.

Когда он очнулся на этот раз, то почувствовал себя намного лучше. Кровотечение остановилось, и заживление уже началось. Он знал что теперь рана на его ноге не опасна, дня через три нога у него заживет. Не будет ни раны, ни хромоты. В данный момент нога еще болела, хотя боль была уже переносима, и он надеялся, что в скором времени она исчезнет совсем.

Марионет аккуратно сложил аптечку и бросил ее в рюкзак. Осторожно взялся за перила и, прыгая на здоровой ноге, стал спускаться по лестнице. К тому времени, как он добрался до черного хода, он уже мог наступать на раненую ногу, максимально используя ее.

Шатаясь, Марионет побрел по склону в сад, вышел на высокий берег извилистого ручья.

Хватаясь за корни и камни, он спустился к воде, где заметил вход в пещеру. Используя руки как рычаги, он подтянулся к лазу и какое-то время лежал, отдыхая, глубоко дыша полными легкими.

Вскоре Марионет почувствовал, что снова может двигаться, и полез дальше в пещеру, пока не добрался до снаряжения, которое, как предполагалось, должно было ожидать его. Он не знал, как убийство было организовано и для каких целей, но принял это без вопросов.

В глубине пещеры находилось три ящика одинакового размера. Марионет лег на каменный пол, прислонился к одному из них и посмотрел на выход из пещеры, через который было видно небо, затянутое утренними облаками. Сейчас ему надо поскорее заснуть. Он не может оставаться бодрствующим, даже если бы и захотел. Таков приказ. Две недели он будет оставаться в бессознательном состоянии. Его обмен веществ снизится до такой отметки, что ему не потребуется ни воздуха, ни воды, ни еды. Проснется он, будучи на пять фунтов легче, страдающим от жажды, но готовым к следующей стадии операции.

Неожиданно его замутило. Марионет прополз к выходу из пещеры и свесил голову через край. Когда все окончилось, он, теряя последние силы, вернулся на прежнее место и, свернувшись калачиком, попытался найти ответы на некоторые вопросы, с некоторых пор мучившие его.

Вместо этого он заснул.

Глава 2

Двумя неделями позже его сознание поднялось из глубочайшей черноты. Всплывая, как ныряльщик, из океанских глубин, он продолжал искать нечто такое, что было утрачено, хотя эта потеря была неопределима, иллюзорна. По мере того как голубое превратилось почти в белое, он вспомнил, что это, должно быть, на праздновании Дня независимости ракета осыпала обжигающими искрами его ногу, послав крошечные булавочные уколы. Кто-то украл ракету и, возможно, зажег ее. Он попытался представить, что бы с этим негодяем следовало сделать, когда вязкая темнота внутри его черепа прояснилась и он поднял веки.

Первое, что он увидел, был каменный свод, и Марионета охватила паника, что его похоронили живым. Он резко вскочил на ноги, сильно приложился о низкий потолок и снова сел... Пещера... Тут он вспомнил все: дом в викторианском стиле, взлом, убийство... Прошло две недели, и он готов к выполнению второй стадии плана. Очень хорошо.

Он обследовал ногу. На том месте, где зияла пульсирующая болью рана, был легкий голубовато-коричневый след. Ничего более. Он напряг мышцы бедра, ожидая приступа привычной боли, но ее не последовало. Организм работал превосходно. За исключением...

За исключением того, что он убил человека, которого даже не знал. Но Марионет не знал, кто такой он сам, откуда он. И что теперь де-

лать дальше? На мгновение он почувствовал себя подавленным, выбитым из колеи. Но та самая, похожая на компьютерную, механическая рассудительность, которая вела его в ту ночь две недели назад, возобладав, отбросила назад все, что напоминало человеческие чувства. Его депрессия, неуверенность, страх начали уходить.

Он вспомнил про ящики и обернулся, ища их взглядом. Ящики стояли рядом. Они были сделаны из полированного голубовато-серого металла, по виду похожего на алюминий. Крышки крепились петлями из того же металла. Не было ни замков, ни ручек.

Он подошел к ним и внимательно осмотрел. Никаких инициалов и грузовых ярлыков. Он безуспешно попробовал открыть крышки. В это время странная, механическая часть его сознания вернула ему холодный рассудок. Он пододвинул к себе рюкзак и заглянул в него. Он нашел «монетку», уничтожившую стекло, обнаружил вдобавок аптечку и три свертка: коричневая бумага, схваченная резинками. Он отложил монетку и аптечку в сторону и открыл первый из трех свертков. Внутри оказалась пачка хрустящих зеленых пятидесятидолларовых купюр.

Марионет вскрыл остальные упаковки. Две пачки состояли из пятидесятидолларовых купюр, одна — из стодолларовых. Всего тридцать тысяч долларов.

Некоторое время он просидел, созерцая деньги и улыбаясь. Но оттого, что программ-

рующая часть его существа ничего не говорила ему о том, что следует делать, как поступать, сомнения и эмоции опять захлестнули Марионета. Ему заплатили тридцать тысяч долларов за убийство незнакомца? Он наемный убийца? Нет, киллер из него неважный, его утроба этого не выдерживает. Он вспомнил, как ему стало плохо две недели назад после убийства незнакомца. Его вырвало перед тем, как он заснул.

Заснул...

Он что, действительно проспал две недели? Марионет пополз на четвереньках к выходу из пещеры. Ивы уже покрылись ярко-зелеными нежными листочками. Когда он заснул, они только-только набирали почки.

Но за две недели он должен был умереть от голода или жажды! А что с его ногой? Мог ли обыкновенный человек исцелиться так быстро, без осложнений? Конечно нет. Чем больше Марионет позволял своему уму продираться через загадочные завалы, тем более устрашающими становились открытия. Сейчас-то он понимал, что выполняет чьи-то команды, что запрограммированная часть его существа действует по чужой воле. Но *кто* его использует? И зачем? *И кто такой он сам?*

— Виктор Солсбери, — произнес четкий, механический голос откуда-то поблизости. — Настало время для первого инструктажа.

Марионет резко повернулся и уставился на ящик, в котором, как он почему-то знал, размещается компьютер 810-40.04.

— Виктор Солсбери, — сказал компьютер, — запоминай.

И он запомнил.

Его имя — Виктор Солсбери. Ему двадцать восемь лет. Родители погибли в автокатастрофе, когда он учился в шестом классе. Место рождения — Харрисберг, штат Пенсильвания. Он художник-исполнитель, а хочет работать как творческая личность. Он уехал в Оук-Гров, чтобы найти помещение, которое можно было бы снять под студию. Тысячи больших и маленьких воспоминаний входили в его сознание. Воспоминания детства о его жизни в сиротском приюте, о занятиях искусством, его сотрудничество с агентством в Харрисберге. Теперь у него была биография. Каким-то образом человеческая часть его сознания почувствовала, что это все ненастоящее. Так, словно кто-то рассказал ему о его прошлом, а совсем не так, как если бы он пережил это сам.

— Не борись с программированием, — сказал компьютер, — и постарайся четко выполнять задания.

— Но я убил человека!

— Он все равно бы умер месяц спустя, — объяснил компьютер тоном не терпящим возражений. — И его смерть, возможно, была бы намного ужасней той, что приключилась с ним две недели назад.

— Откуда ты об этом знаешь?

Но 810-40.04 проигнорировал второй вопрос. На крышке ящика из блестящего металла высветились нежно-желтым светом два квадрата. Не

понимая, как он узнал, что ему делать, Виктор Солсбери вытянул вперед руки и приложил ладони к светящимся квадратам. Внезапно следующий этап операции вспыхнул в его мозгу и стал ясен и понятен. Когда квадраты перестали светиться, он поднялся, подошел ко второму ящику, который тотчас по команде компьютера открылся с громким хлопком. Он вынул комплект повседневной одежды, оделся и покинул пещеру. У него есть задание, которое надо выполнить.

Глава 3

Он шел по улице от Оук-Гроув к Грейхаунд-Стэйшн — помпезному зданию из алюминия, стекла и бетона, создатели которого полагали, что оно выстроено в стиле современной готики. Около здания он поджидал автобус в компании одного пьяного, одного маленького мальчика с огненно-рыжими волосами и трех надоедливых настырных голубей, которые почему-то были уверены, что он прячет в кармане горсть семечек, но не хочет с ними поделиться. Он игнорировал их всех, отвечая мальчику или пьяному краткими, рублеными фразами, когда молчать уже было просто неприлично. Очень скоро они перестали обращать на него внимание, и даже голуби, казалось, стали облетать его стороной.

Когда подошел автобус, Виктор сел на мягкое сиденье. Объехав квартал, он вышел и на-

правился вниз по улице к агентству недвижимости «Уилмар».

Он прошел через раздвижные стеклянные двери, которые закрылись на нем, и почувствовал холодное дыхание кондиционера. Жара снаружи была почти непереносима. Агентство представляло собой одну огромную комнату, в которой можно было проводить чуть ли не соревнования по картингу. Комната была разделена перегородками на пять небольших офисов, каждый без потолка или двери, так что у вошедшего складывалось нелепое впечатление, что он заглянул в туалет мужской гимназии невысокого пошиба. Часть помещения представляла собой комнату отдыха с пепельницами и плакатами, изображавшими собственность агентства «Уилмар». У двери сидела секретарша-дежурная — одна на все пять офисов.

Она улыбнулась ему навстречу неискренней улыбкой:

- Могу я вам помочь?
- Я бы хотел справиться насчет дома.
- Снять или купить?
- Зависит от того, что мне понравится.

Но это была заведомая ложь. Он точно знал, какой дом. В конце концов, чтобы заполучить этот дом, он и убил человека.

— Присаживайтесь, пожалуйста. Сейчас вами кто-нибудь займется.

Белоснежные искусственные зубы сверкали так ярко, что ему захотелось отвести глаза.

Он просмотрел несколько рекламных проспектов и в третьем нашел дом Джакоби. В моз-

гу Солсбери застряло желание вернуться к Гарольду Джакоби — человеку, которого он убил. Он узнал его имя из гипнотического инструктажа компьютера. Но механическая, запрограммированная часть его сознания подавила простое человеческое любопытство.

— Это то, чего бы вам хотелось? — спросил вежливый голос из-за его правого плеча.

Он обернулся, машинально улыбнулся и произнес:

— Да.

Запертая, плененная, но желающая отстоять саму себя человеческая часть его сознания внутренне отреагировала гораздо более бурно. Она, эта самая часть, ожидала увидеть резвого, старательного болвана в крикливом костюме и скрипящих башмаках, а перед Виктором Солсбери стояло сейчас небесное создание — хрупкая, невысокая блондинка, с потрясающим загаром и водопадом буйных блестящих волос. По сравнению с ней та миленькая секретарша стала выглядеть уличным мальчишкой. Лицо незнакомки представляло собой такое безупречное совершенство, что голливудские старлетки зарыдали бы и в отчаянии выкинули бы свои зеркала. Огромные зеленые глаза она украла у дикой кошки. А фигура! Это явно фигура богини, телосложение какой-то мифической красавицы, хотя так сразу и не сообразишь, какой именно — Дианы, Венеры или Елены Прекрасной.

Незнакомка улыбнулась, хотя улыбка вышла не совсем уверенной. Просто девушка

ожидала от мужчины более оживленной реакции, нежели та, которую внешне проявила механическая часть сознания внутренне зачарованного Виктора Солсбери.

— Вы хотите дом снять или купить? — спросила богиня, блеснув ровными белыми зубами.

— Это зависит от товара, мисс...

— Ах, извините. Линда Харви. Просто Линда, пожалуйста.

Но, даже назвав свое имя, она не знала, достаточно ли клиент общителен, чтобы звать ее по имени. От него веяло холодом, он казался слишком замкнутым, холодным, бесчувственным человеком. Линда взглянула на жилку, бившуюся у него на шее, когда он повернулся, чтобы посмотреть на нее, — обычный способ оценить реакцию мужчины на себя — и не заметила перемены. Это было совершенно необычно!

— Меня зовут Виктор Солсбери.

Очень хорошо, если он собирается быть таким деловитым...

— Собственность Джакоби продается, аренда не предполагается.

Даже эта скучная фраза прозвучала сочно, полнозвучно, сладко, словно мед сочился с ее губ.

Кажется, он не обратил на это внимание. Странно, обычно мужчины реагировали на нее по-другому.

— Какую цену запрашивают?

— Сорок две тысячи.

Он не поморщился, услышав цену, как она того ожидала. Напротив, коротко кивнул:

— Прекрасно. Давайте взглянем на него.

Виктор сказал это для отвода глаз, принимая во внимание странные обстоятельства гибели Гарольда Джакоби. Запрограммированный Виктор был раздражен тем лживым фасадом, который ему приходилось возводить, но знал, что не надо возбуждать подозрений.

Линда быстренько организовала так, чтобы один из продавцов принял звонки, которых она ожидала, оставила инструкции секретарше, схватила со своего стола большую сумку из соломки и пошла к выходу, где он ждал ее.

— Поедем на вашей машине или на моей?

— Я приехал автобусом.

— Моя стоит за домом. Пошли.

Она сказала это тоном женщины, привыкшей повелевать окружающими ее мужчинами. Не подавляя, но элегантно используя их.

Ее машина оказалась медно-красным «порше» с откидным верхом. Они вместе опустили крышу. В двух кварталах от агентства недвижимости «Уилмар» Виктор позволил себе успокоиться, расслабил, насколько возможно, мышцы и вытянул свои длинные ноги. Линда хорошо управляла автомобилем: трогалась с места плавно, заворачивала резко, на грани, проходившей между «слишком медленно» и «слишком быстро». Маневрировала она ловко и точно и не позволяла другим водителям ее обгонять. В скором времени они очутились за городом, на прелестной деревенской дороге, которую с обеих сторон обступали деревья так, что большую часть дороги путники проделали в прохладной

тени. Солсбери не замечал окружающего пейзажа, внимательно смотря вперед, беспокоясь лишь о том, чтобы правильно сыграть свою роль.

— Это прелестный старинный дом, — сказала девушка.

— Да. Это было видно по фотографии.

Она окинула его быстрым взглядом и снова стала глядеть на дорогу. За долгое время это был первый мужчина, который выбил ее из колеи. В нем было нечто загадочное и в то же время привлекательное — нечто такое, чего она не могла точно определить.

— Вы не задали мне обычного вопроса, — сказала она.

— Какого?

— Как женщина справляется с обязанностями агента по недвижимости.

— Я полагаю, что женщина может делать это так же хорошо, как и мужчина, — ответил «механический» Виктор, по-прежнему глядя в одну точку перед собой.

Она все-таки пыталась втянуть его в беседу, но безрезультатно. Линда раздраженно прикусила пухлую губку, тихонько чертыхнулась и сосредоточилась на дороге.

Через несколько минут «порше» свернул с шоссе и быстро поехал вверх по узкой, извилистой дорожке к дому Джакоби. Линда затормозила перед лестницей, которая вела к застекленному парадному входу.

— Вы знаете историю этого дома? — спросила она. — Для некоторых покупателей это очень важно.

Несмотря на то что этот клиент разозлил ее, она не могла быть с ним нечестной.

Солнце упало на ветровое стекло и осветило белокурые волосы девушки, засверкало на них золотистыми бликами, заставило ее шире раскрыть изумительные зеленые глаза. На мгновение Виктор почувствовал смятение. Человеческая сущность овладевала им все в большей степени.

— Я слышал, здесь кого-то убили, — сказал он. — Можете вы... рассказать мне об этом?

Они вышли из машины и поднялись по ступенькам.

— В городе это происшествие никого особенно не удивило, — сказала Линда, отпирая дверь и толкая ее внутрь.

— Не удивило убийство?

Они вошли в прихожую и огляделись. Очаровательный уголок. Покойный явно обладал хорошим вкусом.

Человеческая часть сознания Солсбери, борющаяся с его запрограммированной частью, активизировалась, и Виктор испытал глубокое отвращение к самому себе.

Под ногами приятно пружинил мягкий, зеленый, как дубовые листья, ковер, стены окрашены в тускло-желтый цвет. На одной стене висел темный деревянный шкафчик, на другой — картина, написанная маслом, изображавшая что-то из испанской жизни.

— *Это* убийство не удивило. Гарольд Джакоби жил здесь, в Оук-Гроув, но у него были какое-то делишки в Харрисберге.

— Неужели? — «Механический» Виктор удивленно поднял брови.

— Да, Харрисберг достаточно велик, чтобы заниматься вовсю темными делишками. Триста тысяч жителей вместе с пригородом — это довольно много, чтобы здесь водились дорогие девушки по вызову, чтобы здесь играли в карты на большие деньги. Полиции не удалось поймать милого Гарольда за хвост, но, как видно, у его врагов руки оказались длиннее.

Они перешли в гостиную, которая была убрана с таким же вкусом, что и прихожая. Чувство вины вновь нарушило равновесие в душе Солсбери, и человеческая часть его сознания взяла верх.

— Гарольд Джакоби, тем не менее, обладал тонким вкусом.

— Гарольд Джакоби был тонкой коровьей лепешкой!

Его запрограммированная сущность по-прежнему была подавлена, и он смог рассмеяться.

— Я так понимаю, он пытался приударить за вами.

— Нет. Вовсе нет. Он был моим дядей. Это очень беспокоило — иметь такого дядюшку. Он все время пытался что-то для меня сделать. Всегда тайком. Просто милый дядюшка Гарольд очень хотел помочь своей племяннице. Но при этом его рука всегда блуждала в районе моего колена. Вот такой озорник. Так или иначе, он оставил этот дом мне, и я должна быть ему за это благодарна. Если б он не был таким занудой!

— Но дом обставлен со вкусом.

Она усмехнулась и бросила на него лукавый взгляд.

— Он поручил это фирме «Сказка».

— Фирма «Сказка»?

— Вы не слышали о такой? Новая дизайнерская фирма. Двое симпатичных молодых парней. Очень милые ребята, если вы понимаете, о чем я говорю. Они приняли заказ и целый месяц работали здесь по восемь часов, порхая по дому, как птички. Парни обычно обедали в том же ресторане, что и я. Там я с ними и познакомилась, хотя дело тут не в моем всепобеждающем женском очаровании. — Линда усмехнулась. — Просто общие интересы. Согласитесь, ребята из фирмы «Сказка» проделали сказочную работу, а?

Виктор чуть было не проговорился, что он по образованию художник, как это внушил ему компьютер. Это произвело бы на нее впечатление. Но он вовремя спохватился. А вдруг она попросит его нарисовать что-нибудь прямо тут же — обычная просьба, обращенная к художнику. Каким-то образом он почувствовал, что если попробует изобразить человека, то тот будет выглядеть как дерево. Дерево же будет смутно напоминать человечка, дом — сарай, сарай — автомобиль, а автомобиль будет похож на бог знает что. Лучше промолчать.

Когда чувство вины за убийство Гарольда Джакоби улеглось, Виктор ощутил, как внутри него поднимается стальное, холодное альтер эго. Все вокруг пошло искрами. Он снова вел себя как робот.

Они обошли дом, почти не разговаривая, хотя несколько раз она пыталась начать беседу и казалась озадаченной тем, что он, только-только выглянув из своей скорлупки, внезапно прятался в нее опять.

Поездка обратно, оформление финансовых условий договора прошли, как показалось Линде, неуклюже и натянуто. «Механический» Виктор Солсбери был не готов к общению.

Вице-президент самого крупного местного банка сомневался, выдавать ли закладную художнику, не имеющему постоянной работы. Правда, он смягчился, когда Солсбери выложил ему тридцать тысяч наличными, обещая заплатить остальное в ближайшие дни. Корыстолюбивое сердце финансиста громко забилося при виде такой кучи денег, и он закончил деловую встречу лекцией об опасностях, связанных с перевозом таких денег в одиночку.

По просьбе Виктора Линда помогла ему купить машину, слегка подержанный «MGB-GT», ярко-желтый, с черным верхом. Запрограммированному Виктору Солсбери было все равно, какая у него машина. Человеческой части его сознания пришлось по вкусу «пчелиная» раскраска автомобиля. Виктор выписал чек на всю сумму, подождал, пока подозрительный продавец проверит его в банке, вернется, широко улыбаясь, и завершит сделку.

В конце концов Линда вернулась к себе в агентство, а он поехал за покупками в супермаркет. Полный стандартный список покупок был встроен в его сознание, и он отбирал про-

дукты как автомат, механически двигаясь между стеллажами.

В четверть седьмого вечера он прибыл в дом Джакоби, теперь собственное владение. Он убрал продукты в холодильник и сделал себе на ужин яичницу с беконом и тостами. Открыл холодное пиво. Обычный обыватель весенним вечером сидит на веранде собственного дома с бутылочкой пива. Чтобы сохранить видимость естественного хода событий, он так и сделал. Вид с веранды открывался захватывающий — гряда зеленых холмов Пенсильвании, освещенная заходящим солнцем. Человеческая, живая часть Виктора оценила эту красоту, и он долго любовался ею, сидя в удобном кресле и не спеша потягивая пиво.

Глава 4

Но дальше начались твориться непонятные вещи. Виктор вдруг почувствовал, что он пьян, пьян вдребезги. Он опьянел от бутылки пива сильнее, чем от бутылки виски. Голова кружилась, сознание уплывало, а тело перестало его слушаться. Он осторожно поднялся, шатаясь пошел вверх по лестнице, которая оказалась до смешного труднопреодолимой. Он открыл дверь в спальню хозяина, но тут же его посетило видение распростертого тела, и он поплелся назад по коридору, в комнату для гостей. У постели было покрывало, но не оказалось простыней. Он нашел чистые простыни

в шкафчике для белья, но не сумел расстелить на матрасе. Чертово полотнище все время меняло размеры и выскакивало из рук. В конце концов он отказался от попыток и заполз под покрывало. Тут он вспомнил, что его одежда все еще на нем, но не встал, решив, что она заменит ему отсутствующие простыни. Угасающими искрами сознания Виктор отметил, что надо бы поискать причину такой высокой чувствительности к алкоголю. Потом он отключился.

Ему приснился красивый сон, который плохо закончился. Очень плохо.

Он стоял посреди клеверного поля. Солнце сквозило через кроны деревьев на краю поля и бросало на него тени и яркие полосы. Вечерело, и прохладный ветерок уже обдувал Виктора. Через поле шла навстречу ему бронзовая от загара блондинка с густыми, длинными волосами. Ее глаза были зелены, как листики клевера, и так прозрачны, что казалось, можно смотреть сквозь них на мили и мили пейзажей другого мира. Она протянула ему руки. Как только он принял ее в свои объятия, она внезапно окаменела и начала бубнить монотонным голосом, холодным, бесстрастным голосом «механического» Виктора.

Он проснулся, чмокая губами, и удивился, что это за тухлятина у него во рту. Он попытался выплюнуть маленький трупик, обнаружил, что это его собственный язык, и решил его оставить. В ушах у него звенело. Он глотнул, пытаясь избавиться от звона. Но звон

продолжался. Телефон не будет подключен до завтрашнего утра, и сигнализацию он еще не установил. Однако чем дольше он слушал, тем больше удостоверился, что воющий звук — настоящий, а не воображаемый. Виктор рывком сел на край кровати и посмотрел вниз на ноги, слегка удивленный тем, что даже не разулся.

Он встал и немедленно пожалел о совершенном поступке. Видимо, он — существо, которое Господь создал для горизонтального положения. Пока он находился в вертикальном положении, его глаза разбежались на фут друг от друга. Голова, казалось, распухла в четыре раза по сравнению с обычным размером, желудок вывернулся наизнанку и сдох. Он решил, что самое худшее, что могло произойти в его жизни, уже произошло. На ослабших ногах он прошел в коридор, прислонился к стене и прислушался к шуму.

Шум шел откуда-то снизу. Виктор спустился по лестнице, удивляясь: если уж кто-то задумал построить здесь эскалатор, то почему бы не сделать это по-настоящему хорошо? Ступени ездили туда-сюда, то вверх, то вниз, и он затратил солидное время, чтобы спуститься в гостиную. Когда он туда добрался, то обнаружил, что шум идет с еще более низкого уровня. Он отыскал дверь в подвал и открыл ее. На него нахлынул звенящий звук, грохот громоздкого работающего механизма. Виктор, пытаясь побороть дурноту, мельком взглянул в темноту и осторожно спустился по лестнице в подвал.

Стоя в центре подвала и слушая идущий со всех сторон шум токарного цеха, он пытался определить точный источник звука. Наконец он определил его местонахождение на стене справа от себя. Положив на стену руки, он ощутил отдаленную вибрацию. Непроизвольно он легонько ударил по стенке.

В ту же секунду на ней появился сверкающий голубой круг, футов шести в диаметре.

Потом он осознал, что с тех пор, как он проснулся, его телом управляла человеческая часть его существа. Теперь «механическая» часть выплыла из глубины, борясь за рычаги управления. Человек-Виктор исчез.

Он спокойно поглядел на круг: светящиеся края были абсолютно четкими, словно это луч очень мощного прожектора. Но ничего подобного на стену комнаты ни с какой стороны не светило. Если так, то свет должен идти изнутри.

Постепенно круг померк, побледнел и исчез. Пропал и звон. Виктор подождал еще пятнадцать минут, не зная, как ему быть. Похоже, его программа не работает. Однако, что бы ни происходило, он был уверен, что скоро снова будет выполнять задание. В конце концов, он ведь приобрел именно этот дом не для того, чтобы просто в нем жить. Ему надо подождать, и он обязательно выяснит, что происходит.

Пока он поднимался по лестнице, «механический» Виктор отошел от власти и ослабил контроль над своим альтер эго. Смертельно усталый Солсбери вернулся в кровать, быстро

погрузился в сон, на этот раз раздевшись. К несчастью, сон ему приснился тот же самый. Тот, который так приятно начинался и так плохо заканчивался. И он был, конечно, о Линде.

На следующее утро он проснулся совершенно разбитым. Пока он спал, кто-то, наверное, раскроил его голову деревянным молотком, и Виктору понадобилось почти два часа, чтобы привести себя в порядок.

К полудню его «механическая» часть начала заявлять о себе, хотя и не с такой настойчивостью, как раньше, и он почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы пойти в пещеру и принести ящики. Они оказались на месте, три аккуратных загадочных предмета.

— Послушай, — сказал Солсбери компьютеру, — я все сделал, как велено.

Ответа не последовало.

Он детально разъяснил свои действия по приобретению дома и машины. 810-40.04 никак не реагировал на его слова, выглядя как чемодан.

— Откуда взялся шум в подвале? — спросил Солсбери. — А что это за светящийся круг на стене?

Не дождавшись ответа, он крепко пнул ящик, сразу же пожалев о сделанном. От удара вверх по его ноге побежали волны резкой пульсирующей боли. Он обратился к хладнокровной механической части своего сознания в поисках разгадки, но на эту часть, похоже, опустились сумерки. Неопределенность увеличивалась с каждой минутой, он не узнал ни-

чего полезного. Виктор решил, что надо перетащить ящики домой и подождать: видно, еще не пришло время для общения с хозяевами.

Он подхватил первый ящик, прикидывая его вес. Неожиданно тот повис в воздухе в нескольких дюймах от пола, словно выполняя какой-то несложный фокус из репертуара индийского факира. Волшебным образом выплыв из гладкого металла, появилась ручка. Виктор схватился за нее и сильно дернул. Но это было излишне. Ящик оказался необыкновенно легким — фунта три, не более. Он сшиб Виктора с ног, проехался по нему и замер у выхода из пещеры, наклонившись, словно намереваясь соскользнуть с берега в ручей.

Виктор поднялся, подтолкнул ящик, на этот раз деликатно, и стал спускаться, хватаясь одной рукой за корни и камни, таща ящик другой. Пятью минутами позже ящик оказался в его спальне. Виктор с удовлетворением хмыкнул — груз со встроенным носильщиком. Слава богу, хотя бы не клянчит чаевых.

Он без проблем принес второй ящик и вернулся за 810-40.04.

— Я, пожалуй, оставляю тебя здесь, — сказал он.

Молчание.

— Я имею в виду, если ты не заговоришь...

Нет ответа.

Ему захотелось снова стать роботом, захотелось двигаться как вчера, ловко и целенаправленно. По крайней мере, отступили бы страх и неуверенность. Ведь он не знал, как ему жить

дальше, что делать. Все покрыто мраком, и ни единого просвета. Да, так можно легко сойти с ума. Компьютер — это его единственный шанс выжить. Нет, он не оставит его в пещере из боязни что-либо упустить. Компьютер знает все, что надо о нем, о Викторе, знать. Все...

— Черт бы тебя побрал! — выпалил Солсбери компьютеру, берясь за предложенную ему ручку.

Ящик приподнялся, чтобы ему было удобнее. Он пошел к выходу, толкая его перед собой. Неожиданно послышался скребущий звук, доносившийся снаружи, звук камешков, падавших на берег. «Механический» Виктор, почти умерший, содрогнулся от ужаса внутри сознания Солсбери.

Он оттолкнул ящик от себя, чтобы освободить дорогу, и пополз на четвереньках вдоль стены пещеры. Холодея от ужаса, он пытался понять, по-прежнему ли он нужен для выполнения загадочного плана; возможно, другая фигура в черном трико убьет его. Не поэтому ли это карлик из компьютера больше с ним не разговаривает? Не станет ли он следующим Гарольдом Джакоби?

Да, мысль ободряющая.

Как назло, он не прихватил с собой оружие.

Какое-то время было тихо. Затем по берегу снова забарабанили камешки, еще громче, чем раньше. Шум слышался снова и снова.

Напряжение немного спало. Конечно, если б там, снаружи, находился убийца, он вел бы себя осторожнее. Может быть, это просто играющий

ребенок, малыш, который даже не догадывается, что кто-то находится в пещере. В этом случае самым лучшим было бы выйти наружу немедленно, чем ждать, что его здесь обнаружат за непонятным занятием. Осторожно Виктор двинулся к выходу, стараясь придумать, что делать.

Но лишь только он выглянул из пещеры, как улыбка тронула его губы. Злодей не был ни играющим ребенком, ни зловещим бессердечным убийцей. На него смотрел черный с рыжими подпалинами пес-недокормыш. Глупое создание глядело на Солсбери несчастными глазами и высунув язык. У пса был повод для беспокойства, поскольку он проделал путь по узкому каменному карнизу, видимо, идя по следу Солсбери к пещере. Пес не мог идти дальше, потому что карниз прерывался, чтобы продолжиться через три фута. Солсбери мог через него перешагнуть, но собаке пришлось бы прыгать. Создание было слишком умным или слишком трусливым, чтобы на такое отважиться. Отступить назад пес не мог, поскольку не было места развернуться.

Вздыхнув, Солсбери взял его под мышку, а свободную руку использовал, чтобы выбраться на берег, где он отпустил песика под аккомпанемент пыхтения, сопения, повизгивания и благодарного лизания. Он заполучил друга. Виктор погладил по голове благодарную собачонку и вернулся к компьютеру.

Когда он снова вылез на берег, собака поджидала его и побежала за ним следом. После

того как Солсбери затащил компьютер наверх к другим ящикам, он вышел из дома и обнаружил, что собачка ждет перед входной дверью, подобострастно склонив голову на сторону. Его осенило, что животное может принести пользу. Пес может предупредить его, если зловещая черная фигура однажды ночью вынырнет из глубины сада.

Он провел остаток дня, изучая Бесстрашку (как он очень подходяще назвал собаку) и удивляясь его аппетиту. Песик мог сожрать лошадь. Он оказался ласковым и имел смешную привычку фыркать, как лошадь, когда волновался. Пес следовал за Солсбери как тень, не спуская с него умных карих глаз. Было ясно, что они понравились друг другу.

Время от времени Бесстрашка оставлял свои игры и с удивлением поглядывал на Виктора, словно не мог уловить его запаха. Он не рычал и не беспокоился — просто выглядел сбитым с толку. Солсбери предположил, что собака чувствует опустошенность своего хозяина так же, как хозяин ощущает прорехи в собственной психике. Ведь он, Виктор, на самом деле не человек, а орудие, созданное компьютером 810-40.04.

В первую ночь, когда он отправился спать, Бесстрашка улегся на меховом голубом коврике у его кровати, предусмотрительно зарывшись носом в собственный хвост.

Несмотря на появление нового друга, несмотря на исчезновение «механического» Виктора, Солсбери снова видел во сне Линду.

Они шли вдоль реки, держась за руки, ведя молчаливую любовную беседу жестов, улыбок и тайных взглядов. Она прижалась к нему: губы призывно полуоткрыты, глаза сияют любовью. Он наклонился, чтобы поцеловать ее. Перед тем как их губы встретились, откуда-то выскочил идиот, одетый в черное, и выстрелил ей в голову.

Он видел этот сон снова и снова, словно на киноплёнке, которую соединили в кольцо. Он был благодарен Бесстрашке, когда тот разбудил его. Это был первый раз, когда он услышал, как песик лает. Бесстрашка издавал короткие, резкие звуки, словно хотел избавиться от чего-то невкусного, что застряло у него в горле. Когда Солсбери позвал его по имени — которое тот уже заучил, — пес прекратил лаять и умильно завил хвостом. Он не залаял снова, но перешел на фырканье и повизгивание. К этому моменту Солсбери понял, что же так расстроило собаку.

Это были сильные удары, шум работающей машины, доносившиеся из подвала.

Глава 5

Утром в среду «механический» Виктор стал просто легким шепотом в его сознании; его периодические появления, казалось, почти прекратились. Однако нормальным человеком он себя не чувствовал. Несмотря на то что он больше не подчинялся заданной программе, он ощущал себя полупустым, половинчатым.

Виктор даже пробежался с Бесстрашкой по окрестностям, но это ему быстро наскучило, надоело из-за постоянного ожидания, что что-то случится, что-нибудь, что прояснило бы смысл убийства Гарольда Джакоби, компьютера в ящике и постоянного таинственного шума механизмов в подвале.

День мог обернуться сплошным кошмаром, если бы не появление Линды Харви в ее медно-красном «порше».

Он вышел ей навстречу, улыбаясь и протягивая руки. Она удивилась такой неожиданно теплой встрече, но тоже улыбнулась.

— Вы помните, что Гарольд Джакоби был моим дядюшкой? — спросила она. — Я продала дом со всем содержимым: серебром, посудой, мебелью, скатертями и полотенцами. Но на чердаке остались кое-какие вещи, личные вещи. Мне бы хотелось забрать их прямо сейчас. — Она подняла голову, и солнце отразилось в ее зеленых глазах. — Хорошо?

— Разумеется, — сказал он, провожая ее в дом.

Он вежливо предложил ей остаться одной на чердаке, когда она открыла первую из двух картонных коробок, чтобы отобрать то, что ей хотелось бы взять с собой, но Линда сказала, что в этом нет необходимости. Она в восторге от его компании. Это прозвучало странно, потому что в понедельник она не была так любезна. Вовсе нет, пояснила Линда. Да, она была раздражена, но еще и заинтригована. Ей трудно скрыть от себя самой это чувство. Ми-

стер Виктор Солсбери, несомненно, интересный мужчина, немного загадочный и красивый. Он несомненно творческая личность — личность, у которой пестрое и, возможно, не совсем законопослушное прошлое. Каким-то образом она чувствовала себя глупенькой школьницей, питающей иллюзии; но, надо признать, он давал для них повод своими странными манерами.

Пока они так разговаривали, сидя на голом полу чердака, Линда вдруг поняла, что он изменился с тех пор, как она его видела. Те краткие импульсы теплоты, которые прорывались через его ледяную броню в понедельник, сейчас стали основным оттенком его личности. Но все же он не похож на других мужчин. Она попыталась мысленно прикоснуться к нему, чтобы заглянуть внутрь, но только чуть-чуть. Казалось, он состоит из темных глубин, и под их мерцающей поверхностью таится что-то пугающее.

Когда Линда уже более не могла притворяться, что главная цель ее приезда — это утильсырье в картонках, она принялась за другую тему, которая и привела ее сюда. Этим утром банкир Хэллоуэлл рассказал ей о статье в газете, и она просто подскочила от желания сообщить эту новость Солсбери. Правда, сначала ей захотелось увидеть, как кровь отхлынет от его лица, захотелось увидеть, как тот станет заикаться от волнения, пристыв к месту. Теперь же она почувствовала к нему человеческое расположение; он так дружески рас-

крылся перед ней, и было бы слишком жестоким сообщить ему эту новость. Но у нее нет выбора.

— Мистер Хэллоуэлл попросил меня отдать вам эту вырезку из газеты и спросить, как вы это объясните, — сказала она, протягивая ему вырезку, когда они спускались с чердака в гостиную.

Виктор взглянул на заголовок и почувствовал, как в его голове завывала сирена тревоги.

«Идентифицировано тело местного художника».

Он облизнул губы, зная о чем будет речь дальше.

«Сегодня городская полиция Харрисберга сделала окончательное заключение относительно тела, найденного вечером в понедельник в реке Рескью на рыбацкой стоянке напротив Франт-стрит. Изучение предметов одежды и записей зубного врача указывает на то, что потерпевший является Виктором Л. Солсбери, местным художником-дизайнером, работавшим на...»

— Это какая-то ошибка, — сказал он, хотя сам ни в малейшей степени не верил в возможность ошибки. — Виктор Л. Солсбери — это я.

— Полиция утверждает, что это самоубийство, — пояснила Линда. — У него была продолжительная депрессия, потому что он не мог продать свои произведения.

— В отличие от меня, — сказал Солсбери уверенно. — На мои картины всегда находят-ся покупатели.

— Мистер Хэллоуэлл очень огорчен. Ока-залось, что он дал заем на двадцать две тыся-чи долларов человеку, который выдает себя за другого.

— Ерунда, — сказал он. — Произошла ошибка. Я завтра же поеду в город и во всем разберусь. Можете ему это передать.

Она смерила его долгим взглядом.

— Вы, кажется, восприняли это с меньшим удивлением, чем я ожидала. Согласитесь, не совсем обычно читать в газете о том, что ты мертв, это должно здорово потрясти. Виктор... вы действительно тот, за кого себя выдаете?

— Вы еще спрашиваете, — рассмеялся он. Однако он увидел, что его смех не убедил ее. — Я Виктор Солсбери. Конечно я. Какие у вас могут быть сомнения?

Линда уехала, так до конца и не поверив ему.

В эту ночь он спал плохо. Он провел ночь, думая о теле, выловленном из реки и носящем его имя. Кто он сам: действительно Виктор Солсбери или же Виктор Солсбери — тот раз-лагающийся труп? В самом ли деле настоя-щий Виктор Солсбери (или тот, кем в дей-ствительности был этот покойник) убил себя или убийца — это черный человек, пришед-ший из ночи и сделавший эту работу за него?

От этих мыслей сон бежал прочь.

В половине второго ночи из подвала снова донесся гул. Виктор встал с постели, натянул

джинсы, которые купил в городе (поскольку компьютер снабдил его только одной сменой одежды), засунул ноги в шлепанцы, вышел в коридор и спустился по лестнице в темную гостиную. Бесстрашка последовал за ним, произведя жуткий шум, скатившись по ступенькам и громко лая на дверь, ведущую в подвал.

В темном подвале пес прижался к его ноге и испуганно заскулил. На стене ровным светом горел круг, но не это испугало Виктора. За кругом туманно и еле различимо мелькали серые подвижные тени. Казалось, там двигается какая-то мешанина из проводов, причудливых механизмов и существ, вызывающих ужас.

Бесстрашка, тихо рыча, скалил зубы. Это первое агрессивное проявление, которое заметил за ним Солсбери. Собака пыталась броситься на голубое пятно, несколько раз наткнувшись на стену. Когда она убедилась, что добраться до серых теней нет возможности, она предпочла с оскаленными зубами и горящими глазами прыгнуть к ногам Виктора.

Внезапно голубое сияние разгорелось ярче, а тени стали различимее. Раздался щелчок, отрывистый резкий звук, похожий на звук сломавшегося под ногой сухого прутика. Звон стих, и на его место пришла зловещая тишина. Голубой свет исчез тоже, оставив круг, в котором все было ясно видно, как в окне.

Перед Виктором предстало сложное переплетение конденсаторов, сенсоров, проводов и транзисторов. На верхушке механизма находи-

лось сиденье, на котором восседал пришелец. Другой демон стоял рядом.

Они глядели прямо на Солсбери.

Головы у них были безволосые, покрытые неровными, серыми, перекрывавшими друг друга чешуйками. Костлявые выступы над глазами выдавались вперед, оставляя глаза в глубоких впадинах. Их глаза... Это были пляшущие языки пламени, малиновые сполохи, беспощадные, мертвые...

Виктор с трудом оторвал взгляд от их горящих глаз, пытаясь получше рассмотреть пришельцев. Что до носа, то на его месте имелось пять вертикальных щелочек, расположенных на равном расстоянии друг от друга над отвратительной пульсирующей дырой, которая, похоже, служила ртом. Голова венчала высушенное, кожистое тельце, мышцы которого были выпуклыми и узловатыми, а ноги с неправдоподобно огромными ступнями очень тонкими.

Виктор неосознанно сделал шаг назад. Ему хотелось бы, чтобы «механический» Виктор появился опять и отдал команду к действию. Но механическая часть его сознания исчезла. От его альтер эго не осталось и следа. Программирование — возможно, временно — пришло к концу. Он по-прежнему принадлежал сам себе.

Бесстрашка прижимался теплым боком к его ногам, пытаясь найти укрытие в его штанине, откуда бы ему было не видно страшных существ.

Солсбери, словно загипнотизированный, не мог отвести взгляд от ужасного видения, не в силах тронуться с места. В этот момент самый высокий пришелец поднял длинную, костлявую руку с шестью трехфаланговыми пальцами и сделал жест, словно хотел схватить его.

Сердце Виктора ухнуло вниз, от ужаса он, казалось, перестал дышать. Волосы на его голове зашевелились, а ладони стали влажными от пота. Еще секунда, и он бы потерял сознание.

Неожиданно дьявольский круг вспыхнул ярче, померк и внезапно исчез, как будто разъединилась какая-то тонкая электронная связь между чужим миром и этим.

Виктор тупо смотрел на пустую стену, на которой только что светилось окно в преисподнюю. Ноги у него дрожали, а сердце было готово выпрыгнуть из груди.

Пес очухался быстрее, вскочил и стал с лаем бросаться на стену. Он высоко подпрыгивал и царапал лапами штукатурку, словно призывая Виктора к немедленному действию.

Виктор пришел в себя. Он подозвал собаку и стал подниматься по лестнице, шагая через две ступеньки. Бесстрашка путался у него под ногами, пытаясь первым выскочить из страшного подвала.

Солсбери поднялся на второй этаж и распахнул дверь в спальню слишком резко. Та стукнулась о стену и заходила ходуном, как живая. Он подошел к ящику с компьютером и

хорошенько его пнул. Жгучая боль пронизала ногу Виктора снизу доверху, но это не слишком его беспокоило. Он пнул ящик снова. К этому времени Бесстрашка уже присоединился к нему и принялся подвывать и фыркать, пританцовывая вокруг ящика с компьютером с выжидательным видом.

— Давай-ка проведем брифинг, — сказал Виктор, обращаясь к компьютеру 810-40.04.

Но тот хранил молчание.

— Давай, черт возьми!

Гробовая тишина.

Он вспомнил о верстаке в подвале. Бесстрашка последовал за ним до лестницы и стал смотреть, как тот спускается, но сам за ним не пошел. В подвале Виктор нашел инструменты, развешанные на гвоздиках в стене. Он выбрал среднего веса лом и притащил его в спальню, двигаясь, как пещерный человек со своим любимым каменным топором.

Сначала он прицелился в компьютер и угрожающе замахнулся оружием.

— Или ты немедленно дашь мне указания, или я выпотрошу тебя в лучшем виде.

В его крови циркулировала хорошая порция адреналина, он был готов разбить дьявольский ящик вдребезги. Что-то вокруг происходило, что-то, чего он не понимал. Откуда появились сморщенные кожистые люди-ящерицы со ртами-присосками, как у угрей? Определенно пребывание в доме становилось все более опасным из-за незваных гостей, этих чешуйчатых уродцев. Если кто-то ждет, чтобы он принял пра-

вильное решение, то он должен быть лучше информирован.

Но 810-40.04 молчал.

Виктор перехватил лом покрепче и стукнул по крышке ящика. Лом отскочил, звеня у него в руке, как колокол. От удара Солсбери почувствовал сильную боль в руке. Он положил лом на пол и массировал руку до тех пор, пока она снова обрела чувствительность. Внимательно обследовав крышку ящика, он с удивлением обнаружил, что нет следа от удара — поверхность была идеально гладкой.

— Я схожу с ума, — сказал он компьютеру.

Так оно, в общем, и было.

Бесстрашка сопел и фыркал, как лошадь в жару.

Виктор встал на колени перед ящиком и изучил тоненькую линию, там, где крышка соединялась с основанием. Он аккуратно вставил острие лома в щелочку, а затем навалился на него всем своим весом. Какое-то мгновение казалось, что все возрастающее давление каким-то образом на ящик все же действует, но потом лом соскользнул, выскочил из шва и неожиданно стукнул его по лбу.

Виктор зашатался и просто чудом не потерял сознание. Он потер лоб, чувствуя, как начинает расти шишка размером с яйцо. Постепенно все вокруг перестало вертеться волчком. Виктор стиснул зубы и вновь принялся за дело, вклиниваясь все глубже. В тот момент, когда он уже думал, что крышка открывается, ослепляющая зелено-голубая вспыш-

ка полыхнула перед его глазами, он почувствовал оглушающий удар по голове, и черный занавес закрыл от него все происходящее.

Глава 6

Выплывая из вязкой бархатной тьмы, пытаюсь согнать с глаз черную завесу, он обнаружил, что одно ящерицеобразное создание кушает его голову. Он чувствовал, как шершавый язык нежно облизывает его лицо, пробуя на вкус, и зубы готовы откусить первый кусочек.

Виктор содрогнулся и открыл глаза, ожидая увидеть демона. Вместо этого он увидел Бесстрашку: тот, счастливо фыркая ему в лицо и словно не имея понятия о том, как неприятно пахнет у собак изо рта, вылизывал язычком лицо своего хозяина.

Солсбери тряхнул головой, чтобы прояснить сознание, пошарил вокруг себя, словно пытаясь что-то найти, и сел, держась за голову руками. Перед глазами все плыло, стены покачивались, а в глазах загорались и меркли разноцветные круги. С трудом он встал и, повернувшись к компьютеру, сказал:

— Ты выиграл.

Компьютер ничего не ответил.

Виктор поднялся по узкой лестнице на чердак, повернул лампочку в плафоне и стал осматривать содержимое ящиков комода. Через пару минут он нашел, что искал, — пистолет 22-го

калибра с патронами. Пистолет находился в рабочем состоянии, старательно смазанный маленький дамский пистолет. Он вернулся к себе в комнату, подвинул тяжелый стул в угол так, чтобы не сидеть спиной к окну, и зарядил оружие. Бесстрашка находился рядом — любопытствующий, игривый и напряженный.

С того места, где сидел Солсбери, ему был виден вход в подвал. Если тощий, с ртом-присоской человек-ящерица только высунет свою голову из двери подвала, то Виктор разнесет ее в кусочки одним метким выстрелом. Эти создания не производят впечатления особенно крепких.

Но время проходило, не принося никаких значительных событий, и его мускулы начали расслабляться, а нервы — успокаиваться. Через полчаса он понял, что проголодался, и сделал себе пару бутербродов. Он уже был готов открыть пиво, когда вспомнил необычную реакцию на последнюю выпивку. Алкоголь исключается. Этой ночью ему надо пребывать в ясном сознании и быть начеку. Жуя бутерброды, он задумался. Что, если пришельцы по ту сторону портала и есть те, кто запрограммировал его убить Гарольда Джакоби? Что, если Виктор — орудие в их руках, простой исполнитель какого-то зловещего замысла?

Мысль об этом была почти непереносима. Если бы только 810-40.04 вышел с ним на связь и Виктор мог бы получить ответ! Тогда жизнь не казалась бы ему такой беспросветной, а ситуация — столь тупиковой.

А вдруг, вскрывая компьютер, он повредил элемент питания? А вдруг он вообще испортил компьютер? Даст ли тот ему теперь новое задание? Или он по глупости, в минуту страха и затмения, прервал свою единственную связь с высшим разумом?

Солсбери размышлял об этих вещах вплоть до восьми утра, не чувствуя ни малейшего интереса ко сну. В восемь он прихватил пистолет с собой в ванную и принял душ. Но сначала он выпустил за двери Бесстрашку, потом запер за ним дверь. Виктор прислонил бельевую корзину с крышкой к ручке двери так, чтобы крышка заклинила ручку и не дала повернуть ее с той стороны. Он не стал задегивать шторку душа и не отводил взгляда от двери, чтобы не пропустить постороннего движения, и напрягал слух, чтобы уловить повизгивание или вой собаки. Страх овладел его душой.

В 9.15 он посадил собачку на заднее сиденье своего «MGB-GT». У Бесстрашки было достаточно места, чтобы вертеться во все стороны, и три окна для обзора. Пес выглядел довольным. Солсбери прикинул, что будет в Харрисберге сразу после десяти. Первым пунктом программы надо было выяснить, не позволят ли ему в полиции взглянуть на тело Виктор Солсбери... то есть того, чей труп.

Дежурный сержант был рослым детиной с кислым выражением лица и желтыми зубами. Он сидел за обшарпанным и заваленным бума-

гами столом, жуя окурок сигары, которая давно погасла. Перекладывание туда-сюда бумаг придавало ему занятой вид. Он провел тяжелой, толстопалой рукой по редющим волосам и, неохотно вынув драгоценный остаток сигары изо рта, спросил:

— Да?

— Меня зовут Виктор Солсбери, — сказал Солсбери.

— Ну и что? — Он моргнул несколько раз и сунул сигару назад в рот.

— Я тот, которого ваши люди считают покойником.

— И что бы это могло значить? — Он моментально занял оборонительную позицию.

Солсбери понял, что сделал сразу две ошибки. Во-первых он слишком сложно начал разговор с полицейским. Такой склад ума, как у сержанта Брауэра (таково было имя, написанное на табличке, стоявшей на столе), мог работать только с реальными, простыми утверждениями; фразами, которые могли быть понятны даже коту. Во-вторых, ему не нужно было быть с недоброжелательным сержантом таким раболепным — в особенности употреблять выражение «ваши люди».

Виктор изменил свою тактику:

— Я прочел во вчерашних «Вечерних новостях», что тело, выловленное из реки, было идентифицировано как принадлежавшее художнику Виктору Солсбери. Но, понимаете ли, Виктор Солсбери — это я.

— Погодите минуту, — сказал Брауэр и вызвал по местной связи офицера по имени Клинтон.

Солсбери стоял здесь же, не зная, куда девать руки, и стараясь не выглядеть виноватым. Виктор-робот справился бы с этим в два счета, без малейшего сомнения. Но незапрограммированный Виктор, который в настоящий момент управлял телом, мог думать только об убийстве Гарольда Джакоби, совершенном около двух недель тому назад, и о том, как охотно люди в полицейской форме узнали бы правду об этом деле.

Детектив Клинтон остановился в десяти шагах от Солсбери и от удивления широко раскрыл глаза. Придя в себя через пару секунд, он не мог отвести удивленный взгляд от Виктора и выжидательно молчал. Это был высокий, сухощавый человек, похожий на хищную птицу. Его глаза перебегали с Брауэра на Солсбери, он ждал, что ему объяснят, для чего его вызвали.

— Этот парень здесь в связи с тем делом о неопознанном трупе, которым ты занимался, — сказал Брауэр.

Пустяки, вроде ошибочной идентификации мертвых тел или людей, воскресших из мертвых, его не интересовали. Вникать в чужие проблемы сержант не собирался. Он вернулся к своим бумагам и начал усердно их перебирать.

— Я детектив Клинтон, — сообщил человек-ястреб.

— Виктор Солсбери, — представился Виктор, пожимая протянутую руку.

Краска окончательно сошла с лица детектива, он не мог сохранять далее невозмутимость.

— Сюда, пожалуйста.

Он отвел Солсбери к себе в кабинет, предложил ему стул и плотно закрыл дверь. Сам же он опустился в свое удобное вращающееся кресло.

— Что я могу для вас сделать?

— Я прочитал вчерашнюю газету... увидел заметку о теле, которое было идентифицировано как мое.

Клинтон секунду помолчал, потом улыбнулся:

— Я уверен, что здесь ошибка, мистер Солсбери. Имя и фамилия могли быть такими же, но тело опознано правильно.

— Не похоже, что существовали два Виктора Л. Солсбери в одном городе. И оба художники? Кроме того, вы узнали меня еще в дежурной части.

— Сходство имеется, — согласился Клинтон. — Мы нашли несколько фотографий у Солсбери на квартире. Вы очень похожи.

— А труп?

— В некоторой степени. Он... вы, должно быть, понимаете... несколько разложился.

— Почему вы решили, что убитый — это Солсбери?

— Ваша квартирная хозяйка, — Клинтон поправился, — *его* квартирная хозяйка, некая миссис...

— Дилл, — сказал Виктор, удивляясь своей памяти.

— Да. Она подала заявление, что вы ушли из дома вечером и не являетесь десять дней. Вы на четыре дня задержали плату за квартиру. Она испугалась, что что-то случилось. Она заявила о вашем исчезновении.

— Вы нашли какие-нибудь документы? — спросил Виктор.

— Нет. За исключением записки, найденной в рубашке. Она была за пластиковым окошечком бумажника и не слишком промокла.

— И в записке говорилось...

— «Я творческая личность, но мне не дают творить. В.»

— Даже не подписано полным именем?

— Нет. Но все сходится. Виктор Солсбери был художником-оформителем, хотел заниматься творческой работой, но с карьерой у него не ладилось.

— Но это я Солсбери, это я уехал десять дней назад с кипой работ, которые продал в Нью-Йорке.

Детектив Клинтон наклонился вперед, сидя в кресле.

— Но записи из лечебной карты врача-стоматолога. Как быть с ними? — сказал он. — Отпечатков пальцев у Солсбери никогда не снимали, но он регулярно посещал дантиста.

— Доктора Бродерика.

Клинтон кивнул:

— Мы сверили записи Бродерика с рентгеновскими снимками челюсти трупа. Почти точное совпадение.

— Почти?

— Записи стоматологов никогда не бывают точны. У детского стоматолога одно, у Бродерика — немного другое. Собирая данные о зубах Солсбери, Бродерик легко мог проглядеть нечто такое, что впоследствии выявило более тщательное криминалистическое исследование с помощью рентгена.

— Уверяю вас, я — Виктор Солсбери.

Клинтон решительно покачал головой.

— Невозможно отыскать двух людей, состояние зубов которых идентично. Это так же индивидуально, как отпечатки пальцев. Тело принадлежало Солсбери.

Виктор собрался с духом:

— Сделайте рентген моих зубов прямо сейчас. Сравните их, пожалуйста.

Клинтону этого не хотелось, но он не стал возражать. Этот Солсбери похож на предполагаемого Солсбери как две капли воды, у него те же воспоминания, хотя они и производят странное впечатление некоторой вторичности, те же способности. Если бы не неожиданное появление двойника, он, возможно, уже закончил бы заполнение бесконечных форм и отчетов и закрыл дело.

Они прошли в лабораторию, где седовласый человек по имени Мори сделал рентгеновский снимок. Снимки совпали. Дело запуталось окончательно.

На прощание Клинтон протянул руку Виктору и растерянно произнес:

— Извините за причиненное беспокойство, мистер Солсбери. Но сходство во многих отношениях просто поразительно. Не знаю, черт возьми, кем он в конце концов окажется.

Виктор пожал руку Клинтона и покинул участок. Он мог бы сказать детективу, как звали умершего, но не стал этого делать. Тело, по всей вероятности, принадлежало Виктору Солсбери.

Через некоторое время он сел в автомобиль, удивляясь, что таинственные хозяева, которые под гипнозом запрограммировали его на убийство Гарольда Джакоби, также убили и настоящего Виктора Солсбери, чтобы завладеть его телесной оболочкой. Но как же тогда предсмертная записка и сверхдоза барбитуратов, которую Солсбери принял прежде, чем броситься в реку? Весьма мелодраматичный способ сведения счетов с жизнью. Каким-то образом хозяева Виктора знали, что должно случиться, знали или сами подстроили все это?

Так что же произошло на самом деле? Пришельцы знали все задолго до самоубийства и наполнили его сознание прошлым настоящего Солсбери, как микстурой с ложечки.

А почему он выглядит как Виктор Солсбери? Чудовищное совпадение? Вряд ли. Виктор совершенно запутался в своих размышлениях. Его ум был котлом, в котором, выпуская струи пара, кипело сомнение.

Он приехал в квартиру Солсбери, которую тот снимал на верхнем этаже дома Марджори

Дилл. Комната была с наклонным потолком и стенами, обшитыми темными панелями.

Миссис Дилл, шустрая, как капля ртути, женщина с волосами цвета и жесткости небеленой шерсти, ходила за ним повсюду, то угодливая, то испуганная, то извиняющаяся, то презрительная. Да, она продала вещи постояльца. Да, возможно, она поторопилась. Как бы то ни было, но плата была просрочена. И она думала, что он умер. Она очень сожалеет. Но с его стороны очень невежливо — уезжать, не сказав ни слова, не отдав никаких распоряжений насчет найма.

Он нашел три коробки с бумагами, которые хозяйка не выбросила. Миссис Дилл решила сохранить рисунки, которые можно было бы вставить в рамки и продать. В конце концов, у него нет родственников. Родители умерли. Не осталось никого, кому бы можно было сообщить, чтобы забрали покойного. Конечно, она сожалеет, что действовала слишком поспешно. Он же не думает, что она корыстна, ведь нет?

Он отнес рисунки в машину и наказал Бесстрашке не трогать их. Ему пришлось пересадить пса на переднее сиденье, на место пассажира, и положить коробки на заднее. Он отъехал, а миссис Дилл долго глядела ему вслед, удрученная, что рисунки, которые можно было бы продать, выскользнули из ее рук. Правда, ее согревало то обстоятельство, что визитер не додумался спросить ее об остатке денег, который она получила от продажи мебели постояльца и его рисовальных принадлежностей.

Виктор пообедал в многолюдном, шумном ресторане, в котором, несмотря на невзрачный интерьер, подавали вкусную еду.

Позже, обратив внимание на грустную, потерянную мордочку Бесстрашки, он купил тому банку собачьих консервов из цыпленка и накормил голодного пса.

В десять минут пятого он позвонил в рекламное агентство, в котором он — или настоящий Солсбери — работал, и поговорил с мистером Мэлом Хаймером, своим боссом. Он выслушал многословный напыщенный бред насчет десятидневного отсутствия, затем известил его, что возвращаться на работу не намерен, и повесил трубку.

Никакого удовольствия он от этого не получил. Его слегка опечалило то, что он, а не другой Солсбери высказал Хаймеру то, что он о нем думал. Наверное, настоящий Солсбери хотел сделать это больше всего на свете.

Существовало еще одно дело, которое обязательно нужно было выполнить, и Виктор поехал через весь город в художественный салон, который, как уверяла его память, он многократно посещал раньше. По пути он выслушивал оценки, даваемые Бесстрашкой проезжающим автомобилям. Маленькие обычно достаивались всего лишь взгляда, ради которого тот поворачивался на своем сиденье. Модели среднего класса вызывали легкое тихое рычание. Если мимо проносился «кадиллак» или «корвет», пес вскакивал со своего места и фыркал им вслед. Он и в самом деле был вполне справедливым судьей

качества, за исключением побитых пикапов и маленьких, шумных мотоциклов, для которых у него была припасена самая откровенная реакция.

Между полками художественного салона Виктор бродил больше двух часов, выбирая товар. Пастель, подставки, масляные краски, кисти, холсты, растворители, карандаши. Он любовно касался этих предметов и отбирал что хотел. Подсознательно он точно знал, что ему надо, чтобы оборудовать студию для работы с первого штриха. Каждый предмет давал ему сладко-горькое ощущение *дежавю*. Он также купил огромный стол с переносными лампами для рисования; ящик для эскизов, увеличитель, портативный фотокопир, светокопир. Он уплатил пятьсот долларов наличными, на остальную сумму выписал чек.

Без четверти девять он остановился поесть у лотка с гамбургерами, взяв два для себя, два для Бесстрашки. Он не мог найти фонтанчик с водой, поэтому купил собаке кока-колы, как и себе. Псина была так взволнована новым вкусом, что, позабыв хорошие манеры, разлила содержимое на сиденье. Солсбери вытер разлитое и объяснил псине, как надо себя вести. Когда он разрешил собаке пить снова, та была значительно аккуратнее.

В половине десятого они пустились в часовую путь назад в Оук-Гроув.

Он не знал, что принесет ему ночь.

А ей, этой самой ночи, суждено было стать очень нелегкой.

Душ, чистка зубов и спустившие шины спасли ему жизнь. Сочетание трех этих факторов послужило тому, что он попал домой значительно позже, чем рассчитывал.

Сначала спустила правая шина. Он остановил машину на обочине, снял пиджак и быстро взялся за дело. Но, вынимая из багажника домкрат, обнаружил, что запаска тоже спущена.

Он припомнил, что заправочная станция — где-то рядом, поэтому отправился туда пешком, надев на каждую руку по шине.

Через пятнадцать минут быстрой ходьбы он почувствовал, что сейчас умрет от усталости. Руки ломило, а плечи отвисли, как пластилиновые. Он немного отдохнул, надеясь, что попутный автомобиль его подбросит. Но машин, как назло, не было, и он пошел дальше.

Вскоре Виктор остановился в третий раз, присел на шины, чтобы отдышаться, и неожиданно задремал. Он проснулся через десять минут, когда мимо с рычанием пронесся грузовик, игнорируя его присутствие на обочине.

Наконец, он добрался до автозаправки, которая уже закрывалась. Сумев убедить владельца посредством пятидолларовой купюры сверх таксы залатать обе шины, он попросил мастера отвезти себя к оставленной машине.

Дома, много позднее, он, пошатываясь, при свете тусклого ночника, прошел через гостиную наверх. Настенные часы подсказали ему, что уже десять минут второго. И хотя Виктор

падал от усталости и смертельно хотел спать, он все же отправился в ванную, принял теплый душ и почистил зубы.

Без этих трех нудных вещей — спустивших шин, душа и чистки зубов — он давно бы уже спал и, возможно, уже был бы мертв.

Он плюхнулся на кровать и застонал от удовольствия, когда матрас мягко принял его в свои объятия. Непроницаемое черное облако опустилось на него, затуманило сознание, погружая в сладостный сон.

Вдруг залаял Бесстрашка, зарычал, завыл. Виктор оставил двери спальни открытыми, и собака выскочила в коридор. Солсбери перевернулся, сонно решив не позволять глупому псу нарушить свой сон, сладкий... глубокий сон. Но Бесстрашка продолжал лаять. Наконец терпение Виктора лопнуло, тяжело вздохнув, он встал с кровати и проковылял в коридор, обдумывая виды пыток, которые можно было бы применить к собаке.

Дрожащий от возбуждения пес стоял на лестнице, глядя вниз, и остервенело рычал. Солсбери прикрикнул на него, чтобы тот вел себя потише. Псина взглянула на него, оскалила клыки, заскулила и стала виновато вилять хвостом.

Виктор вернулся в спальню, прикрыл поплотнее дверь и рухнул на кровать, прикрыв голову подушкой в поисках тишины. Он плотно прижал ее к ушам обеими руками, закрыл глаза и попробовал увидеть ту прежнюю, окрашенную в нежные тона страну мечты.

Собака снова яростно залаяла. Виктор в бешенстве швырнул подушку об пол и сел. Проклятая собака! Чтоб ей пропасть! И чего ей не спится? Может быть, встать и наподдать ей как следует?

Виктор встал, открыл дверь и приказал собаке заткнуться.

Пес просто захлебывался лаем.

Солсбери решил, что дружба дружбой, но он выставит пса на ночь из дома. Это первый раз, когда пес не повинуется ему. Виктор вышел в коридор.

Бесстрашка стоял на лестнице, глядя вниз, словно собирался прыгнуть. Шерсть на загривке собаки стояла дыбом, она утробно рычала, скаля острые клыки и прижав уши к голове. Виктор подошел к собаке, наклонился, чтобы взять ее на руки и замер на месте.

Во мраке у подножия лестницы...

Что-то темное, наводящее ужас поднималось по лестнице.

Перед глазами сразу возник образ отвратительного пришельца с ртом-присоской и глазами, горящими, словно раскаленные угли. Виктора охватил пронзительный, жгучий ужас, он прирос к полу, ожидая, что сейчас чешуйчатые, холодные лапы коснутся его.

Бесстрашка терся о его ноги, подвывая от страха, удивляясь, почему его хозяин в самый ответственный момент ведет себя так нерешительно.

Виктор щелкнул выключателем.

Существо вышло из тени, и ночной кошмар на секунду отступил. Это был человек. Мужчина.

Но что-то в нем было не так. Высокий, более шести футов ростом, он был одет в темные широкие брюки, белую футболку с короткими рукавами и сандалии с тонким ремешком. Какое-то еле уловимое отличие выделяло его среди людей, он вряд ли сумел бы затеряться в толпе. Лицо незнакомца странным образом напоминало лицо манекена, гладкое, будто восковое, безупречное почти до уродства. А его глаза... Они были голубыми, как у героя на рекламе сигарет или одеколона, но ничего не выражали, будто нарисованные на белом матовом стекле. Лицо было красиво, но словно высечено из мрамора. Он не улыбался, не хмурился — просто шел к своей цели, как робот.

Солсбери стало ясно, что незнакомец пришел его убить.

— Стой, где стоишь, — приказал Виктор. Разумеется, тот не остановился.

Напротив, незнакомец стал подниматься сразу через две ступеньки. Солсбери ринулся назад в коридор. В физическом плане он не уступал незнакомцу. Но что-то в облике незваного гостя говорило, что мускулам Виктора не сравниться с мускулатурой зловещего визитера. Кроме того, он был не в форме от недосыпа и от нескончаемых разборок с самим собой.

Виктор был уже почти в конце коридора, когда услышал визг Бесстрашки, полный явного и неподдельного негодования. Обернув-

шись, он увидел, как собачка бросилась на человека и схватила того за горло острыми зубами.

Незнакомец на мгновение остановился; казалось, он в замешательстве, хотя правильные черты его лица были неподвижны, как у механической куклы. Легким, почти неуловимым движением он оторвал от себя собаку и зашвырнул ее в спальню хозяина, а дверь захлопнул. Бесстрашка, хрипя, бросился на дверь, царапая ее когтями, но, несмотря на всю свою героическую решимость, он был эффективно выведен из борьбы.

Солсбери уставился на шею незнакомца. Он разглядел дырочки от собачьих зубов там, где они погрузились в восковую плоть, но он *не* увидел ни единой капельки крови.

Незнакомец приближался так, словно ничего особенного не произошло. Солсбери слишком поздно понял, что, стараясь как можно дальше отбежать от лестницы, он миновал дверь своей спальни, и теперь его пистолет находится вне пределов досягаемости. Незнакомец приближался слишком быстро: вернуться в спальню уже не получится.

Раздался оглушительный, отдавшийся эхом звук. Виктор бросил взгляд налево и увидел, что стена пробита, почернела и слегка дымится; вокруг валяется осыпавшаяся штукатурка, а в воздухе повисло горькое облако пыли, которое медленно, как снег, оседает на пол.

Он повернулся к захватчику и обнаружил, что тот по-прежнему с неподвижным лицом,

как статуя из сигарной лавки, медленно и неотвратно приближается.

Незнакомец поднял указательный палец правой руки и ткнул им в сторону Солсбери. Палец был увенчан остроконечной, полированной латунью. Дело начинало приобретать неожиданный оборот.

Пока Солсбери пялился на незнакомца, тот щелкнул пальцем, разрядив в него ровный поток золотистого света, почти невидимого, похожего на сотню маленьких цехинов, ловящих солнечный свет, отражающих и преломляющих его. Луч прошел в нескольких дюймах от Виктора и пробил в стене еще одну дыру.

Солсбери повернулся, в три прыжка оказался в ванной, захлопнул дверь, уже понимая, что вряд ли замок устоит против огневой мощи противника.

В следующее мгновение мощный световой удар потряс дверь. Та треснула, закрипела на петлях так, словно трянули мешок с высохшими костями. Толстая дубовая дверь прогнулась внутрь, будто пластмассовая.

Во все стороны полетели щепки, хотя пролома, как такового, еще не было. Потребуется еще один выстрел, возможно, два, чтобы добиться этого. Потом дверь в виде обломков упадет у ног Солсбери, и ему будет некуда спрятаться от острого лезвия смертельного сияния. Он задумался: а что делает световое оружие с человеческой плотью? Пробивает в ней выбоины, как в штукатурке? Оставляет дымящиеся, бесцветные дырки? Или раз-

носит в щепки, как это сейчас произошло с дверью?

Да, по всей видимости, дела его плохи. Убийца не даст ему уйти.

Солсбери потряс головой, злясь на самого себя за страх перед такой простой вещью, как виброствол. Но что было делать, если «механического» Виктора виброствол пугает почти так же, как и живого Виктора?

Солсбери оглянулся, планируя дальнейший порядок действий. Он встал на сиденье унитаза, отпер оконце — единственное на внешней стене — и навалился на него. Оно открылось с протестующим скрипом, но распахнулось наружу без малейшей задержки. Он взглянул вниз, вытягивая шею и ожидая плохих новостей. Напротив, новости были хорошие. Сравнительно... Ему не понадобится прыгать со второго этажа на землю, поскольку крыша заднего крыльца — всего в пяти футах.

Второй выстрел вибростола ударил в дверь и выбил косяк. Гаубица, стреляющая по ночным горшкам... В двадцати футах от Виктора, в коридоре, стоял убийца, подняв стреляющую руку с латунным перстом и направив ее на нижнюю половину двери. Беспощадные голубые глаза отражали свет лампы, но жизни в них не было. Просто две голубые монетки по одному пенни каждая.

Солсбери двумя руками схватился за стойку душа и полез из окошка ногами вперед, потому что не хотел поворачиваться к врагу спиной. Мгновение он думал, что его бедра

застрянут и не дадут ему выбраться. Он крикнул, изогнулся, извернулся и неожиданно освободился. Теперь осталось протиснуть плечи. Он усердно ими работал в то время, как нижняя часть двери взорвалась дождем щепок, которые с треском заскакали по кафелю, как саранча.

Убийца со своим волшебным пальцем был в нескольких шагах от него и целился Солсбери в голову. Сверкнула латунь. Виктор ужом пролез через окно, свалился на крышу крыльца, заскользил, падая, и, больно ударясь, покатился к краю. Он вцепился пальцами в черепицу, сорвал себе ноготь и почувствовал острую, жгучую боль, пронизавшую руку. Он уже представил, как валится с высоты в пятнадцать футов на каменные плитки дорожки, с позвоночником смятым, как хрустящее печенье.

Виктор отчаянно заработал руками, пытаюсь не обращать внимания на сорванный ноготь, и удача улыбнулась ему — он уцепился за какой-то выступ. Он полежал так минуту, втягивая в себя холодный воздух, благословляя кровельщика, который не прилепил одну черепицу вплотную к другой.

Момент спустя он поднялся и, согнувшись, побежал назад по крыше, прижимаясь к стене дома.

Он прислушался и услышал, что остатки двери рухнули внутрь ванной комнаты. Благодарный архитектору за то, что крыша шла почти по всему периметру этого старого дома,

Солсбери завернул за угол. Он подошел к краю и заглянул вниз на трехфутовый промежуток между крышами дома и крыльца. Ему надо не только перескочить, но еще и завернуть за угол. Колеблясь, он поглядел на открытое окно ванной. Голова убийцы торчала из окошка, и он целился в Виктора своим латунным пальцем.

Солсбери прыгнул, приземлился на следующей крыше и побежал по ней, спотыкаясь, словно гонимый сильным ветром, балансируя руками.

Он сохранил равновесие, подошел к водосточной трубе и взглянул вниз, на поляну за домом. Высота была всего футов пятнадцать, у «механического» Виктора не возникло бы ни малейшего сомнения на свой счет, но теперь это казалось расстоянием в милю. Солсбери закусил губу и прыгнул.

Он ударился о влажную от росы землю, перекатился на бок, как упавший лыжник, и прислушался, не раздастся ли звук шагов преследователя. Однако кругом стояла тишина, пугающая, мертвая, но невероятно опасная. Опять залаял Бесстрашка, вероломно закрытый в хозяйской спальне. Бедная благородная собака, отстраненная от борьбы! Но ее зубы и когти, казалось, бессильны против незнакомца. К Солсбери вернулось чувство реальности. Он вновь стал самим собой.

И что теперь?

Если он не может бороться на равных, то единственный выход — бежать. Он осторожно

двинулся вокруг дома, прячась у изгороди, изо всех сил стараясь не выходить из тени. Его ядовито-желтая пижама также не была предназначена для секретных операций. Перед тем как завернуть за угол дома, он услышал коротенький скребущий звук, поверхностный, глухой щелчок. Он стоял очень тихо, пытаясь уловить что-нибудь еще.

Ночь была холодной.

Ничто больше не нарушало ночную тишину. Виктор перевел дыхание и успокоился.

Он вспомнил о своей машине, припаркованной на посыпанной гравием площадке, с запасными ключами под капотом, куда он их спрятал по совету продавца подержанных автомобилей. Что он будет делать, когда окажется далеко от этого дома, куда отправится, когда вернется — ответы на все эти вопросы его сейчас не очень-то беспокоили. Все, что он знал, так это то, что за ним по следу идет высокий, с ничего не выражающим лицом убийца — безжалостное, готовое на все существо.

Виктор тихонько обошел кусты, растущие перед домом. Он поглядел вверх, через застекленную крышу, но ничего, кроме обычных солнцезащитных приспособлений, не увидел. Лужайка была пуста, на специальной площадке стояла его машина. Полусогнувшись, чтобы представлять собой как можно менее заметную мишень, он подбежал к машине и вынул ключи из-под капота. Хотя его пальцы дрожали, он довольно ловко открыл дверцу и заглянул в салон.

Преследователь сидел на месте пассажира, его сверкающий палец был нацелен прямо в сердце Солсбери...

В один короткий миг Виктор перешел из состояния, близкого к истощению и умственно-му оупению, в состояние полной физической и умственной мобилизации. Он отклонился в сторону, чтобы уберечь лицо, услышал резкий звон разбитого стекла и почувствовал, как острые осколки ужалили его грудь через пижамную куртку. Он упал и покатился, пытаясь уберечься от новых выстрелов.

Убийца вылез из машины.

Солсбери не знал, что теперь предпримет незванный гость в попытке его убить, но не собирався ждать, пока он это сделает. Держась в тени ограды, страстно умоляя темноту не дать убийце разглядеть его, он обогнул угол дома и бросился прочь. Он пересек лужайку, скользя то и дело голыми ногами по росистой траве, вбежал в тень сада, остановился у яблони и попытался отдышаться.

Оглянувшись на проделанный им путь, он увидел убийцу. Тот стоял перед домом и пристально вглядывался в темноту, как казалось, прямо в самого Солсбери. Внезапно Виктор увидел, что убийца быстрым шагом направляется в его сторону.

Солсбери побежал через деревья, сам не понимая, куда бежит и что он станет делать там, где окажется. Земля под ногами была каменной, и он почувствовал, как в босые ноги врезаются острые камешки. Боли он не

чувствовал, страх, один только страх безраздельно владел им, заставляя бежать куда глаза глядят.

Его дыхание напоминало жидкий огонь, пожиравший его легкие, сжигая все внутри. Его живот был мерцающим углем. В голове находились мехи, которые обеспечивали приток воздуха ко внутреннему пламени.

Наконец сад кончился, Виктор оказался на берегу ручья, безнадежно пытаясь придумать хоть какой-нибудь план, который спасет то, что было важнее всего — его жизнь.

Виктор обернулся в ожидании самого худшего, страшись того, что убийца появится вслед за ним, поднимет свой смертоносный палец для последнего залпа, а он не сможет ничего предпринять. Солсбери задержал дыхание так, чтобы можно было расслышать врага, уловить шум шагов осторожного человека, идущего через заросли.

В отчаянии ему на ум пришел некий план — единственный в своем роде, который мог бы сработать. Он проделал путь по уступу, ведущему в пещеру, где нашел три ящика и где проспал две недели. По пути он остановился и оглянулся вокруг — камни, корни и ветки кустарника, свисавшие вниз. Виктор ухватился за какой-то выступающий камень и стал подниматься.

Через три минуты, оцарапав ладони во время подъема на скалы, ободравшись о колючие кусты, он поднялся на восемь футов над карнизом. Если убийца проделает тот же путь, то

план Солсбери может сработать. Если же он придумает что-нибудь иное, то его неприятности закончатся в любом случае — закончатся при помощи острого, блестящего клинка желтого света.

Если убийца последует напрямик за Солсбери, то спустится по следу дождевого потока прямо на карниз. В этом случае Виктор прыгнет на него и ударит ногами. Есть надежда, что обе ноги обрушатся на голову незнакомца со всей тяжестью, и, если повезет, он сломает незнакомцу шею. Если вместо этого убийца пойдет по берегу, Виктор мог бы достать до него рукой, держась другой за скалу, схватить его за ногу и попытаться свалить своего противника в ручей. Там, в ручье, было полно острых, опасных камней, и незнакомцу не поздоровилось бы.

Виктор ждал.

Через несколько минут он увидел, что убийца вышел из-за деревьев на берег ручья. Киллер остановился в двух шагах от Виктора, оглядывая ручей и темный лес вдалеке. Даже здесь, вдалеке от источника света, только при нарождающейся луне, его глаза светились.

Солсбери прижался к скале, молясь Всевышнему, чтобы незнакомец его не заметил. Убийца прошел вдоль берега, пытаясь обнаружить на прибрежной глине следы своей жертвы.

Неожиданно он повернул назад, быстрым шагом дошел до того места, где скрывался Солсбери, и замер. Напрягшись, цепко держась за ветку левой рукой, Виктор быстрым

движением попытался схватить убийцу за щиколотку.

На какой-то момент бой показался проигранным. Его рука только слегка прошлась по ноге убийцы, вместо того чтобы крепко схватить. Киллер рефлексивно дернулся, но только приблизился, а не отскочил. Солсбери схватил его снова, дернул, чувствуя, что нога человека ускользает от него. Он отважился взглянуть вверх, увидел, что убийца молотит по воздуху руками, пытаясь удержать равновесие, потянул сильнее, почти утратив собственную точку опоры, и столкнул человека с кручи.

Солсбери, не теряя времени даром, взобрался на берег и, свесившись, посмотрел вниз. Убийца лежал в воде лицом вниз и не шевелился. Солсбери рассмеялся, в горле у него запершило, и смех причинил боль и заставил раскашляться. Он присел, наблюдая за пришельцем еще несколько минут, потом решил спуститься вниз и осмотреть труп.

Вдруг он заметил, что убийца шевельнулся...

Лицо незнакомца было под водой достаточно продолжительное время, обыкновенный человек давно бы задохнулся. Но этот монстр перекатился на спину, и его мертвые голубые глаза уставились вверх прямо на Виктора.

Солсбери повернулся и бросился назад к дому, сердце его билось так сильно, что готово было выскочить из груди и лопнуть. Он не понимал, как долго он сможет сохранять свое психическое здоровье и не сойти с ума в этом

кошмаре, когда преследователя нельзя убить. Сейчас его единственным шансом выжить было оружие, находившееся в комнате.

Черный вход был заперт. Чертыхнувшись, беглец пару раз дернул дверь на себя и со злости сплюнул.

Убийца приближался.

Быстро и неотвратно.

У Солсбери было только несколько секунд.

Парадное было открыто, но дверь загадочным образом оказалась заперта.

Тяжелые шаги неумолимо приближались.

Схватив садовый стул, Виктор разнес дверное окошко, пролез рукой внутрь, отпер ее и захлопнул за собой. Он бросился вверх через две ступеньки, хотя ноги у него подкашивались. Он огляделся и увидел, что его пижамная куртка вся в кровавых пятнах и разодрана осколками окна машины. На секунду у него закружилась голова, он остановился, схватившись за перила, опустил ее, пока не прошло головокружение, и в тот же миг услышал звук шагов убийцы на парадном крыльце.

Виктор кинулся в спальню; там Бесстрашка радостно бросился ему на грудь. Солсбери шепнул ему что-то ободряющее, перешел в другую комнату, взяв пистолет и патроны из тумбочки. Когда он снова вышел в коридор, незнакомец уже достиг верхней ступени лестницы.

Солсбери поднял пистолет и дважды выстрелил. Грохот выстрелов отразился от стен и отдался эхом по всему большому дому, слов-

но все двери хлопнули одновременно. На груди киллера появились два отверстия, и он упал боком на перила. Его лицо было так же безучастно, словно он смотрел скучное кино или созерцал собственный пупок. Но он не умер.

Он медленно поднял свой огненный перст. Солсбери судорожно выпустил в него следующие четыре патрона. Ударом преследователя отбросило назад. Он перевернулся несколько раз через голову, скатившись к подножию лестницы, с шестью свинцовыми пулями в груди.

Солсбери подошел и посмотрел на него сверху.

Медленно, но неуклонно убийца начал подниматься.

— Да подыхай же ты, черт тебя дери! — истерично заорал Солсбери.

Пистолет щелкнул несколько раз, прежде чем Виктор понял, что обойма пуста. К этому моменту убийца уже поднимался по ступенькам, целясь своим латунным пальцем в Солсбери. Золотой смертоносный луч снес перила, взметнув облако деревянных щепок.

Солсбери ретировался по коридору до того места, где его не было видно. Он опустился на одно колено, нащупал патроны в коробке и перезарядил пистолет. Когда его цель, пошатываясь, вступила на последнюю ступень лестницы, она приняла в грудь следующие шесть кусочков свинца.

С тем же результатом, что и до этого, — с нулевым.

Ни капли крови.

Просто маленькие черные туннельчики в его плоти.

Убийца поднимал свой виброствол.

Солсбери прыгнул в сторону, сжимая оружие. Через открытую дверь он влетел в спальню и навалился на дверь. Он слышал шаги в коридоре, неумолимые, как смерть. Трясущимися руками он снова перезарядил пистолет и закрыл патронник как раз в тот момент, когда убийца выломал дверь. Виктор оказался в западне. Если эти шесть пуль не завалят его, то Солсбери — покойник.

Убийца открыл рот и произнес:

— Гнхунхггггг...

Виктор выпустил в лицо ему три пули и на мгновение подумал, что победил, потому что незнакомец остановился и пошатнулся. И все же через минуту его рука, вооруженная вибростволом, стала подниматься.

Луч ударил в ящик с компьютером и отразился от него, не принеся вреда.

Скрипя зубами, Солсбери выпустил в киллера три оставшиеся пули — теперь в грудь. Он швырнул опустевший пистолет в преследователя, глядя, как тот отскочил от его неподвижного лица.

Изрыгающая огонь рука неумолимо продолжала подниматься.

Виктор приготовился умереть. Так же неизбежно, как сам убил Гарольда Джакоби. Его пришьет монстр, чудовище в облике человека. И что же эта образина сделает с ним, когда он будет мертв? Зароет его в какой-нибудь яме в

саду? Оставит его разлагаться там, чтобы подкормить плодовые деревья? Перед мысленным взором Солсбери пронеслась картина: эта механическая кукла, в которой сидит восемнадцать пуль 22-го калибра, с изуродованным лицом и изрешеченной грудью, тащит Виктора Солсбери в сад, чтобы опустить в могилу.

С пронзительным криком, обезумев от ужаса, Солсбери прыгнул, валя убийцу с ног, и опрокинул его навзничь. Череп незнакомца стукнулся о столбик кровати и развалился на две части прежде, чем коснулся пола. Его голова была почти пуста, если не считать нескольких пучков провода и транзисторов. Пока Солсбери прижимал его к полу, остатки ненастоящей жизни покинули робота, и он наконец затих.

Робот. Никакой крови. Провода, торчащие из лица. Солсбери победил нечто неодушевленное, чья голова моталась вверх-вниз, как деревянная лошадка на бронзовом штыре карусели. Вверх. Вниз. Вверх-вниз. Миленькая музыка. Вверх. Вниз. Вверх. Вниз. Вверх. Монстры, притаившиеся в стенах его подвала. Вверх. Вниз. Вверх. Вниз. Рты-присоски. Вниз. Вверх. Теперь вот еще робот-убийца. Вверх. Вниз. Кругом, кругом...

Виктор открыл дверь в спальню, приветствовал Бесстрашку, который радостно прыгнул ему на грудь. Викторова неприязнь к этой комнате теперь уже не была такой острой, потому что теперь и он стал жертвой. Виктор даже пожалел Джакоби.

Все, чего ему сейчас хотелось, — это спать. Он ведь так устал. Если б ему удалось победить головокружение и унять дрожь в ногах — он сразу же почувствовал бы себя лучше. Но голова кружилась, а глаза закрывались, словно налитые свинцом. Мысли стали путаться, гаснуть. Виктор рухнул на кровать и провалился в тяжелый, похожий на смерть сон.

Глава 7

Открыв глаза, он увидел призрачный серый свет, сочившийся из окна, скользивший по полу и игравший ласковыми пальчиками на его веках. Он подумал, не подняться ли ему, вполне серьезно об этом подумал. Это казалось правильным решением. Он завел руки под себя и оттолкнулся, сумев поднять голову на фут от пола. Потом даже те немногие силы, что у него были, оставили его. Голова у него упала и крепко стукнулась подбородком о пол. И свет погас в его глазах.

Он находился в красиво меблированной комнате, просторной и полной воздуха. Он прохаживался по комнате, восхищаясь работой декоратора, не зная, потрудились ли тут дизайнерское бюро «Сказка» или какое иное. Когда он коснулся крышки гладкого, с темной полировкой письменного стола, тот открылся, словно рот. В пасти находились маленькие ос-

трые зубки, сделанные из трубочек. Пасть захлопнулась, пытаясь отхватить ему руку. От отпрыгнул от стола и сел в удобное черное кресло, засунув в рот кончики пальцев, которые стол слегка прикусил. Неожиданно из рукояток кресла выскользнули путы и перехватили его за талию, крепко связав. Он вскрикнул, почувствовав, что кресло начинает заглатывать его.

Послышался успокаивающий монотонный голос: «Тебе помогут, очень скоро, прямо сейчас». Виктор улыбнулся и поблагодарил, но все же объяснил, что кресло заглатывает его и им стоит поторопиться, пожалуйста. Черное кресло. Оно такое удобное. Но сделайте что-нибудь! Потом маячившее перед ним лицо, которое он не мог ясно разглядеть, и убедительный голос, который его сопровождал, куда-то исчезли. Путы распались, и он освободился.

Он оглянулся в поисках выхода, увидел белую дверь и двинулся к ней. В этот момент стол начал разевать свою деревянную пасть и злобно рычать. Кресло, присоединившись к хору, стало, глухо стуча по полу, бегать за ним, скрипя крепкими ножками и медленно надвигаясь на него. Ножки были вырезаны в виде звериных лап, и Солсбери совершенно явно видел, как кончики лап перебирают пальцами. Он бросился к белой двери, толкнул ее, чтобы открыть, и обнаружил, что сбежать не удастся. Дверь оказалась всего-навсего еще одной пастью.

Он открыл ее и осторожно шагнул наружу. Там находилось розовое, влажное горло, плот-

ные узлы миндалин смыкались, словно сталактиты. Большие черные зубы начали опускаться сверху, чтобы раскусить его пополам. За его спиной кресло подползало все ближе и ближе...

На этот раз, когда Виктор очнулся, он слышал уже *два* голоса. Он узнал в одном из них тот же самый, что заставил его ранее открыть глаза. Это был нежный, приятный голосок, из тех, что звучат в рекламных роликах по телевидению и из репродукторов на терминалах самых комфортабельных авиалиний. Новый голос был сиплый, немолодой, определенно мужской.

Открыв глаза, он увидел лицо, соответствовавшее этому голосу: с тяжелой челюстью, широким ртом и плоским носом. Черные глаза внимательно смотрели на него.

— Я думаю, это нервное истощение, — сказал мужчина.

— Но он поправится? — с тревогой спросила женщина.

— Ему нужен непродолжительный отдых.

— А что с его... грудью?

— Это не опасно. Я не понимаю, как он получил такие ранения.

— Ты видел его машину?

— Да. Но это ничего не объясняет.

— Будет больно, когда ты будешь вытаскивать щепки?

— Да нет, мне ничуть не будет больно, — пошутил мужчина.

Когда она игриво шлепнула его, он добавил:

— Я никогда не видел, чтобы ты так о ком-то заботилась. — Он деликатно кашлянул. — В особенности о мужчине.

— Ты — старый козел, — сказала она.

— А ты — молоденькая овечка. Через какое-то время ты найдешь себе другого приятеля по пастбищу. Один брак ничего не значит, дорогая. Этот молодец может оказаться совершенно не похожим на типа вроде Генри.

— Ты псих! — вздохнула она. — Он не похож на него.

Человек кашлянул опять.

— Нет, больно ему не будет. Чтобы быть уверенным, я дам ему обезболивающее. Он ничего не почувствует.

— Я не хочу, — прошептал Солсбери, все еще находясь в полубомороке.

Голос его звучал так, словно горло у него было воспалено.

— Что такое? — спросил мужчина.

Перед глазами Виктора появилось прелестное личико, которое он где-то видел раньше... Несомненно... он просто не мог вспомнить где. Он действительно многого не может вспомнить...

— Вик, — сказала женщина, протягивая руку, чтобы прикоснуться к его лицу.

— Тсс, — предостерег сиплый, — он бредит. Не нужно с ним разговаривать.

— Если вы дадите мне лекарство, — сказал Солсбери, — дверь меня в два счета слопают.

— Не слопают, — ответил сиплый. — Я уже надел ей намордник.

— Тогда кресло, — сказал Виктор. — Кресло или стол сожрут меня живьем!

— У них нет ни малейшего шанса. Я весьма строго предупредил этих чертенят.

Потом был неожиданный укол в руку Солсбери, ощущение холода, момент безмятежной радости и темнота. На этот раз была полная и совершенно пустая темнота — без каких-то таинственных комнат с пожирающей людей мебелью или прочих ужасов. Он погрузился в эту тьму, словно в болото, и перестал думать.

Проснувшись, он ощутил, что его тело превратилось в сплошной пустой требовательный желудок. В нем не было места для каких-либо чувств, кроме голода. Моргая, Виктор глядел на белый потолок до тех пор, пока не убедился, что у него не кружится голова. В челюсти засела тупая боль, он помнил, как треснулся ею об пол. Руки покалывало, как будто он расчесал их, в груди было странное чувство, как будто ее обожгли, в ногах ощущалась слабость; он мельком вспомнил, как бежал босиком по острым камням.

Потом вдруг к нему вернулась память. Он сел в кровати, ожидая удара раскаленного луча, который разрежет его на куски.

Вместо этого ужаса он увидел Линду Харви.

Она, видимо, уже давно сидит здесь, в кресле с изумрудной обивкой, рядом с кроватью. Встав, она подошла к нему, положила руки на его плечи и заставила лечь снова. Он позволил себе расслабиться. Робот-киллер ликвидиро-

ван. Куча обломков — вот и все, что от него осталось. Сейчас Виктор Солсбери может позволить себе расслабиться.

— Как вы себя чувствуете?

Он потянулся, раздумывая, что бы ответить.

— Неплохо, если подумать.

— Не пытайтесь подняться. Вы голодны? Я сейчас накормлю вас.

— Я готов глотать столовые приборы.

— Нет необходимости. Сейчас принесу вам кое-что повкуснее.

Она двинулась к выходу.

— Подождите.

— Что-то не так?

Она полуобернулась, демонстрируя свой очаровательный профиль.

— Как вы меня нашли? Кто тот человек, что был рядом с вами? Что...

— Позже. Все вопросы позже. Вам нужно поесть.

Потом она исчезла, мелькнув гладкими загорелыми ногами. Он откинулся на подушку, улыбаясь и думая о том, как она суетится на кухне. Эта мысль ему очень понравилась. Но были и другие мысли, которые ему пришлось совсем не по вкусу...

Он подумал о роботе-убийце. Его пришлось уничтожить так долго, потому что он был снабжен запасными каналами и вторичными проводниками, способными заменить первичные, когда те разносит вдребезги разящими наповал выстрелами. Окажись на месте Сол-

сбери с его запрограммированной сверхчеловеческой быстротой реакции обычный человек (вроде Гарольда Джакоби) — он бы не выжил, не спасся. А что, если этот робот пришел убить Джакоби, а не Солсбери? Не о том ли говорил компьютер, информируя, что Джакоби в любом случае умер бы через месяц? Но месяц еще не истек. Даже неделя не прошла. Ах да, две недели сна в пещере. Но все равно до месяца не хватало целой недели.

Не поэтому ли 810-40.04 хранил молчание? Не думал ли он по-прежнему, что назначенная дата наступит через неделю?

Ящерообразные твари не похожи на тех, кто легко отказывается от задуманного. У него не было ни малейшего сомнения, что робот пришел в этот мир через портал, через тот проход в стене подвала, через тот круг голубого света, через окно в параллельный мир.

Но не явится ли сюда одна из «ящериц», чтобы добить его? Побоится? Не похоже. «Ящерицы», подумалось Виктору, не выказывали особого страха при боевых ситуациях. Они наверняка могущественнее людей. Технологический бум распространился у них со скоростью ядерного гриба, в то время как культурное и социальное развитие недалеко ушло от стадии пещерного человека. Они выглядели дикарями с острым интеллектом, умными дикарями.

Когда они намерены заслать через портал следующего робота? Или эти создания впервые нанесут Виктору Солсбери личный визит? Тут

ему пришло в голову, что звуки по ночам и появление робота приходились примерно на половину первого ночи. Может быть, это единственное время, когда можно открыть портал? Надо быть готовым к половине первого следующей ночи.

Линда вернулась в комнату, неся поднос. Она ловко поставила его на тумбочку и присела на краешек кровати.

— Тост с маслом, хотя доктор сказал: «без масла». Куриная лапша, хотя доктор сказал: «просто бульон».

— Вы отвергаете те распоряжения врача, которые вам не нравятся?

Она проигнорировала его вопрос.

— Кроме того, фруктовое желе, стакан апельсинового сока, колбаса по-болонски с сыром и помидором. Кофе. Бульон — это для бедных больных девочек, а не для мускулистых громил вроде вас.

Он попробовал лапшу, сказал, что вкусная, и Линда улыбнулась.

— Как вы меня нашли?

Она запрыгнула на его кровать и уселась на ней в позе йога, демонстрируя восхитительные ноги с бронзовым загаром. Казалось, она не отдает себе отчета в своей привлекательности.

— Я занималась арендой коттеджа на Барбери-роуд, недалеко отсюда. Решила заглянуть к вам, потому что пути до вас было всего пять минут. Я звонила вам прошлым вечером, — тут она покраснела, — но вас еще не было дома. Я припарковалась за вашим авто-

мобилем, увидела, что дверца открыта и горит свет в салоне. Я потушила его, удивившись, что вы позволили вашим батареям разряжаться. Потом заметила выбитое окно. Я подумала, что вы попали в аварию, подошла к дому и постучала в дверь. Вы не отвечали, хотя я видела, что дверь открыта. Я позвала вас, и ко мне выскочила ваша собака. Пес визжал как сумасшедший, я даже испугалась. Он ковылял вверх по лестнице, потом скатывался вниз, потом опять вверх-вниз, пока я не поняла, что он хочет, чтобы я пошла за ним, прямо как в фильмах про Лэсси. Я нашла вас лежащим на полу.

Он покончил с лапшой и принялся за холодную закуску с сыром.

— Доктор — кто он?

— Джейк Уэст. Это наш домашний врач. Он заглянет завтра утром, чтобы осмотреть вас, главным образом для того, чтобы выяснить, что же с вами произошло. Когда он уехал, я обнаружила, что дверь в вашу ванную комнату...

Он почувствовал, что ему стало трудно глотать, и отпил сок.

— Что же все-таки произошло? — спросила она, широко раскрывая зеленые глаза и слегка наклоняясь к нему.

— Я не совсем готов говорить об этом. Может быть, потом. В это, как бы то ни было, трудно поверить.

Он ожидал типично женской реакции: сначала лукавые попытки выманить у него правду,

потом упрасивания и нажим с целью заставить его как-нибудь проговориться. Возможно, после этого легкое презрение, потом злость в надежде, что женский гнев может сломить его.

Но Линда только пожала плечами, улыбнулась, словно говорила: не хочешь — как хочешь, я не буду настаивать.

Он был благодарен ей за такое отношение. Каково ей было бы услышать такой рассказ — тут прошлой ночью ко мне заходил робот. Его прислала шайка ящеросуществ. Робот пришел, чтобы убить меня с помощью виброствола, надетого на палец. Бред! Она подумает, что я тронулся умом.

— Но я могу рассказать вам, как я провел время в Харрисберге.

Она усмехнулась и ласково наклонилась к нему.

Он пересказал историю о двух Викторях Солсбери, рассказал о миссис Дилл и покупке принадлежностей для живописи.

— Они прибыли, — сказала она, — стол для рисования и все остальное. Я велела сложить все в гостиной, потому что не знала, куда все это отнести. Их привезли часа в два.

— Днем? Сколько сейчас времени?

— Девять вечера, — сказала она. — Вы проспали весь день.

Половина первого ночи через три с половиной часа. Ему придется избавиться от Линды до этого и придумать что-нибудь против «ящериц» и их механических зомби. Но они с девушкой могут побыть вместе еще три часа...

— Почему вы берете на себя все эти хлопоты? — спросил он.

— Знаете, я просто отношусь к типу женщин-матерей. Подбираю брошенных котят, шелудивых собак, птичек со сломанными крыльшками...

— Вы напрашиваетесь на комплимент.

— И полумертвых окровавленных мужчин, — закончила она, зардевшись...

Она — необыкновенная девушка, куда более привлекательная — даже при том, что у нее чуть скошены передние зубы (Виктор только что это заметил), — чем сотня красоток с искусственными губами и ровными искусственными зубами. Линда излучала чувственность, у которой был собственный запах, вкус и ощущение. Она несла себя так небрежно, даже холодно. Он обнаружил, что она ему нравится куда больше, чем сам он до этого осознавал; возможно, это было нечто большее, чем просто симпатия.

— А как там Генри? — спросил он.

Вопрос произвел эффект бомбы, разорвавшейся прямо над ее головой. Она помрачнела, стиснула маленькие кулачки, но потом, казалось, взяла себя в руки.

— Почему вы об этом спрашиваете?

Он на мгновение почувствовал себя неловко. Не следовало этого делать — сыпать соль на старые раны и заставлять ее переживать. Он понял, что начинает считать ее своей собственностью и что этот вопрос порожден ревностью.

— Я слышал, как доктор Уэст упоминал это имя перед тем, как вколоть мне лекарство.

— Давайте договоримся, что я расскажу вам об этом позднее, Вик, хорошо?

— Извините, — сказал он. — Я забыл, что есть вещи, запретные для обсуждения.

— О, черт, звучит как «тайна, покрытая мраком», но на самом деле это не так.

— Вы не обиделись на меня?

— Я расскажу вам о Генри, — сказала она. — Но это не очень веселая история.

— Вы всем плачете о своих несчастьях?

— Вам первому.

— Я был о вас другого мнения.

— Ну и что? В нашу первую встречу вы мне не очень-то понравились. Показались таким холодным и необщительным. Даже когда вы стали вести себя более дружелюбно, я подумала, что вы тот еще фрукт...

— Да?

— Вы человек-загадка... Такое впечатление, словно вы притворяетесь не тем, кто вы есть на самом деле...

Ответ удивил его. Девушка оказалась весьма проникательной.

— Итак?

— Мне хотелось бы узнать вас поближе. Теперь вы кажетесь мне более человечным, что ли...

Возможно, подумал Солсбери, это случилось потому, что он только что прошел через ад и вернулся из него живым. Испытания делают любого человека более яркой индивидуальностью.

Они смотрели друг на друга, чувствуя, что в их отношениях появилось что-то новое: дружба не дружба, любовь не любовь, но какое-то взаимное притяжение.

Линда рассказала ему о Генри.

Генри Марч был дьявольски привлекателен, импульсивен; у него было мускулистое тело, за которым он ухаживал, как кошка за своей шкуркой. Красавчик с ямочками на щеках. Слегка завышенное самомнение, но это Линду не раздражало. Выходец из богатой семьи, выпускник Принстона. Общительная личность. Восемнадцатилетней девушке, читавшей Хемингуэя с тринадцати лет, он казался почти совершенством.

Сначала брак казался удачным: она радовалась совместным обедам и ужинам, тому, что нашла его темные волосы на щетке, запаху его одеколона, звуку электробритвы рано утром, прикосновению теплого тела в ночной темноте, пробуждению с радостным удивлением, что каждому хочется одного и того же...

Потом что-то изменилось.

Существует тип мужчин, которые не могут глядеть в лицо собственным неудачам, им обязательно нужно найти козла отпущения. В Америке, где успех считается единственной стоящей целью жизни, таких мужчин пруд пруди. Они приводят своих близких в отчаяние, случается, морально уничтожают их. Женщина для них — воспитательница детей, горничная, кухарка и секс-машина. Ей не требуется рассуждать, она

просто вещь, необходимое приспособление на дороге к успеху. Такие мужчины убивают человеческое достоинство. Но сначала они мучают жертву, любящую их всем сердцем.

Генри был одним из таких учителей.

Сравнительно немногие женщины избежали подобной участи. Те единицы, которым это удалось, обычно убеждались, что они зря брали на себя дополнительные обязанности, отчаявшись доказать мужу, что они чего-то стоят. Жены обнаруживали, что они — хорошие работники, и добивались продвижения по службе. Мало-помалу они понимали, что представляет из себя их муженек, и за этим следовал быстрый развод или затяжные выяснения отношений, зубы-когти, пинки-кулаки, чтобы вернуть браку хоть какую-то значимость.

Линда вернулась с работы пораньше, потому что ее босс почувствовал себя плохо и ушел пораньше. Она застала Генри в постели с какой-то девицей. Это была студентка-второкурсница из группы Генри. Видимо, плата за перевод на следующий курс. Когда Генри, смущенный, неся что-то несвязное, выставил девицу вон, Линда отправилась в туалет, где ее вырвало.

— Господи, Вик, — сказала Линда, отпив кофе и ставя чашку назад на поднос, — что было самым худшим, так это то, что когда он вернулся, то пытался вести себя так, словно я в чем-то виновата. Он стал задирать меня, заявлял, что она лучше меня в постели. А она была тощей до неприличия! Суповой набор. Лицо — невыразительное, крошечные, узко

посаженные глаза, скошенный подбородок. И он пытался заставить меня думать, что она более желанна, чем я. Драная помойная кошка, а не девка. Он накрутил меня так, что...

По-прежнему сидя в «лотосе», она опустила голову на грудь и, прижав ладони к глазам, тихонько заплакала. Виктор отставил поднос, прижал ее к себе, стал гладить по золотистым волосам и шептать слова утешения. Она прятала свое горе в себе, думая, что все давно закончилось. Она хотела только одного — покончить с этим браком и обрести чувство человеческого достоинства. Сейчас ее ненароком заставили вытащить пробку из бутылки воспоминаний и попробовать, что там. От исходившего оттуда запаха ее затошнило.

Виктор приласкал ее, стараясь найти нужные слова утешения. Когда ее плач затих, он нежно ее поцеловал. Губы ее приоткрылись, она ответила на его поцелуй. Он вдыхал запах ее волос, ее тела. Так они просидели целую вечность, задержавшись на опасной грани между дружбой и любовью. Через минуту Линда очнулась, требуя гораздо большего. Он нашел выключатель и щелкнул им. Каким-то образом он обнаружил в себе силы, о которых не имел представления.

Глава 8

— Это было очень нечестно? — спросила она.

— Если ты хочешь представить все таким образом...

— Ох, подозреваю, что сама на это напросилась. Возможно, мой бывший муж сделал из меня мазохистку. — Ее ресницы затрепетали, дрожь прошла по всему телу.

— А я не собираюсь лежать здесь и завоевывать твое доверие, разглагольствуя о том, как здорово и как потрясающе нам было вместе.

— Все было очень здорово, — сказала Линда. — А-а? Думаю, то, что я сейчас чувствую, не так уж и глупо.

— А что ты *сейчас* чувствуешь?

Она повернулась на бок, прижавшись к Виктору всем своим точеным телом. То, что он чувствовал, было не столько желанием, сколько теплым чувством удовлетворения от прикосновения к ней, восхищением ее округлыми формами и прелестью.

— Сейчас я чувствую, что нечто свело нас вместе. Я могу сказать, что именно в тебе изменилось — твое отношение ко мне. Ты теперь человечнее, теплее, более открыт. До этого ты был для меня загадкой. И сейчас я ощущаю себя более полноценной, чем после развода. Это не просто секс, это нечто большее. Мы как две части долларовой купюры, которую когда-то давно разорвали пополам. Одна половинка попала в бумажник старика из Нью-Джерси, другая в карман молодца из Милуоки. Однажды они оба оказываются в одном ресторане в Майами. Половинка, принадлежавшая старику, выпадает из бумажника, когда он расплачивается с кассиром. Молодой человек видит

это, вынимает свою половинку, обнаруживает, что они подходят друг к другу...

Она уютно устроилась рядом с ним, ее губы находились рядом с его шеей. Когда она говорила, они приятно щекотали кожу. Ее запах был теплым, истинно женским, соблазняющим. Их неудержимо влекло друг к другу. Она прежде была замужем за человеком недостойным ее, мелким и приземленным. На этот раз ее потянуло к человеку более сложному, в глубину души которого она проникнуть не могла, но очень хотела. Живой Виктор был тем простым и откровенным человеком, которого она искала.

Внезапно он почувствовал себя неловко, потому что он прятал от нее свою жизнь, когда она пустила его в самые заповедные уголки своей души.

— Пойдем, — сказал он, вставая с постели и натягивая на себя джинсы, футболку и шлепанцы. — Мне нужно тебе кое-что показать.

— Ты откроешь мне свою тайну?

— Вот именно.

Она накинула на себя что-то из его одежды, которая была ей ужасно велика, пошла за ним в коридор, потрепала за ухом Бесстрашку, лежавшего у дверей. Виктор вспомнил, что не кормил собаку, но понял, что девушка позаботилась и об этом тоже.

Он повел ее в ту комнату, где лежал робот-киллер, перевернул это создание, чтобы она могла его осмотреть. Пересказал ей всю историю, начиная с утра, когда он очнулся в пеще-

ре и отправился покупать дом Джакоби, пропустив только тот факт, что Гарольда Джакоби убил он.

Линда очень внимательно слушала его.

Она приняла рассказ на веру, несмотря на всю его невероятность. Ей не хотелось признавать, что ее возлюбленный — сумасшедший, но она своими глазами видела доказательства его правдивости. Робот, странные ящики — разве этого мало?

— Сейчас четверть первого, — сказал он, — это означает, что ты собираешь вещички и уезжаешь до того, как начнется пальба.

— Чушь! — выпалила она.

— Ты можешь пострадать.

Это было бессмысленное замечание, строчка, взятая из книги, словесное воплощение такой внешней очевидности, что оно само себя обесценивало. Возможно, в стрессовой ситуации все люди приходят к этой формулировке, цитируя прочтенные ими фантастические романы, изрекая бессмысленные фразы.

— Но и ты можешь пострадать. Тебе понадобится помощник. Зачем ты меня гонишь?

— Послушай, Линда, — сказал он, пропуская мимо ушей последнее замечание, — ты просто будешь мне мешать.

— Вовсе нет. Я тебе нужна. — Она ни за что не хотела оставлять его одного. — Ты вышвыриваешь меня вон? — Ее глаза налились слезами.

— Конечно нет! Но если ты останешься здесь на ночь, люди подумают...

— У тебя нет соседей, и я на самом деле могла бы послать их к черту, даже если бы они и были. Что мне за дело до того, что подумают обо мне какие-то соседи, какие-то лохи, которых я в глаза не видела, которые мне до одного места? Да пошли они все!..

— Ну, так они далеко пойдут, — сказал он усмехаясь.

— Так, значит, мне можно в таком случае остаться?

— Ладно, уговорила. Оставайся.

Ее реакция была как у маленькой девочки. Она бросилась ему на шею, целуя. Какая же она загадочная, неоднозначная женщина: то очень взрослая, то по-детски восторженная!

— Но сейчас у нас только полчаса, чтобы решить, что делать.

Линда хотела остаться с ним в трудную минуту. Она ясно дала это понять. Не было способа убедить ее, что для них обоих было бы лучше, если бы она уехала.

Она твердо стояла на своем.

И все же он внутренне содрогнулся.

По мере того как они обсуждали, что следует делать, Солсбери склонился над рукой робота, отсоединяя разящий виброствол от пальца. Линда выразила удивление тем, что он знает, что оружие съемное, и умеет его отсоединить. Виктор тоже был несколько удивлен, но он уже научился жить с обрывками знаний, которые то и дело всплывали в его сознании по

мере надобности. Через десять минут виброствол был у него на руке, с простым спусковым крючком на большом пальце.

В конце концов они решили не спускаться в подвал. Наоборот, они передвинули мебель в гостиную, соорудив крепость из подручных средств, в которой они могли спрятаться. К нему могли послать еще одного робота, ведь «ящерицы» должны наверняка уже быть в курсе, что первый потерпел неудачу. Если это так, они могли придумать что-нибудь еще похлеще, чтобы во второй раз победа была за ними.

В самом деле, будь Виктор обыкновенным человеком, то давно был бы мертв как камень. Но он оказался проворнее, чем обычный человек, умнее, и теперь у него есть свой виброствол.

Наступила половина первого, и они встретили ее в молчании. Виктор и Линда не разговаривали, боясь пропустить какой-нибудь звук из подвала. Граница между удачей и провалом была весьма зыбкой, а провал, вне всякого сомнения, означал бы гибель. Звнящего шума не было, не слышались и истошные стоны.

Без двадцати час, через десять минут после начала их молчаливого дежурства, они услышали легкие шаги по ступенькам... вверх по лестнице...

Они сидели у забаррикадированной двери, глядя через щелку между софой и стулом, которые взгромодили один на другой. Она подняла голову над софой, прислушиваясь. Он положил

руку ей на затылок и тихонько надавил, чтобы убраться из поля обозрения. Она начала протестовать, потом вспомнила о необходимости соблюдать тишину и о действии виброствола. Она спряталась за спину Виктора, выжидая.

Дверь дрогнула под мощными ударами. На пороге возник робот в облике человека. Солсбери знал, что может разделаться с машиной раньше, чем та доберется до них. Сознание этого добавило ему уверенности в себе.

Робот пару секунд постоял неподвижно, потом повернулся и двинулся по коридору. Он пошел вдоль стены, держась так, чтобы не выходить на лунный свет, струившийся через окна. Когда он оказался всего в нескольких футах от лестницы, Солсбери положил большой палец на кнопку виброствола. Оглушительный грохот раздался вместе со вспышкой золотистого луча, который ударил в машину, заставив ту подскочить на месте и согнуться пополам, словно ей попали в солнечное сплетение гигантской кувалдой. Робот пошатнулся, его голубые глаза зажглись слепящим светом, но он устоял на ногах.

Линда схватила Солсбери за руку задрожавшей рукой. Отсутствие каких-либо эмоций на лице робота, мертвая неподвижность могли бросить в холодный пот кого угодно.

Луч продолжал действовать.

Виктору даже показалось, что он слышит, как внутри у робота с хрустом ломаются детали. Его механическое тело гудело от напряжения разрушительных волн.

Робот, спотыкаясь, пошел на них, поднимая руку и целясь стреляющим пальцем. Солсбери увернулся, стараясь не спускать виброствола с соперника. Тот закачался, перевалился на бок через перила лестницы, его луч ударил в стул, подняв в воздух облако тлеющей набивки. Крошечные кусочки, пылающие оранжевым пламенем, опускались вниз, поджигая все, к чему прикасались. Линда принялась хлопать по одежде себя и Солсбери, чтобы не дать ткани загореться.

Солсбери опять надавил на спуск. Робот отпрянул, пытаясь скрыться от разящего луча. Но бежать было некуда. Он прижался к стене, трясаясь, как человек, брошенный в тундре в одном белье. Несколькими секундами позже он резко качнулся вперед и упал лицом вниз. Он еще пытался подняться, даже сумел встать на колени, но потом со стуком упал опять. Его пальцы ощупывали пол в поисках чего-нибудь, что помогло бы ему подтянуться и встать в полный рост. Наконечник оружия ярко сверкал, отражая лунный свет.

Наконец он затих.

— Ты его уделал! — закричала Линда.

Она опять среагировала, как маленькая девочка.

Солсбери, болезненно морщась, прицелился вибростволом в голову робота и разнес металлический череп на мелкие кусочки.

Все было кончено.

Виктор радостно повернулся к Линде и в тот же момент уголком глаза уловил движение...

Еще один робот!

Глава 9

Он, крадучись как кошка, поднимался из подвала по лестнице. Этот механизм был зеркальным отражением первых двух роботов. «Ящерицы» не тратили времени на разработку новых образцов. Виктору захотелось, чтобы они снабдили следующего механического истукана чем-нибудь другим вместо голубых мертвых глаз, которые, казалось, убивают всё, на что пялятся.

Виктор поднял виброствол, чтобы выстрелить, но не слишком удачно прицелился. Истукан взмахнул рукой, чувствительно стукнул Солсбери по запястью. Стреляющий наконец-то взмыл в воздух, уходя по дуге за пределы досягаемости, заворачивая все дальше и дальше, чтобы клацнуть где-то в темном углу... абсолютно вне зоны досягаемости.

Линда вскрикнула.

Виктор сгреб ее, заслонив собой. Он обернулся вовремя, почувствовав движение волны воздуха, которая свидетельствовала о надвигающейся опасности, и противопоставил роботу вес своего крепко сбитого тела. Его отбросило влево, он стукнулся о продолговатый кофейный столик коленями и свалился на пол, издав утробный звук. Он ударился подбородком о подставку лампы как раз тем местом, где у него после вчерашней ночи уже был синяк. Виктор выплюнул осколок зуба, почувствовав во рту вкус крови. Подбородок у него пылал.

В этот момент робот навалился на него.

Он напрягся, оттолкнул робота в сторону и выскользнул из-под него. Робот схватил его за ногу и потянул на себя. Виктор плюхнулся на спину, и механический истукан оказался у него на груди, выбив из нее одним махом последнюю унцию воздуха. Он схватил жесткой рукой Виктора за горло, чтобы лишить возможности двигаться. Второй рукой крепко прижал его к полу — это была рука с вибростволом на пальце.

Солсбери попытался приподняться, добившись только того, что механический демон еще сильнее сдавил его горло. Он перестал сопротивляться, смутно воображая, что глупо умирать вот так, раздавленным механическим агрегатом.

Палец со смертоносным наконечником целился Виктору где-то между глаз. Крышка его черепа отскочит легко, с чавкающим звуком.

Внезапно по телу робота пробежала судорога, словно кто-то ударил его сзади по голове. Истукан рухнул на Солсбери, как будто его сзади сильно пихнули.

Виктор перекатился на бок и сел, стараясь втянуть воздух вопящими от боли легкими, потирая саднящее горло. Сейчас, когда прояснилось в глазах, он увидел, кто спас ему жизнь и сбил механического истукана с ног за секунду до того, как тот добился своего. Бесстрашка слетел вниз по лестнице и без малейшего промедления вступил в бой. Он вонзил свои зубы в шею робота, и его челюсти сомкнулись на ней.

Истукан встал, пошатываясь, и попытался сбросить с себя животное. Он развернулся и обрушил град ударов на разъяренную собаку, тот скулил от боли, но держался стойко, вонзая свои клыки все глубже и глубже. Виктор в это время отполз в сторону.

После нескольких бесполезных попыток стряхнуть с себя благородное животное, робот остановился, качаясь под тяжестью дворняги, и направил свой луч на Солсбери.

Солсбери покатился, убегая с пути разрушительного золотистого света. Софа за ним лопнула, выбросив фонтан начинки. Ее темно-зеленая обивка загорелась. Языки пламени озарили комнату, бросая танцующие блики света на полированную кожу механического истукана и белые стены.

Робот выстрелил снова.

На этот раз Виктор двигался не так проворно, скованный болью, которая все еще проскакивала через него, как электрическая дуга. Луч обжег ему плечо, кажется задев кость. Более прицельный луч мог бы разнести ему голову, как спелый плод, упавший с дерева. Кровь брызнула из раны фонтаном.

Комната покачнулась.

Ему показалось, что он услышал слабый вскрик Линды.

Колени Виктора подогнулись; он упал, лихорадочно осознавая, что теперь-то этот механический урод наверняка убьет его. Когда он поднял глаза, его взгляд встретился с мерцающим латунным наконечником.

Раздался оглушительный выстрел. С удивлением Солсбери понял, что остался жив. Этого не могло быть! Он был такой легкой добычей. Виктор повернулся в поисках источника луча и обнаружил Линду, стоявшую в углу, там, куда упал другой наконечник.

Все было кончено в считанные секунды.

Под выстрелом Линды грудь робота выгнулась наружу, лопнула и извергла стекляннопластико-металлическую шрапнель. Робот замер на месте, и его глаза медленно угасали, теряя свой голубой цвет. Когда они стали почти черными, он грохнулся лицом вниз, мертвый, насколько может быть мертвой машина.

Бесстрашка разжал челюсти и отошел от него, злобно рыча.

Солсбери пошел к лестнице, ведущей в подвал, обходя стороной мертвую машину. По дороге он вспомнил, что оружие осталось в руках у Линды, а не у него. Рана отдавала тупой болью, а голова кружилась. Он повернулся к девушке как раз в тот момент, когда та подошла к нему.

— Дай мне оружие, — попросил он, протягивая руку.

— Зачем?

— Надо сходить вниз... взглянуть, нет ли там кого-нибудь еще.

— Я пойду с тобой.

— Ты останешься здесь, — сказал он, забирая у нее наконечник.

— Черт возьми, кто убил последнего?

Он взглянул на механического истукана, с которым все еще забавлялся Бесстрашка, и кивнул.

— Хорошо. Будь осторожна.

Они включили свет и поглядели вниз на лестницу. На ней больше не было никаких механизмов. Они пошли вниз. Линда держалась сзади. В подвале они ничего не нашли. Проход в стене снова исчез. Проверив подвал трижды, они снова поднялись наверх и, выключив свет, закрыли дверь. Стрельба закончилась. По крайней мере, до следующей ночи.

— Давай я посмотрю твою руку, — сказала она, таща его в кухню.

Он подчинился, как бессловесное животное.

Она посадила его на стул с прямой спинкой и промыла рану. Рана оказалась примерно два дюйма. Для любого человека было бы весьма чувствительно утратить такой кусок плоти — даже для человека, который исцелялся с такой сказочной быстротой.

— Я тебе говорил, что очень быстро выздоравливаю, — сказал он. — Лекарств не требуется.

— Я все равно это перебинтую, хорошо?

— Кровотечение уже прекратилось. К следующей ночи все прекрасно зарубцуется, а через несколько дней заживет.

Она не обратила на его слова внимания, достала спирт, марлю и бинт. К тому времени, как она закончила перевязку, боль утихла. Они навели порядок, соорудили что-то поесть. Голодны оба были просто зверски. Когда обед почти

закончился, явился Бесстрашка, чтобы подобрать остатки.

Уже лежа в постели, она спросила:

— Ты уверен, что эти твари больше не явятся?

— Абсолютно. Проход открывается один раз. Кроме того, там Бесстрашка.

Тот, услышав свое имя, что-то проскулил со своего места у двери.

— Но что нам делать дальше, Вик? Звонить в полицию?

— Нет. Они заинтересуются Джакоби.

Он сказал это прежде, чем подумал, и тут же прикусил язык.

— Ты думаешь, он погиб от руки робота?

Он попытался ответить, но не смог.

— Что ты молчишь?

— Я...

Ну, решил он, лучше раз и навсегда покончить с этим. Она выслушает правду и, скорее всего, уйдет. Не захочет остаться с убийцей.

Он рассказал ей все поспешно, не без волнения, передавая собственный ужас от убийства настоящего, из плоти и крови, человека.

Линда не ушла. Она ничего не сказала, просто приняла и поняла. Он почувствовал ее теплые руки у себя на груди. Она гладила его лицо и целовала губы. Виктор попробовал сопротивляться: он сказал, что ей будет нелегко, что она никогда не привыкнет к тому, что он убийца. Но Линда была сама нежность и теплота. Он позволил своим чувствам накатывать-

ся, как волнам на берег. Они прижались друг к другу, их тела переплелись. Поднимаясь все выше и выше, задыхаясь от нарастающей любви, они, словно на ракете, уносились все дальше и дальше...

Глава 10

На следующее утро они проснулись около девяти. Они могли и не просыпаться так рано, но их разбудил Бесстрашка, который, совершенно очевидно, решил на некоторое время, пробравшись к ним под одеяло, притвориться плюшевой игрушкой. Когда они выпихнули проказника, уже не было смысла притворяться, что им удастся снова заснуть. Они по очереди высказали нахальному псу все, что о нем думают, смеясь над его радостным лаем, потом пошли в душ. Он пропустил ее вперед, беспокоясь о том, сколь долго будет занимать его женщина, и был приятно удивлен, когда она вернулась в спальню через пятнадцать минут, свежая, как майская роза.

Когда он спустился на кухню, завтрак уже был готов.

— Ты выйдешь за меня замуж? — спросил он.

Она подняла голову, оторвавшись от своей яичницы и тостов, и усмехнулась. В ее глазах прыгали озорные бесенята.

— Это предложение руки и сердца?

— Похоже на то, как мне кажется.

— Очень романтично. Правда, несколько неожиданно. Ты дашь мне подумать или требуешь ответа немедленно?

— Извини, что не отношусь к типам вроде Кэри Гранта.

Они шаловливо пикировались все утро напролет. Легкая болтовня о фильмах с участием Дорис Дэй, ни к чему не обязывающая, потому что им обоим не было необходимости производить впечатление друг на друга. Но конечно, в глубине души каждого жил ужас и ожидание того страшного часа, когда из подвала появятся новые чудовища. Только собственные душевные силы помогали им заполнить ожидание ироничными подкалываниями и не сойти с ума.

Виктор приложил значительные усилия, перетаскивая вещи из комнаты для гостей на чердак, а потом переноса свои рисовальные принадлежности наверх, благодаря судьбу за то, что самые тяжелые вещи прибыли в разобранном виде. Странно казалось заниматься домашней работой, когда его жизнь висит на волоске, когда будущее совершенно неопределенно; но надо было как-то себя занять. Он только что закончил собирать тяжелый стол для рисования, когда внизу раздался бодрый голос доктора Уэста. Он заехал проводить своего пациента.

Доктор был поражен тем, как быстро зажила грудь Виктора. Его смутило, что Виктор избегает расспросов о том, откуда появилась рана. Когда он обнаружил новую рану на пле-

че, Линда объяснила, что он упал и поранился. Виктор отказался показать ее доктору Уэсту, шутя насчет расходов на лечение, которые превысят его платежеспособность. Доктор так и не уговорил его, Солсбери все время отделялся шутками. Доктор Уэст уехал, ворча на беспечных больных.

Они устроили себе легкий обед, договорились съездить в город, чтобы забрать кое-что из одежды Линды, а также зубную щетку и туалетные принадлежности. Было бесполезно убеждать ее покинуть дом на время, пока тайна не раскрыта.

После обеда Виктор вынес краски на веранду, собираясь написать лужайку со старым вязом перед домом. Линда с Бесстрашкой пошли прогуляться по саду. Виктор с энтузиазмом принялся за дело.

Он не знал, что случится через полчаса.

Начав рисовать, он понял, что, хотя и не является художником, может по праву назвать себя таковым. За несколько минут он сделал великолепный набросок. Вместо того чтобы прорисовать детали, он взял другой лист и нарисовал вид того же самого вяза, но в другой манере. Это заняло больше времени, но послужило доказательством, что он не просто ремесленник, но еще и творец. Кто бы ни готовил его для роли художника Виктора Солсбери, свою работу он проделал добросовестно.

Он рисовал, забыв о времени, и его этюды были один лучше другого. Неожиданно перед ним появился Бесстрашка, гавкая и мешая со-

средоточиться. Виктор позвал Линду, решив, что она, должно быть, все еще в саду.

— Что тебе нужно? — спросил он у собаки, не желая отрываться от мольберта.

Бесстрашка залаял снова.

Солсбери всегда думал, что пес лает только в самых напряженных ситуациях. Обычно он сопит или поскуливает. Собака вела себя очень нервно, она крутилась под ногами, лаяла, и в какой-то момент Виктору показалось, что псина, играя, может испортить его рисунки. Он поднял руку, чтобы прикрыть их от собаки, и был сбит со ступенек в траву прыжком пса.

Собака перекатилась через него, не издав ни звука, встала на лапы, пока Солсбери тряс головой и тянулся за мольбертом. Прежде чем он сообразил, что же произошло, собака бросилась на него опять. На этот раз с оскаленными клыками, которые были неестественно, сверхъестественно длинны и остры.

— Бесстрашка! — закричал он.

Собака прыгнула.

Солсбери метнулся в сторону, чувствуя, как когти слегка царапнули его, и зверь пролетел мимо.

— Прекрати!

Но собака кинулась на него опять.

На этот раз скотина, прежде чем прыгнуть, явно прицеливалась, желая схватить Солсбери за горло. Солсбери почувствовал, как зубы оцарапали его плечо. Когти пса зацепились за рубашку Виктора, и злобная тварь приготовилась цапнуть его еще раз.

Он чудом избежал злодейского укуса, не имея пространства для маневра, и понял, что сейчас же последует еще один. Виктор схватил животное за передние лапы, с силой оторвал их от себя и пинком отбросил собаку в заросли. Собака полежала секунду, как пьяная, затем поднялась на лапы и снова пошла на него, качаясь.

— Бесстрашка! — крикнул он, пытаясь привести пса в чувство.

И тут он увидел глаза собаки.

Они были голубыми и пустыми.

Мертвые глаза механической куклы, а не любящие глаза его благородной дворняжки... Смертоносная подделка.

Порой, когда худшее уже случилось, вы думаете, как глупы вы были, как не заметили тех примет, которые предупреждали вас об опасности. Глядя на своего убийцу в виде любимой собаки, Солсбери подумал о нескольких вещах, которые должны были его насторожить. Во-первых, если роботы имели возможность пересылать отчеты «ящерицам», они, несомненно, доложили о такой помехе, как Бесстрашка. Поэтому, наверное, было решено придать очередному роботу вид собаки. Во-вторых, если это был Бесстрашка, как он попал в дом, если Линда ушла гулять с ним в сад? В-третьих, Бесстрашка никогда не лаял, за исключением тех случаев, когда был чрезвычайно взволнован. Тут подделка дала маху, и Виктор обязан был это заметить. И четвертое: он оставил оружие наверху, полагая, что

оно не понадобится ему до половины второго ночи, до открытия портала. Он проморгал сигналы тревоги и теперь расплачивается за это.

Солсбери притаился в дюжине футов от твари, внимательно наблюдая за первыми признаками готовящегося нападения. В это же время его мозг гудел, перебирая все свое содержимое в поисках каких-нибудь обрывков военных знаний, которые могли бы ему помочь. Как можно вывести из строя собаку? Это, конечно, не собака, а робот, однако изготовленный в виде собаки, и он, возможно, хотя бы отчасти уязвим по тем же параметрам, по каким уязвима собака. Но таких параметров немного. Собака — сильное и быстрое, злобное в схватке создание. Даже будь у Солсбери ружье, оно было бы почти бесполезно против дрессированной собаки-убийцы — вернее, машины, созданной, чтобы выглядеть и сражаться, как таковая, — потому что просто не было бы времени прицелиться. Можно эффектно атаковать собаку, только когда она в прыжке повисает в воздухе. Возможно, тогда не хватит времени на хороший, прицельный выстрел или на меткий удар ножом, но кое-что все-таки успеть можно.

Он снова прошелся по данным, зарытым в его мозгу: нет ли там плана действий против собаки-убийцы, чего-нибудь такого, что могут знать только командос? Еще одна тайна. Кто запрограммировал Виктора на это знание? Кто предвидел подобные опасности? Он прекратил об этом думать и сосредоточился на механической собаке.

Когда зверюга поднимется в воздух, бросившись на Виктора, она будет относительно беспомощна. Он окажется вне досягаемости ее зубов; ее когти, пока она в полете, бесполезны. Ее передние лапы будут беспомощно отведены назад, и протянуть их вперед, чтобы вонзить в жертву когти, она сможет лишь за секунду до соприкосновения. Если Солсбери будет двигаться достаточно быстро, рванувшись вперед, он сможет поймать механическое создание за одну из этих лап, как только оно его коснется, в падении как можно сильнее вывернуть пойманную лапу и перебросить затем эту машину через голову — так далеко, как только сумеет. Его собственной инерции хватит, чтобы тварь-убийца отлетела довольно далеко и стукнулась о землю с немалой силой. Самое меньшее, что он может сделать, — это оглушить ее как следует и сломать лапу. Если ему повезет, это сломает ей шею или повредит позвоночник.

Пока он размышлял, мерзкая тварь бросилась на него. Ее когти скребли по дорожке — чок-чок-чок, а потом она прыгнула.

Он схватил ее за лапу и с силой перебросил через себя. Секунду-другую спустя слышался тяжелый удар — это в пятнадцати футах за ним грохнулась механическая дворняга.

Виктор поднялся с земли и оглянулся. Он увидел, что его трюк удался, но раны собаки не столь тяжелы, как он надеялся. Та встала на ноги, пошатываясь, как будто у нее слетел баланс, потом восстановила равновесие и сно-

ва приготовилась к прыжку. Ее искусственная шерсть была в полном беспорядке и не разглаживалась сама собой, как это случается с натуральным мехом. Она не сломала шею и лапы, этого следовало ожидать, потому что у нее стальные кости, которые не должны сломаться так легко, как натуральные.

Он посмотрел на дверь в дом, решив, что попытка добежать до нее будет самоубийством. Как только он повернется спиной и побежит, механическая собака окажется на нем, вопьется ему в шею кошмарными клыками. С ослепляющей болью из разорванного горла хлынет кровь. Такой зверь справится с ним секунд за тридцать.

Он встал перед собакой и дождался ее следующего движения, надеясь, что удача его не оставит и ему удастся применить тот же боевой прием, который он уже использовал.

Пес словно смерч ринулся на него.

Виктор повторил свою трюк с метанием собаки. Удивительно, но он выиграл еще несколько минут жизни.

На этот раз роботу потребовалось больше времени, чтобы подняться, но механическое чудовище оказалось на ногах буквально через минуту, выглядя таким же смертельно опасным, как и раньше. Голубые горящие глаза на собачьей морде смотрелись зловеще, она была страшнее человекоподобных роботов. Эти светящиеся глаза придавали твари демонический вид — вид оборотня, дьявольского создания, явившегося с того света.

Наблюдая за собакой, Виктор молился, чтобы у нее что-то сломалось. Порвался какой-нибудь элемент в цепи, запутались провода, раскололся конденсатор, транзистор — хоть что-нибудь.

Ничего с ней не произошло.

Она снова побежала к нему.

Он повторил свой единственный фокус, послал ее по дуге в сторону веранды, где она стукнулась о бетон и затряслась, словно в пляске святого Витта. Когда Солсбери поднял на нее глаза, машина снова была готова к бою.

Солнце раскаленным жаром плавилось в небе.

Виктор вспотел и тяжело дышал, словно кочегар паровоза. Он вытер пот, заливавший глаза, и стиснул зубы. Нет, ему больше этого не выдержать. Несмотря на мощь своего тела и запасы адреналина, он состоит из плоти и крови. Зверюга же сделана из металла и пластика. Она не знает усталости.

Когда псина бросилась на него в очередной раз, он заметил, что ее правая передняя лапа слегка подвернута. На бегу собака-робот шаталась, хотя и поддерживала нужную, убийственную скорость. Виктору немного полегчало, и он двинулся вперед более осмотрительно. Схватив собаку именно за эту лапу, он скрутил ее что было силы и отбросил тварь в сторону. Когда она шлепнулась о ступеньки, Виктору показалось, что задрожала земля. Когда тварь поднялась, ее правая лапа безжизненно висела.

Солсбери рассмеялся. Когда он услышал, на что похож его смех, то закусил нижнюю губу и нахмурился. Он чувствовал надвигающееся психическое расстройство, которое предшествует полному сумасшествию, — резкая, предельная обостренность чувств человека, которого подтолкнули слишком близко к краю.

Когда механический демон бросился на него в этот раз, он изменил тактику. Прыгая на трех лапах, тварь вонзила свои острые как ножи зубы в его левую икру и начала, рыча, пятиться назад, стараясь вырвать из ноги кусок. Виктор со всей силой ударил ее по голове правой ногой. Челюсти твари разомкнулись ровно насколько, чтобы он успел вытащить на свободу свою израненную ногу. Он еще раз врезал ногой собаке, откинув извивающегося демона в заросли. Единственной неприятностью было то, что, сделав резкое движение, он потерял равновесие, упал навзничь и стукнулся головой о камень.

Дурнота накрыла его как волной, но Виктор собрал волю в кулак и не дал беспамятству побороть себя. Держась за голову, он предпринял попытку сесть. Со второго раза ему это удалось. Тихо постанывая, он огляделся. Четвероногий робот стоял на трех ногах в зарослях, просчитывая следующую атаку. Солсбери нагнулся и потерял равновесие. Он опять упал навзничь на траву.

В полуобморочном состоянии он оглянулся вокруг, ища глазами робота.

Тот сделал в его сторону несколько решительных шагов.

Один... другой.

Ближе...

Помутнение пронеслось, как торнадо, сквозь голову Виктора — на сей раз не абсолютно черное, — сейчас чернота приобрела оттенки рубиново-красного и изумрудного цвета. Солсбери не потерял сознания, но силы уже покидали его.

Собака сделала несколько шагов в его сторону.

Виктор попытался подняться по ступеням и укрыться за спасительной дверью веранды, но силы отказали ему. Он снова упал на землю, дурнота накатывала на него тяжелыми волнами, ему было больно дышать.

Он понял, что опоздал.

Смерть была в двух шагах от него.

Глава 11

Видя, что жертва не оказывает сопротивления, собака не спешила нападать. Она упивалась своей победой, лая и взвизгивая, словно перед ней была стая волков. Виктор удивился, зачем твари надо притворяться созданием из плоти и крови, когда его механическая природа так очевидна. Сначала, конечно, она лаяла и облизывалась, чтобы заставить жертву подумать, что она настоящая, а не из проводков и пластика. Но сейчас... Вдруг он понял, что рычание доносится сзади — из-за его спины, что рычит не механический зверь, а Бесстрашка — его настоящий Бесстрашка. Псина вих-

рем налетела на робота, и они, сцепившись в клубок, покатались по лужайке, рыча и захлебываясь лаем.

На лужайке показалась Линда.

— Неси оружие! — закричал он. — Живее!

Она убежала, дверь за ней захлопнулась.

Он наблюдал за схваткой собак — длиннозубого на батарейках демона и своей собственной благородной дворняжки. Судя по манере, в какой четвероногий друг атаковал механического зверя, Бесстрашка решил, что он — суперпес. Он вскочил на спину робота и, рыча, вгрызся ему в шею зубами, царапая его бока когтями. Робот зашатался под тяжестью атакующего и укусил его, обернувшись через плечо. Но в такой тесной схватке, даже обладая недюжинной силой, он не смог причинить Бесстрашке значительного вреда.

— Разделайся с ним, парень! — закричал Виктор охрипшим от волнения голосом.

Механический зверь отскочил от Бесстрашки, но затем опять кинулся на него. Вцепившись ему в плечо, он стал рвать его с методической яростью, которую могла бы выказать только машина. Даже оттуда, где сидел Солсбери, ему был виден залитый кровью бок Бесстрашки. Пси́на завизжала, но из боя не вышла. Она вцепилась в горло робота зубами, прямо туда, где должна находиться яремная вена, и рванула. Она отпрянула с пастью, полной меха и розового пластмассового желе, под которым показались провода и трубки в чехле из плексигласа.

Крови не было.

Механическая собака побеждала, и Бесстрашка это почувствовал. Но он снова и снова бросался на шею соперника и, скрежеща зубами, вгрызался в пластмассу.

Казалось, Линда отсутствовала целую вечность.

— Линда! — закричал Солсбери, в отчаянии оттого, что его собака проигрывает. — Линда, черт побери!

Робот, превратив плечо Бесстрашки в ключья, решил заняться горлом живой собаки и укусил ее именно за это место. Бесстрашка взвизгнул, рванулся назад, проливая кровь, брызнувшую из его горла. Он закачался, присел на задние лапы, словно они у него внезапно подкосились, силы покидали бедное животное.

Робот обежал вокруг него и тяпнул за ляжку.

— Ты, сукин сын! — заорал Солсбери. — Оставь его в покое!

Из разорванного горла Бесстрашки послышалось нерешительное, невнятное рычание, словно он сердился на свою слабость, так же как и на своего врага.

— Линда!

Где же она?

Бесстрашка, шатаясь от слабости, сделал несколько неуверенных шагов к своему противнику, желая свести с ним последние счеты. Робот снова зашел к нему во фланг, чтобы впиться в холку. Бесстрашке удалось цапнуть робота за нос, такой укус мог бы остановить обыкновенную собаку. Но механический зверь этого даже не почувствовал.

Внезапно рядом с Виктором появилась Линда с вибростовом в руке.

— Ты сможешь попасть в механического урода?

Она кивнула и прицелилась.

Оружие зажужжало. Тварь двинулась на Бесстрашку, чтобы добить его, но, оглянувшись, повернула в их сторону, ковыляя на трех ногах. Бесстрашка отвлек работа на время, но теперь тот вернулся к выполнению первоначального задания — убить Солсбери... и Линду тоже.

Но, не добежав до них трех шагов, собака-робот задрожала — луч попал ей в грудь. Она попыталась увернуться, но вместо этого упала на землю, грохнувшись металлическими частями.

С ней было покончено.

Но и Бесстрашка тоже не двигался.

Голова Солсбери гудела, как медный колокол, и кружилась, как карусель. На подгибающихся ногах он подошел к верной собаке и встал рядом с ней на колени. Собака взглянула на него преданными карими глазами, в которых стояли слезы, и облизнулась розовым языком. Она даже не скулила. Солсбери подумал, что бывают случаи, когда даже стоическая отвага становится глупостью.

— В городе есть ветеринар? — спросил он у Линды.

— Доктор Деберт.

— Подгони машину. Повезем его настолько быстро, насколько только ты сумеешь вести эту чертову колымагу.

Она побежала за ключами, оставив ему заботу о Бесстрашке. Он осмотрел собаку. Из горла кровь шла не сильно, но из плеча и из ляжки она лилась рекой. Солсбери поднял пса с земли и осторожно понес к машине. Руки его мгновенно стали липкими от крови. Собака заскулила, когда Солсбери нечаянно задел ее плечо, но не сделала попытки отстраниться от своего хозяина.

Виктор с большими предосторожностями сел на заднее сиденье и держал собаку на коленях всю дорогу до города. Бесстрашка тяжело дышал, поводя боками, глаза у него были мутными. Солсбери удалось получить благодарность — псина признательно лизнула его руку.

У доктора Деберта была современная ветеринарная клиника. Они перенесли Бесстрашку в приемный покой, его кровь закапала белый пол. Медсестра в приемной вскочила из-за стола, захвав:

— Я сейчас же позову доктора. Эта собака нуждается в срочной помощи.

Виктор так и стоял с Бесстрашкой на руках, словно качая ребенка. Он чувствовал, как громко бьется его собственное сердце, почти так же гулко, как и у собаки. В глазах у Виктора помутнело, и все вокруг было как в тумане. Он боялся из-за своей слабости потерять сознание.

В приемный покой стремительно вошел доктор Деберт. Он поздоровался и склонился над собакой.

— Что произошло?

— Собачья драка, — слегка приврал Солсбери. — Чужая псина напала на меня, а Бесстрашка бросился защищать.

— Прощу сюда, — сказал Деберт, показывая им дорогу в свой кабинет.

Они прошли по коридору в операционную — белую комнату с белой мебелью и операционным столом со специальными держателями и ремнями для животных. На столе лежал пудель. Он повернул к ним свою тонкую, остренькую мордочку, которая была скорее злой, нежели милой, и разразился громким, резким лаем.

— Боюсь, нам придется перенести Пучи в приемный покой, миссис Уоллес, — сказал Деберт величественной даме в дорогом трикотажном костюме с орнаментом из желтых цветов.

— Но у Пучи стекло в лапке! — твердо произнесла она, не двигаясь с места.

— Эта собака, возможно, умирает, — сказал Деберт, пытаясь оставаться вежливым.

— Но Пучи был первым, — непреклонным тоном возразила дама, поворачиваясь к Солсбери.

Он не представлял, какое выражение появилось на его лице, но, вероятно, оно произвело впечатление, потому что дама побледнела так, что румяна на ее лице стали похожи на красные облачка. Она быстренько подхватила Пучи на руки и поспешно убралась в приемный покой.

После того как Деберт закрепил Бесстрашку на столе и усыпил его, Солсбери и Линда вернулись в приемный покой. Они пробыли там почти час. Бледная дама сделала из своего неудовольствия целое представление. Она разговаривала со своим Пучи дурацким тоном, которым пользуются родители, щекоча своих пухленьких деток под подбородочком. Когда тот лаял, она пускалась в длинные, занудные монологи о своей бедной больной собачке. В конце часа Деберт вышел к ним в запачканном кровью халате.

— Как он? — спросил Виктор, чувствуя, что нелепо так сильно беспокоиться о собаке, и помня, однако, что эта собака спасла ему жизнь. Если бы не Бесстрашка, он был бы покойником, лежащим на лужайке.

— Я наложил ему двадцать шесть швов, — сказал Деберт. — Рана на бедре ужасна. Там я даже швы не смог наложить. Я остановил кровотечение, хорошенько присыпал лекарствами, стянул бинтом и наложил давящую повязку. Он потерял много крови и нуждался в переливании. Я сделал укол пенициллина, чтобы избежать заражения. Пес проспит еще час или около того под действием лекарств, потом сон перейдет в естественный, который может продлиться до позднего вечера. Жить он будет, но до настоящего выздоровления может пройти несколько недель. У него, возможно, навсегда останется легкая хромота в правой передней лапе. И все же он живой, а при такой потере крови — это счастье. Потом вам придется приводить его раз

в неделю в течение месяца, пока мы не сможем убедиться, что все было зашито, как надо.

Они поблагодарили его. Как только опасность миновала, Виктор опять почувствовал себя так, как будто побывал в бетономешалке. Стараясь не показать, как ему плохо, он заплатил Деберту, удивляясь, каким небольшим оказался счет.

По пути домой они остановились у супермаркета, и Линда принесла два толстых бифштекса и сетку овощей. Они также заехали и забрали кое-что из ее вещей. Путь домой и приготовление обеда, в котором они оба принимали участие, проходили в каком-то забавно-лихорадочном настроении. Они радовались своему везению так, словно боги не должны были заподозрить их в неблагодарности. Подтрунивая друг над другом, они пытались делать вид, будто неприятности хотя бы на какое-то время кончились. Большая лавина пришла и прошла; сейчас они могут ненадолго остановиться и передохнуть.

Весело переговариваясь, они поджарили бифштексы и запекли картофель. Думать о грядущих неприятностях было крайне неприятно. Они и старались не думать. Виктор и Линда приканчивали десерт с шербетом, когда из гостиной донесся шум, стук и грохот.

— Виктор Солсбери, — произнес невозмутимый, хорошо поставленный голос.

Это наконец проснулся 810-40.04.

Настало время получить следующее задание.

Глава 12

Ящик с компьютером, бесстрастный, как и раньше, вплыл в кухню и, как казалось, отметил присутствие Виктора несколькими невидимыми сенсорами.

— С тобой посторонние, — сказал он. — Идентифицируй их, пожалуйста.

— Моя жена, — сказал Солсбери, слегка опережая события.

Компьютер немного помолчал, перерабатывая информацию, которая, несомненно, требовала чего-то большего, чем простая регистрация данных.

— Тебе не разрешено... — начал он.

— Какие бы полномочия ты ни имел, все, что касается моей личной жизни, — не твое дело, — перебил Солсбери.

На поверхности ящика засветились два желтых квадрата.

— Положи сюда руки для получения следующей серии указаний.

— Повторяю, — сказал Солсбери, — какие бы полномочия ты ни имел, моя личная жизнь тебя не касается.

— Положи руки на светящиеся пятна, — повторил компьютер.

— Если ты хочешь иметь надо мной власть, пусть ничтожную долю власти, ты должен объяснить мне мою миссию. Как бы то ни было, но я убил трех человекоподобных роботов и одного робота-собаку, посланных ящерообразными тварями, будучи не подготовлен к их появлению, черт возьми...

— Ящерообразные твари? Ты, должно быть, ошибся. До вторжения пришельцев должно пройти еще несколько дней. Положи руки на светящиеся...

— Пошел к черту! Можешь пойти посмотреть на запчасти для этих роботов, если хочешь. Можешь задержаться до половины первого ночи, когда откроется проход в стене и из него поползут другие твари. Или, может, на этот раз придут сами пришельцы.

Последовала длинная пауза. Пятна на ящике перестали светиться.

— Ты говоришь правду, — констатировал компьютер, словно в него был вмонтирован детектор лжи.

— Да пропади все пропадом! Я решил, что не стоит в этом доме слишком задерживаться. Я не могу доверять тебе, пока ты не скажешь мне всего. Думаю, что самым разумным для нас было бы смотаться отсюда прямо сейчас, побыстрее, податься куда-нибудь еще, где я могу рисовать и...

— Это было бы неразумно. — Голос компьютера был монотонным, но в нем появились нотки усталости и скуки.

— Ты думаешь? Почему?

— Потому что, — сказал 810-40.04, — если ты не продолжишь выполнение плана и не победишь пришельцев, те просочатся в наш пространственно-временной континуум, поработят его и начнут проводить здесь один из своих культурологических экспериментов. Самое позднее через шесть месяцев они будут управлять нашим миром.

— Через шесть месяцев? Вторжение инопланетян? Бред какой-то!

— Ты же видел их через стену, — напомнила Виктору Линда.

Он кивнул:

— Ладно, проехали. Давай мне задание.

— Положи руки на светящиеся...

— Нет, — отрезал Виктор, — я не позволю тебе рыться в моих мозгах и накачивать меня приказами, да так, чтобы я и не догадывался о том, что получил их от тебя, а выполнял бы их машинально. Давай указания в устной форме.

— Управлять тобой, как раньше, уже невозможно. Ты слишком очеловечился за тот период, что прошел со времени завершения прошлого этапа операции. Твоя психика уже освоилась с гипнообучением.

— Давай словесный инструктаж, — не унимался Виктор.

— Теперь твоя очередь меня информировать, — заметил компьютер. — Мой банк данных должен получить от тебя рассказ о произошедших событиях.

Солсбери пересказал компьютеру все, что случилось с тех пор, как он покинул пещеру, чтобы отправиться покупать дом Джакоби. Закончив, он спросил:

— Теперь, может быть, скажешь мне, почему ты не отвечал, когда я хотел разузнать о «ящерицах» и роботах?

— Ты должен понять, что в компьютере 810-40.04 имеется внутренний источник пита-

ния, и я могу работать только по заданному плану. Иначе я рискую истощить мои резервы, что было бы катастрофой. Без моих инструкций ты потерпишь поражение. Весь план может рухнуть. Мы ошиблись с расчетом начала первых атак пришельцев. Seriously просчитались. В противном случае тебе бы не пришлось противостоять роботам, будучи совершенно безоружным.

— На кого я работаю? — торопливо спросил Виктор, боясь, как бы источник информации не пересох еще до того, как он по-быстрому наполнит свои «ведра».

— На угнетенное пришельцами экспериментальное общество Земли номер 4576.

Солсбери не понял. Он задал следующий вопрос:

— И что все это значит? Где все эти угнетенные?

— В будущем. С ними можно встретиться через двести восемьдесят пять лет, — сказал 810-40.04.

— И что... это... Ну хорошо, а откуда я появился? Из 2255 года нашей эры?

— Да.

— Но тогда почему он не помнит будущего? — спросила Линда, наклоняясь к компьютеру так, будто тот — живой человек.

— Потому что он в нем никогда не жил, — ответил компьютер.

— Погоди, — прервал его Солсбери. — Я не улавливаю. В таком случае из какой же эпохи я сам?

— Ни из какой, — заявил компьютер. — Ты — андроид.

Виктор поглядел на Линду, она — на него. Она взяла его за руку, словно подбадривая. Солсбери опять обратился к 810-40.04:

— Я же не из проводов и трубок. Я — человек из плоти и крови. Из моих ран текла настоящая кровь.

— Андроид, но не робот, — сказал компьютер. — Ты — продукт Искусственной Матки, выращенный из химически воспроизведенной яйцеклетки и химически воспроизведенной спермы. И в яйцеклетке и в сперматозоидах содержались специально спроектированные гены. Ты по всем показателям человек, рожденный естественным путем. Ты чувствуешь, думаешь и ведешь себя, как настоящий человек, как Виктор Солсбери. На него как на модель пал выбор потому, что все данные о нем пережили века, а работы Солсбери получили признание после его смерти. У тебя есть, согласишься, душа, как у любого человека, и ты во всех отношениях обычный человек, за исключением нескольких встроенных в тебя отличий. Их три. Первое: в критической ситуации ты реагируешь с более высокой, нежели обычный человек, скоростью. Дело в том, что опасность стимулирует твои мыслительные процессы, и ты можешь управлять их течением, реагируя со скоростью, присущей некоторым диким животным. Второе: ты обладаешь способностью производить и использовать адреналиноподобное вещество, которое выделяется механизмом,

встроенным в твою печень. Здесь есть один недостаток: ты крайне чувствителен к алкогольным напиткам, но с этим ничего не поделаешь. Третье: ты отличаешься повышенной способностью к регенерации, далеко превосходящей нормальную. В остальном ты — обычный человек.

— Если ситуация так тревожна, — сказал Виктор, — почему вы не пошлете в прошлое одного из этих угнетенных? Он бы действовал более исступленно, более фанатично. Вы были бы уверены в его желании сотрудничать, даже без этих способностей к регенерации или мгновенной реакции.

— К сожалению, — сказала машина, — человек не может так далеко путешествовать в прошлое.

— Почему же?

— Потому что, отправляясь назад, человек становится моложе. Если он начинает свое путешествие в возрасте пятидесяти лет, отправляясь на двадцать лет в прошлое, он, таким образом, становится тридцатилетним. Ни один человек, следовательно, не может отправиться в прошлое дальше даты своего рождения. Таким образом, в нашем будущем средний возраст при правлении пришельцев — восемьдесят два года, и у нас нет возможности отыскать подходящего человека достаточно старого, чтобы он прибыл в это время достаточно взрослым.

— Но почему я не испытал подобного воздействия, как любой обычный человек? — спросил Виктор.

Он уже догадывался почему. Подозрение гнездилось в его душе, пугающее и мучительное.

Компьютер спокойно объяснил:

— Искусственная Матка может помочь нам в достижении многих целей. Течение времени в ней может быть сжато или растянуто. В твоём случае мы устроили в маточной капсуле особую ячейку с ускоренным ходом времени. На твоё создание ушло два года, но все было тщательно организовано так, чтобы в том временном потоке твой реальный возраст составил триста десять лет. Когда ты прибыл назад в прошлое с нормальным течением времени, то попал в 1970 год двадцатипятилетним человеком.

Солсбери растерялся. Он смотрел на свое тело, руки и думал о том, как он стар... как он на самом деле стар.

Линда нарушила паузу:

— Если мы остановим этих... пришельцев и будем жить нормальной жизнью, Вик проживет до трехсот десяти лет?

Казалось, компьютер на мгновение задумался.

— Он закрепится в настоящем и не сможет выпасть из существующей действительности. Он будет жить нормальной, здоровой, полноценной жизнью, хотя и это не гарантирует, что он доживет до трехсот десяти лет. Он не должен быть запрограммирован на какую-то определенную жизнь, будущее Виктора — предмет его собственного выбора. Его долголетие, ве-

роятно, будет таким же неустойчивым, как у любого человека его эпохи.

— Ты вроде убедил меня, что пришельцев надо остановить, — сказал Солсбери. — Но как? Что они собой представляют... и откуда они?

— Эти пришельцы — высокоразвитая внегалактическая раса. Они не из нашей Галактики. Они не только овладели сверхсветовой скоростью, но и перемещением с одного вероятностного потока на другой. По крайней мере, один из их вероятностных потоков обладает способностью к такого рода путешествиям.

Солсбери выглядел совершенно сбитым с толку, и, должно быть, сенсоры компьютера уловили выражение его лица.

— Представьте себе, — пустился в объяснения компьютер, — что существует не одна планета Земля. Существуют тысячи, миллионы, миллиарды, бесчисленное количество планет Земля с разной историей. Существует бесконечное число вероятностей, причем все они существуют одновременно и в одном и том же пространстве, но будучи разделены квазипространственными промежутками. Перемещение из одной вероятности в другую включает в себя поиск «слабых точек» — особых участков в этих квазипространственных промежутках, где эти вероятности почти соприкасаются. Как только они обнаружены, монтируется оборудование для ослабления этих самых точек до той степени, пока между двумя вероятностями не образуется своеобразный «пузырь», через ко-

торый можно пройти. Начнем с того, что живая ткань не сможет пройти через «пузырь» и выжить, потому что «пузырь» — это вакуум, заполненный беспорядочно снующими электронами, которые высвобождаются, когда квазипространственный промежуток разрушают, чтобы образовать «пузырь». Эти электроны обладают массой абсолютно несоизмеримой с их размером. Плотность невероятная. Электроны похожи на пули микромикронной величины; они разрушают живую плоть, однако не влияют на металлопластические сплавы, из которых делают роботов, создаваемых специально для перехода через подобный «пузырь» в изначальном его состоянии.

Пройдя на другую сторону, роботы проносят туда оборудование, чтобы установить лучевой генератор с противоположной стороны пузыря. Когда излучение из генераторов по обе стороны «пузыря» синхронизируется и лучи встречаются друг с другом, тогда «пузырь» становится дверью, через которую без труда может проходить живое существо. Пришельцы послали роботов, чтобы расчистить путь и «убрать» вас, но они пока не открыли пузырь для прохода живых существ. Однако они сделают это в самый короткий срок, и надо быть к этому готовым.

Но вернемся к пришельцам, к этим «ящерицам». Они десантировались на один из вероятностных потоков Земли и завоевали его. Оттуда они организовали экспансию на вероятностном плане по всем направлениям, завоевывая одну

вероятностную Землю за другой. Наша вероятностная Земля — семьдесят шестая по счету в планах агрессоров. Здесь, в доме Гарольда Джакоби, летом 1970 года, пришельцы захватили эту вероятность. Они основали здесь очередную опытную станцию, затем двинулись в параллельные миры, располагавшиеся следом за нашим, в другие вероятности.

Один человек, неизвестный персоналу станции пришельцев в этом мире, нашем мире — в будущем по отношению к вам мире, — открыл возможность путешествий во времени. С самого начала для тех, кто находился в нашем будущем, стало очевидно, что машину времени можно использовать как оружие против правления пришельцев. Если можно было бы послать кого-нибудь в прошлое, чтобы остановить завоевание пришельцами нашей вероятностной линии, то наше будущее могло бы стать совсем другим. Человек был бы свободен. И возможно, другие империи пришельцев повалились бы, как костяшки домино, Земли одна за другой стали бы свободными.

Вот оно что. Сложновато, конечно, усвоить все эти нюансы за один присест. Солсбери мог лишь позволить им уложиться у него в голове, чтобы потом попытаться все это как следует осмыслить. Те «ящерицы» за стеной — чужаки из другой Галактики. Но сейчас они прибыли с другой вероятностной Земли, а не прямо со звезд. Его же, Виктора, послали в прошлое из будущего *этой* Земли, чтобы остановить вторжение пришельцев еще до того, как оно начнется...

— Что ты подразумеваешь под очередной опытной станцией? — спросила Линда. — И на что похоже будущее под управлением пришельцев?

— Пришельцы, — отвечал компьютер 810-40.04, — практически бесчувственные создания. Возможно, в обществе себе подобных они испытывают любовь, жалость и ненависть, хотя бы в незначительной степени, но никаких чувств по отношению к людям они не имеют. Эти существа смотрят на человека как на низшее животное, над которым можно ставить опыты. В тех областях, где человеческая личность проявляет творческие способности и налаживает межличностные взаимодействия, пришельцы ощущают чисто научное любопытство. Они живут, чтобы ставить эксперименты. Цель жизни этой расы — по крупицам собирать знания о Вселенной.

Человек не единственная раса, которую они подчинили своей воле. Есть во Вселенной, в самых разных галактиках, и другие виды живых существ. С каждой новой завоеванной расой они начинают проводить социологические эксперименты. Как, к примеру, люди станут вести себя в условиях абсолютной анархии? Чтобы выяснить это, пришельцы устанавливают в каком-либо мире анархию и наблюдают за этим в течение столетий. Эксперимент никогда, в сущности, не прекращается; он длится столько, сколько дают прожить подопытному «кролику» в экспериментальных условиях. Или могут создать мир абсолютной демокра-

тии. Или мир, управляемый подростками. Или они привносят в жизнь уже сформированного ими общества какое-то изобретение — новое оружие, или нечто такое, что делает возможным генетический контроль. Все, что угодно. Фантазия их безгранична.

— А что светит *нашему* вероятностному потоку? Что ожидает *нас*? — спросил Солсбери.

— Фашизм, — ответил компьютер. — Человечество получит двести восемьдесят пять лет фашизма, правления всевозможных гитлеров. Не слишком это приятное место — ваше будущее.

— Триста лет фашистской диктатуры...

— Ученые, которые планировали операцию по освобождению от пришельцев, были уверены в твоём сотрудничестве, Виктор. Понятно, что в своём развитии ты будешь все дальше уходить от Марионета и все более приближаться к человеку. Что случится, если ты откажешься от сотрудничества, никто не знает. Если ты откажешься от прямого инструктажа через мои сенсорные платы, тогда ты получишь возможность увидеть мир вашего будущего с помощью комплекта сенсорных кассет с записями. В любом случае ты увидишь, что такое эти эксперименты пришельцев.

Сразу возникло множество вопросов.

— Почему, — спросил Солсбери, — нельзя было внедрить все знания в мой мозг с самого начала, вместе с полным комплектом приказов?

— Потому что, становясь моложе, ты бы утратил все знания, размещенные в клетках моз-

га. Ты прибыл сюда с пустым мозгом, и твой мозг все равно оказался бы здесь пустым, даже если бы там, в будущем, в него и внедрили все необходимые программы.

— Тогда откуда же я знал, что мне следует убить Гарольда Джакоби?

— В твой мозг вживили небольшую химическую кассету, не подверженную воздействию омоложения мозга. Когда ты прибыл сюда, она активизировалась и стала воспроизводить нужные приказы. Пока ты две недели спал в пещере, я заполнил твой мозг памятью Виктора Солсбери, но на большее не хватило времени, а перед отправлением сюда можно было внедрить в мозг лишь одну химкассету.

— Эти сенсорные кассеты, — сказала Линда, — на что они похожи?

— Они воздействуют на все чувства, — сказал компьютер. — Если вы оба положите руки на светящиеся пятна — это мои передающие платы, — то получите информацию. Нервных окончаний на пальцах достаточно, чтобы гарантировать восприятие.

Солсбери перехватил руку Линды, когда та протянула ее к компьютеру.

— Это прекрасная возможность обучить нас обоих, — сказал он. — А я не превращусь обратно в Марионета?

— Нет, — заявил 810-40.04. — Это исключено. К этому ты больше не вернешься.

Виктор скептически посмотрел на компьютер.

— Ты сейчас уже слишком очеловечился, — сказал тот. — Да ты сам в этом убедишься.

Виктор пожал плечами, вытянул руку вперед вслед за Линдой, прикоснулся к передающим платам на крышке компьютера, и они оба вплыли в какой-то другой мир.

Вы — в клетке. Подземелье. Никаких окон. Только серый бетонный пол, глухие серые стены и черные прутья, которые отделяют вас от тускло освещенного коридора. Завтрака вам не дали; время приближается к концу обеда, и ваш желудок сводит от голода. По полу бегают крысы; она останавливается у решетки и смотрит на вас. Вы впервые осознаёте, что лежите на полу, на одном уровне с крысой. Крыса смотрит прямо вам в глаза, ее хищные глазки жарко горят кровавым блеском. Она показывает вам свои зубы, очень острые зубы, в хищной ухмылке — ухмылке, присущей любому хищнику с незапамятных времен. Очень уж ей хочется впиться вам в глаза. Вы бессильны этому помешать, пытаетесь двинуться и слегка приподняться, но валитесь обратно на пол. Вы так чудовищно слабы. А крыса подбирается все ближе. Вы пытаетесь догадаться, как оказались в клетке, в этом месте, и почему творится такое. Вы придерживались каких-то неправильных политических взглядов, но не можете вспомнить, каких именно. При фашистских режимах это едва ли имеет какое-то значение. Но ведь не могло же это быть настолько важно? Крыса подбегает к

вам на пару футов ближе. Или все-таки могло? Еще ближе... Вы вскрикиваете. Но здесь некому вникать в ваше бедственное положение...

Местная полиция, отделение гестапо. Вас взяли прямо из дома в середине ночи вместе с сумкой книжек — явно левой направленности. Самым компрометирующим был антитоталитарный роман «1984». Книги засунули в голубой холщовый мешок, надели на вас наручники. Гестаповцы толкали вас всю дорогу до патрульной машины. Когда вы попытались сопротивляться, вас сбили с ног и стали пинать. Сейчас вы в полицейском участке, в маленькой комнатке с голыми стенами. Здесь нет мебели, за исключением деревянной скамьи, к которой вы привязаны. Уже час, как вы здесь. Вы дрожите, пытаетесь догадаться о том, что вас ждет. В воздухе стоит слабый запах блевотины и мочи. Интересно, что понадобилось проделать с заключенными-предшественниками, чтобы этот запах так пропитал все это помещение. Потом приходят четверо. Старший офицер — голубоглазый мужчина с белой кожей, живот которого нависает над черным кожаным ремнем. Они одеты в темно-коричневую форму, носят блестящие сапоги до колен. Старший офицер бьет своей дубинкой по ступням ваших ног. Боль пронзает как кинжал. Старший требует от вас признания, но когда вы спрашиваете, в чем именно, то он просто

бьет вас опять. Ну что ж, добиться от вас признания будет не так уж сложно. Они даже не особенно стараются. Но через два часа ваши ноги опухли и болят. Ноги горят огнем. Еще час — и ваши ноги распухают до таких размеров, что страшно смотреть. Под вами уже мокро. Вы чувствуете в горле привкус блевотины, вы знаете, как появляются эти запахи... Удар, удар, удар, удар...

Компьютер показал им десять сцен, по большей части, конечно, пропагандистских, но пропаганда была настолько чудовищной и одновременно настолько достоверной, что трудно было отрицать ее убедительность. Солсбери уже был готов сотрудничать, и даже если бы он и не успел к этому времени проникнуться подобным желанием, то увиденные кадры окончательно убедили бы его. И не только потому, что подобным мучениям подвергалось все население того мира, за исключением горстки тиранов и их приспешников, но и его, Виктора, вместе с Линдой ждала бы та же самая участь, сумей пришельцы прорваться в этот вероятностный поток и основать здесь очередной опытный аванпост.

Когда видения закончились, Виктор и Линда отодвинулись от компьютера, бледные и мокрые от пота. Какое бы будущее человек ни выстраивал для себя — пусть даже самое нелепое, — оно никогда не сравнится с кошмаром того фашистского эксперимента, при ко-

тором чужаки держали у власти психопатов. Это то самое общество, которое некоторые народы приняли, чтобы в конце концов отвергнуть. Если бы Виктор не продолжил выполнение плана, это безумие стало бы его собственным будущим.

— Ну? — спросил компьютер.

— Скажи мне, что я должен делать, — пробормотал Виктор.

По указанию компьютера Солсбери перенес остальные ящики из спальни на втором этаже вниз, в подвал, и поставил их у стены, в которой пришельцы открывали свой проход между мирами. Компьютер электрическим сигналом открыл крышки. Те с резким звуком отскочили, обнажая кучу проводков, трубочек и прочей механики. Солсбери должен был составить части вместе, как это делается при сборке пазла — составной картинки-головоломки. Следуя указаниям 810-40.04, Виктор, собирая зонд-излучатель, обнаружил, что этот механизм — точно такой же, как у пришельцев. Когда сегодня вечером чужаки настроятся на него, Солсбери совместит свой луч с лучом пришельцев и откроет «пузырь» между вероятностями для прохода живого существа. Этим существом будет он, Виктор.

От сознания того, что на той стороне его, возможно, будут поджидать убийцы, в желудке у него урчало. Хотя, если там будет даже пятьдесят роботов, Виктор к этому готов, потому что 810-40.04 снабдил его оружием практически на все случаи.

Но разве у героя трясутся коленки? Или у него перехватывает дыхание?

Нет, героем Виктор не был. Он чувствовал себя скорее маленьким мальчиком, игравшим со старшими ребятами и потом внезапно обнаружившим, что они для него слишком сильные, и он не может без ущерба для себя выйти из игры. Его обучили драться. Та химкассета, которая впервые проявила себя в ночь убийства Гарольда Джакоби, наводнила его мозг тысячами приемов самых разных боевых искусств из арсенала командос. Но все приемы каратэ-до, дзюдо, французского бокса (он же сават)¹ блекли, когда он представлял себя в одиночку против пришельцев, серых, чешуйчатых тварей со ртами-хоботками, явившихся неизвестно откуда из краев, отделенных миллионами световых лет и черт знает сколькими вероятностными потоками.

К десяти часам Виктор и Линда закончили сборку зонда-излучателя. Выглядел он довольно эфемерно, почти невесомо: составной каркас поддерживал панели сложных механизмов. Было там и кресло для оператора. Чтобы управлять этой машиной, надо было только сесть в это кресло, щелкнуть единственным переключателем, нажать на рукоятки по бокам, включить агрегат, напоминающий театральный прожектор, и навести его на цель. На каждой рукоятке находились винты, чтобы можно было большим

¹ Французский бокс — особая разновидность бокса с применением ударов и руками, и ногами.

пальцем изменить мощность луча прожектора, достигая большей точности.

Было решено, с согласия компьютера, что дела пойдут быстрее, если излучателем будет управлять Линда. Она направит луч и откроет дверь в параллельный мир. Солсбери тем временем будет находиться рядом и, когда образуется проход, сможет быстро проскочить через него.

По предложению Линды они ненадолго оставили компьютер, чтобы поест. Солсбери утратил аппетит, он смог только, давась, проглотить бутерброд и выпить чашку кофе. В четверть двенадцатого они вернулись в подвал и стали ждать. Это было тревожное время. Виктор ходил туда-сюда по подвалу, как зверь в клетке. Линда не спускала с него глаз. 810-40.04 снова и снова повторял им свои инструкции, пока они не попросили его помолчать.

Наконец наступило назначенное время. Линда заняла свое место в кресле. Виктор встал у стены, рядом с тем местом, на котором должен был открыться портал.

Часы показали половину первого.

На стене засветилось голубое пятно, мало-помалу разгораясь все ярче.

Линда щелкнула переключателем.

Два луча встретились. Окно стало открываться.

— Пора! — сказал компьютер.

И Солсбери впрыгнул в иную вероятность, из которой пришельцы управляли своим собственным зондом-излучателем.

Первое, что увидел Солсбери, — это лицо оператора-пришельца. Его беззубый рот-присоска шевелился, тонкие серые губы мучительно искривились, будто кто-то вонзил в них иголки. Огромные глаза горели красным огнем. Когда Виктор видел пришельцев в первый раз, их глаза казались просто красными. Здесь, рядом с одним из них, он ясно различил сетку мелких пульсирующих кровеносных сосудов, которые придавали им такой цвет. Это было отвратительно. Оператор отключил свой излучатель, его рот неправдоподобно растянулся, словно он хотел закричать. Солсбери поднял новый пистолет, которым его снабдил компьютер, и выстрелил. Оператор разинул от изумления рот, и в тот же миг он исчез, словно испарился.

— Вик! — закричала Линда через портал.

Он машинально обернулся, опускаясь на колени, в ожидании опасности. Но за его спиной никого не было. Он был защищен излучателем пришельцев, и, вполне возможно, никого больше в помещении не было. Почему закричала Линда? Он посмотрел на проход и увидел, что один человекообразный робот шагнул через портал, направляясь к девушке, а другой истукан был на полпути туда же.

Виктор поднял пистолет и выстрелил в того, кто был к нему ближе, стараясь уничтожить его и очистить себе пространство для выстрела в робота, представляющего непосредственную опасность для Линды.

Затылок первого робота раскололся, как яблоко, упавшее с дерева на камни. Робот рухнул вперед и с немыслимым лязгом разбился на куски. Истукан, приближавшийся к Линде, обернулся, ища источник грохота за своей спиной. Он получил от Солсбери выстрел прямым хонько в центр живота. Стекло, сталь и пластиковый гель — его искусственную плоть — разметало во все стороны.

Пол перед Солсбери разлетелся дождем обломков, а его самого обволокло облаком густого дыма с едким запахом тухлого мяса. Он высунул голову из-за излучателя прищельцев, чтобы поглядеть, откуда был сделан выстрел.

Комната за ним кишела роботами. Он прикинул, что их не меньше двадцати.

Через секунду после того, как он снова спрятался за корпусом излучателя, еще один луч прошел металл в том месте, где только что было его лицо, выбил несколько ручейков раскаленного металла, которые стекли вниз и застыли на бетонном полу. На секунду ему ясно представилась тошнотворная картина того, как его голова покрывается дырками, из которых течет раскаленный мозг.

Он поморгал, чтобы избавиться от пелены на глазах, и сосредоточился на том, как бы остаться в живых, при этом уничтожив как можно больше механических уродов.

Один робот бросился к нему, пытаясь зайти за излучатель, чтобы достать Солсбери. Он поймал истукана на мушку, когда тот мчался

на него. Силой выстрела того отбросило назад, и он развалился на шипящие части.

Виктор нажал особую кнопку на пистолете, чтобы превратить его в автомат, в тысячу раз более смертоносный, чем прежде. Роботы стояли сравнительно близко друг к другу, потому что намеревались перейти в мир Солсбери. Он поднял ствол своего тяжелого пистолета, нажал на спуск и увидел, как серые газовые шарики вонзаются в металлические тела роботов и разрывают их изнутри.

Действие оружия на роботов было не таким драматичным, как в случае с живой тканью пришельцев, но тоже адекватным. Если одна пуля встречала среду слишком плотную, чтобы проникнуть достаточно глубоко, другая, выпущенная по массивной цели, обязательно завершала начатое. В течение безумных тридцати секунд весь пол был завален светящимися обломками человекообразных роботов.

Наступила тишина. За исключением хриплого звука, словно скребли друг о друга два куска наждачной бумаги. Виктор оглянулся, пытаясь определить источник звука, не зная, враждебен ли он или дружелюбен. Сердце начало учащенно биться, когда он понял, что это звук его собственного прерывистого дыхания.

— Виктор, — позвал компьютер.

Он прошел через помещение, усыпанное остатками роботов, и перешел через портал в подвал своего дома.

— Да?

— Твое снаряжение.

Линда протянула ему рюкзак, в котором лежали необходимые ему вещи. Он забросил рюкзак на плечо, пораженный выражением ее испуганного лица. Ненависть охватила Виктора, жгучая ненависть к пришельцам, заставившим страдать его любимую и мучиться его самого. Однако, если бы не было этой проблемы, он сам не был бы создан и никогда бы не встретил самую прекрасную на свете девушку.

— Будь осторожен, — сказала она.

Он кивнул.

— Помни, — напутствовал его 810-40.04, — с этими двумя излучателями мы, если захотим, сможем держать этот проход открытым. Но если пришельцы случайно войдут в это помещение и увидят, что произошло, они моментально закроют проход.

— Я постараюсь разобраться с ними как можно быстрее, — сказал он, чувствуя себя словно в плохом сне.

— Я обучил Линду, как разбирать роботов на детали и снимать с них вибростволы. Она займется этим, пока тебя нет. Оружие нам не мешает.

Пришла очередь Солсбери сказать: «Будь осторожна».

— Не беспокойся, я справлюсь, — ответила девушка.

Виктор передвинул рюкзак на спину. Он весил без малого восемнадцать тысяч фунтов. Все, что ему надо сделать, так это открыть кран на сосуде с потрясающим адреналиновым соком, который производил его маленький, специально

вживленный в печень заводик, и он может тащить эту ношу без малейшего напряжения.

Он перебрался из своего подвала через стену, обошел груды разломанных роботов и взялся за ручку двери, ведущей в неизвестное. 810-40.04 напомнил ему, что он — амбидекстр¹. Это значит, что, если ему выстрелом оторвет правую руку, он может переложить оружие в другую. Обеими руками он владеет в равной степени. У двери он втянул горячий воздух и потянул дверную ручку на себя.

— Я люблю тебя! — донесся до него голос Линды.

Он не ответил. Если бы он сказал ей хоть слово, если бы вернулся, чтобы ответить ей, его решимость могла улетучиться, как горячий пар. Сейчас он действовал, опираясь только на свою волю и на веру в победу. Он не стал рисковать, ставя под удар успех предприятия.

Он открыл дверь, увидел длинный коридор и шагнул вперед. Дверь он предусмотрительно за собой прикрыл.

Пришельцы, будучи существами чуждого нам разума, не создавали помещений, понятных обитателям Земли. Солсбери, еще находясь в помещении, занимаемом пришельцами, заметил, что прямых стен там нет, как нет и абсолютно острых углов. Та комната была по-

¹ А м б и д е к с т р — человек, одинаково хорошо владеющий и правой, и левой рукой.

хожа на внутренность большого яйца, белого, слегка шероховатого, светящегося, словно горный хрусталь. Стены были неровные, с какими-то нишами, щелями и крошечными тупичками, в которых лежали непонятные предметы и оборудование. Создавалось впечатление, что помещение вырублено в скале, оно было больше похоже на пещеру, нежели на дом. Его скорее создало для себя гигантское насекомое, чем существо, обладающее человеческим разумом.

Коридор можно было назвать тоннелем. Он был очень широкий и освещался тускло-желтым светом, исходящим от светящихся камней, расположенных на равных расстояниях на скругленном потолке.

Виктор поколебался лишь мгновение, затем решительно зашагал по этому необычному тоннелю.

Внезапно Виктор остановился и внимательно прислушался: он уловил злое хихиканье. Звуки раздавались откуда-то поблизости, возможно из какого-то бокового коридора, которых здесь хватало. Хихикали и разговаривали двое — пришельцы, изъясняющиеся на своем родном языке. Звук чужой речи заставил его похолодеть. Необычная интонация, звучание незнакомой речи напомнили о когтях и пещерах, о том, как чешуйчатые занимаются любовью, о слизистых норах, где они гнездились в древности. Их образ жизни был настолько чужд человеку, что это почти лишило Виктора присутствия духа.

Но он постарался взять себя в руки.

Звуки приблизились настолько, что он мог слышать, как их широкие лапы шлепают по холодному полу. В любой момент они могли появиться прямо перед ним и поднять тревогу... Или убить. Он в беспокойстве оглянулся и буквально в последний момент заметил закрытую дверь в пяти футах от него. Он рванулся к ней, стараясь наступать на носки, тихо, осторожно открыл и проскользнул внутрь.

К счастью, помещение оказалось пустым и темным. Он прикрыл дверь, прижался к стене и стал ждать. Через пару минут беседующие прошли мимо двери, направляясь туда, откуда он пришел. Виктор стоял, обливаясь потом, ожидая, чтобы голоса затихли вдали.

Неожиданно его обдало жаром от пришедшей на ум мысли.

Что, если они пойдут в помещение, где был бой? И найдут тела. И Линду. О боже!

Он осторожно приоткрыл дверь и посмотрел им вслед. Пришельцы поравнялись с этой комнатой и прошли мимо нее, не задерживаясь. Через несколько шагов они свернули в боковой коридор, их голоса затихали, затихали и наконец утихли вовсе.

Играя роль кота-ворюги, крадучись, нервно сжимая в руке пистолет, Солсбери пошел по коридору. Пройдя шагов двести, он нашел лестничную площадку, осмотрел коридор в обоих направлениях, чтобы убедиться, что его никто не заметил, и стал подниматься по ступенькам.

Ступени были вырублены в стене, шероховатые, слегка желтовато-коричневые посередине, оттого что по ним ступали лапы пришельцев. Пятнадцатью ступеньками выше оказалась первая площадка, потом еще и еще. Тридцать пролетов и тридцать этажей, и вот он у цели.

Виктор опять оказался в тоннеле. Тот был абсолютно пуст. Виктор побежал, надеясь, что делает это достаточно тихо. Казалось, тоннелю не будет конца, так что пробежка была настоящим подвигом. Каждую секунду он ожидал, что налетит на группу пришельцев и его схватят их длинные руки. Но он достиг конца без происшествий и остановился, тяжело дыша. Ловким движением он перевел рюкзак со спины на грудь, вынул одну бомбочку размером с пуговицу, которой снабдил его компьютер.

План состоял в том, чтобы установить десятки этих взрывных устройств, каждую мощностью с ядерную бомбу, в разных местах этой структуры. Пришельцы строили свое убежище с расчетом на противостояние ядерному взрыву, но десяток бомб, внедренных в самые недра их постройки, разнесли бы все в клочья. Возможно, этого было недостаточно, чтобы остановить вторжение на Землю, но взрыв здания откладывал его. Но если пришельцам удастся пробраться сюда снова, то люди будущего, которые послали Солсбери назад, чтобы уничтожить установку, смогут послать другого андроида разрушить следующую установку.

«Око за око, зуб за зуб» — на какое-то время, пока люди из мира Солсбери не лишат пришельцев надежд на успех. Шансы на победу есть, хоть и небольшие.

Он продолжал надеяться, что сможет придумать что-нибудь получше.

Он вдавил белую бомбочку в стену и вогнал ее в похожий на штукатурку материал. Она вошла почти идеально. Виктор приспособил еще одну на другом конце верхнего этажа. Потом он побежал назад к лестнице и спустился на этаж ниже. Осталось только четырнадцать этажей.

Он очень надеялся, что завершит минирование без встречи с пришельцами.

К несчастью, неприятности начались слишком рано. На одиннадцатом этаже, установив восемь бомб, он встретил своих первых соперников.

Глава 14

Как и до этого, Солсбери слышал приближение пришельцев прежде, чем увидел их самих. Скрипучие голоса царапали ему нервы так же болезненно, как скрежет металла по стеклу. Виктор установил второе взрывное устройство на этом этаже и уже направлялся к лестнице, как таракан по пути к своей щели в плинтусе, когда услышал, как пришельцы поднимаются по лестнице. Он понесся назад, в коридор, опять вверх, прижимаясь к холод-

ной белой стене и стараясь по возможности тише дышать.

Он мог подождать здесь в надежде, что пришельцы минуют этот этаж, но что, если именно сюда они и направляются? Последует довольно неприятная, вне всякого сомнения, сцена, если они обнаружат, что их храм осквернен человеком с рюкзаком, набитым взрывными устройствами.

Прошло несколько секунд, прежде чем он поборол свой страх до такой степени, чтобы начать действовать. Он подивился самому себе — а где ж та скорость мыслительных процессов, о которых так много толковал ему 810-40.04? Наконец, когда голоса стали настолько громкими, что казались рядом, он толкнул дверь, находящуюся слева от него, и приготовился юркнуть в нее. Если пришельцы продолжают подниматься, проблемы не будет. Но если они войдут на этот этаж, он проникнет в эту комнату раньше, чем они его увидят. Но он не хотел заходить в эту дверь и подвергаться риску быть обнаруженным кем-то, кто мог находиться в комнате. Не хотел до тех пор, пока ему не придется это сделать. А ему пришлось.

Он уловил движение на лестнице и замер неподвижно. Одна, покрытая чешуйками, как у ящерицы, нога пришельца показалась на ступеньке лестницы. Они шли на этот этаж. Осторожно открыв дверь, Солсбери вошел в освещенную комнату, похожую на все другие, виденные им здесь, и аккуратно прикрыл дверь за собой.

— Зи ги са тисс га, — сказал пришелец, выходя из-за предмета мебелировки, наминавшего стол.

Солсбери решил, что эти слова не требуют ответа, но являются чем-то вроде приветствия.

— Я просто зашел на минуточку, — сказал он.

— Сси-га-таг! — встревоженно произнес пришелец.

Но Солсбери отвлек его внимание и незаметно выхватил пистолет. Он выстрелил, забыв, что в автоматическом режиме этот пистолет работает бесшумно, и разнес чудовище на десятки отвратительных кусков. В ту же секунду позади него послышался шум, и дверь широко распахнулась.

Он в прыжке метнулся через всю комнату, спрятался за столом и затаился. Казалось, двое пришельцев, вошедших в комнату, ничего не слышали. Один из них даже принялся шипеть, что, должно быть, у чужаков было эквивалентно смеху. Воздух выходил из беззубых ртов, кожа морщилась и собиралась в складки, превращая рот в какое-то непристойное отверстие. Звук, который они поочередно издавали, напоминал паровозный свисток. Солсбери представил себе, какова обстановка в театре, полном этих клоунов. Потом охота мысленно шутить у него пропала.

Свистящий пришелец внезапно прекратил смеяться, втянул в себя воздух и в тот же момент заметил Солсбери. Чужак схватил за плечо своего приятеля.

Солсбери выстрелил, попал одному чужаку в бок. Тот отлетел назад и ударился о косяк двери. Прежде чем Виктор успел сделать второй прицельный выстрел, чтобы прикончить другого пришельца, тот выбежал в коридор, издавая пронзительные звуки, которые могли бы поднять на ноги половину планеты. Несомненно, он звал на помощь.

Даже сквозь мерзкие звуки, издаваемые тварью, Солсбери начал различать другие взволнованные голоса пришельцев, доносившиеся сверху и снизу из главного коридора.

Он переступил через тушку пришельца с кровоточащей, смертельной раной на боку и открыл дверь. Оглянувшись, Виктор не нашел никаких способов закрыть ее. Будь на ней хоть ручка, он бы заклинил ее, подставив стул, но там было только углубление, чтобы хвататься пальцами.

Прижимая дверь спиной, он оглядел комнату так, как крыса изучает ловушку в первые секунды плена. Стены были обескураживающе голыми, неотделанными, грубой фактуры. На мгновение ему привиделось, как пришельцы через дверь острыми копьями протыкают ему спину. Он быстро отодвинулся и стал пристально оглядываться. Как только его глаза закончили сканировать помещение, он заметил небольшой черный квадрат на белой стене под потолком. Его сердце радостно забилося, он осторожно переступил через куски пришельца и оказался прямо под отверстием. Из него дуло прохладным воздухом. Вентиляционная шахта.

Шум в коридоре нарастал. Он чувствовал, что целая толпа пришельцев стоит под дверью, пока не решаясь открыть ее и лицом к лицу встретиться с его пистолетом. Они совещались и в любой момент могли ворваться в комнату.

Он придвинул стул к стене, встал на него так, что вентиляционное отверстие оказалось на уровне его лица. Привстал на цыпочки, достав до шахты, и стал подтягиваться, пока его ноги не отделились от стула. Он карабкался по стене коленями и ступнями, пытаясь подтягиваться на руках. Но ему было нужно что-то вроде рычага. Он ощупал пальцами все вокруг, пока не нашел выступ в дюйм шириной на облицовке пола шахты. Виктор вцепился в него и, подтянувшись, пролез в отверстие до груди; шероховатый край стены оцарапал ему живот, отчего ему стало больно дышать. Путь в шахту был адски трудным, а пахло там, как в склепе. Солсбери попытался не дышать и, извиваясь, полез вперед, отталкиваясь ногами от края прохода.

Проход был таким узким, что он даже не мог встать на четвереньки, а мог только лежать, распластавшись, или ползти на животе, как пехотинец. Через несколько минут, когда свет из комнаты за спиной Виктора был полностью закрыт массой его тела, он услышал грохот какого-то оружия и дверь разлетелась под злобным натиском бешеного града ударов.

Пришельцы не собирались входить в комнату до тех пор, пока не убедятся, что все живое погибло. Это давало Виктору еще немного вре-

мени, чтобы убраться подальше. Правда, не было никакой гарантии, что шахта вообще куда-то ведет. Она даже может сузиться до размеров небольшой трубки, такой, что дальше протискиваться станет невозможно. Тогда они вполне смогут расслабиться, пустив газ и отравив его. Неприятных перспектив сколько угодно.

Но вентиляционная шахта тем не менее не сузилась, а перешла в другую, разветвлявшуюся на два других тоннеля, один из которых отходил под углом девяносто градусов от главного направления. Там была еще шахта, ведущая вертикально на нижний этаж.

Солсбери поглядел направо и налево, его глаза как-то приспособились к темноте, так что тоннели казались уныло серыми, нежели непроницаемо черными. Оба пути представлялись одинаково привлекательными. Или, скорее, одинаково непривлекательными. Пойди он влево или вправо, то по-прежнему находился бы на одиннадцатом этаже, в то время как его уже ищут по всему зданию. Но если ему спуститься вниз, он бы смог пробираться все ближе и ближе к своему подвалу, проходу, через который лежит путь в его собственный мир.

Конечно, в плане появилась заминка, но сейчас Солсбери был озабочен не столько выполнением задания, сколько спасением своей шкуры. Благодаря небу, «механический» Виктор больше им не управлял. Он оставил позади себя парочку микробомб и стал спускаться по шахте, ведущей вниз, используя колени, бедра и плечи как страховочные приспособления.

Один этаж за другим, срывая кожу с пальцев на грубой поверхности туннеля, раздирая джинсы на коленках, а рубашку на плечах, Виктор спускался, оставляя за собой бомбы. Это было не так хорошо, как если бы он распределил их равномерно по всему зданию, но это лучшее, что он мог сделать в теперешних условиях. Когда он отсчитал десять этажей и понял, что находится внизу, там, где его ждали, он вполз в главный тоннель, ища выход в какую-нибудь комнату.

Он нашел четыре таких.

В первой, маленькой и слабо освещенной, в гамаках, подвешенных на разных уровнях, спали с полдюжины пришельцев. Пробираясь между ним было равносильно попытке пройти через стадо дикообразов, не прикоснувшись к их иглам. Рано или поздно он бы разбудил кого-нибудь и они разом набросились бы на него.

Вторая и третья комнаты были рабочими помещениями, и в них находились по два пришельца. Возможно, он сумел бы из своего укрытия поймать их на мушку и прикончить до того, как они смогут пикнуть, но он этого не сделал, хотя убийство пришельцев не было таким физически неприятным, как убийство человека. Душевных травм из-за уничтожения чужаков, как это случилось из-за убийства Гарольда Джакоби, у Солсбери не возникло. Возможно, это была ошибочная философия, гипертрофированная ксенофобия, внедренная в Виктора его создателями. Виктор знал, что его создатели из

будущего не предполагали, что он станет безжалостным убийцей, иначе они бы сделали так, чтобы ему было легко убивать.

Четвертый выход вел в темную комнату. Он выглянул из вентиляционного колодца, внимательно разглядывая серые, коричневые и ярко-красные тени, пока не убедился, что помещение пусто. Потом, двигаясь так тихо, как было возможно в его возбужденном состоянии, он выбрался из шахты и приземлился на полу помещения. Его ноги тяжело шлепнули о камень.

Было тихо.

Сейчас ему предстояло попытаться решить, насколько осведомлены пришельцы. Догадались ли они о том, откуда он явился? Или думают, что он — нарушитель границы с *этой*, уже оккупированной ими вероятностной линией? Ему оставалось надеяться, что они до сих пор не осознали необычность ситуации, и если это так, то у него пока есть шанс добраться до переходной комнаты и вернуться в подвал, где его ждут Линда и 810-40.04.

Но если пришельцы устроят ему ловушку? В переходной комнате его будут ждать вооруженные до зубов чужаки, не слишком обрадованные тем, как он обошелся с оператором и двадцатью роботами — отрядом бойцов для вторжения в его мир...

Он осторожно открыл дверь и выглянул в коридор. Тот был загадочно пуст. Он определил, в какой стороне находится подвал, и прикинул, сколько до него бежать. Коридор напо-

минал трубу. Пустота и тишина в ней казались искусственными.

После пяти минут осторожного наблюдения он пожал плечами и вышел из комнаты, оставив дверь за собой открытой на тот случай, если ему придется быстро вернуться, чтобы спрятаться. Он пошел по трубе, держась поближе к стене, с газовым пистолетом наготове. Подойдя к лестнице, он уголком глаза заметил движение и обернулся.

Пришелец? Даже двое.

Первый поднимал пистолет. Солсбери выстрелил с бедра и попал чужаку в грудь. Пришелец согнулся пополам и полетел вниз с ужасно бессмысленным выражением красных глаз. Потом что-то ударило по руке Солсбери и выбило оружие. Пистолет, стрелявший серыми газовыми пульками, со стуком упал вне пределов досягаемости. Второй пришелец, который выбил пистолет из рук Солсбери, резко закричал, зовя на помощь.

Солсбери развернулся всей тяжестью тела, изготовленного по спецзаказу, и, поймав пришельца за кожистую шею, швырнул его на погибшего приятеля. Тот молча затряс огромной головой и попытался подняться, его костлявая левая рука безнадежно пыталась дотянуться до чехла, в котором находился пистолет, весьма похожий на тот, которым пытался воспользоваться его мертвый друг.

Солсбери пинком ноги отбросил руку пришельца от чехла с оружием. Он услышал, как кости запястья чужака хрустнули от удара, и

ему стало дурно. Пришелец вскрикнул, упал у стены и сполз по ней, хныкая и издавая какие-то чавкающие звуки ртом-присоской, придерживая запястье своей конечности.

Предприняв еще одну попытку попасть в свой подвал, Солсбери увидел отряд пришельцев, устроивший ему засаду в дальнем конце коридора. Они мчались на него с бешеной скоростью, наклоняясь вперед так, словно в коридоре дул сильный ветер, со смертельным оружием в обеих лапах или поспешно вынимая его из чехлов. На секунду Виктор остолбенел. Раздались выстрелы. В стену арочного прохода вонзилось множество крошечных иголок. Из них сочилась какая-то желтая жидкость.

Яд?

Но это по-дурацки примитивное оружие для таких продвинутых существ. Пока он размышлял, что ему делать, как избежать этой заварушки, что-то звонко и ослепляюще ударило его сзади по голове.

Виктор изогнулся, чуть не упав, борясь с неожиданной темнотой. Он обернулся, ища пришельца со сломанным запястьем. Пока его внимание было отвлечено на приближавшуюся стражу, чужак вынул свое оружие и здоровой рукой использовал пистолет как дубинку. Почему тот просто не пристрелил его, Солсбери не мог догадаться. Возможно, он все еще был в шоке от своего ранения. Теперь, как заметил Солсбери, он одумался и пытался перевести пистолет на огневой режим. Солсбери очень не любил делать что-то подобное, но сейчас у него

не было выбора. Он выбросил вперед ногу и пнул существо по здоровому запястью. Оружие вылетело, стукнулось о стену и развалилось на три части.

Солсбери перешагнул через него и побежал вверх по лестнице в надежде, что сможет отыскать на втором этаже другую незанятую комнату и по вентиляционным шахтам попасть на более безопасный этаж.

Когда Виктор добежал до первой лестничной площадки, он столкнулся со вторым дозорным подразделением, которое спускалось вниз. Пришельцы передового отряда окружили площадку, удивленно глядя на то, как их добыча поднимается вверх, пошатываясь и крича что-то тем, кто бежал за ним.

Солсбери рванулся вперед, поднял чешуйчатую тварь за черную, с серебряными заклепками портупеею и перебросил его через голову, вниз по лестнице, по которой только что поднимался.

Кто-то снова выстрелил в него.

Солсбери услышал, как иголки дождем посыпались рядом с ним.

Еще одна группа поднималась снизу. Падающий пришелец рухнул на их предводителя и сбил его с ног. Солсбери взглянул на них сверху и увидел, что еще двое готовятся в него выстрелить. Он бросился вперед, пригибаясь, и схватил одним взмахом руки две пары кожистых ног. Пришельцы повалились как деревца в ураган.

Пришелец, которого он скинул, стукнулся черепом о пол, мяукнул и затих. Другой ока-

зался хитрее. Он тихонько подкрался к Виктору сзади, окликнул его и ударил ногой в подбородок. Солсбери увидел звезды, радугу и множество разноцветных снежинок, потом героическим усилием пришел в себя. Он двинул кулаком, почувствовал, как тот столкнулся со ртом-присоской.

Виктор карабкался вверх по ступеням на руках и коленях, стараясь овладеть вдруг ослабевшими ногами. На следующей лестничной площадке он остановился, посмотрел назад, и тут же в него вонзился целый сноп иголок.

Оно повернулось, тяжело дыша, и снова побежал вверх по лестнице.

Но кто-то сверху поливал его густой коричневой жидкостью. В этой густоте он едва мог передвигать ноги. Он едва мог дышать. Мысли путались...

Коричневый сироп становился все гуще... и еще темнее.

На него надвинулась темнота, испещренная тысячью звезд голубого и белого цвета. Кто-то протянул руку и щелкнул выключателем. Звезды стали бледнеть, как крошечные точки света на тысяче телевизионных экранов, и погасли.

Он провалился в крошечную тьму.

Глава 15

Он очнулся глубокой ночью, посередине плоской и ужасно холодной пустыни. Светила мертвая белая луна, отблески которой

играли на плоских камнях и поблескивали на песке. Вздвигнув, он услышал пронизывающий звук и пустился бежать. Дикий, завывающий крик преследовал его. Тяжело дыша, он остановился и оглянулся назад. Омерзительный ящер со ртом-присоской показался в поле его зрения, потом другие. Сотни. Тысячи. Они приближались к нему все ближе, ближе... Они настигали его...

Он дико закричал...

Виктор открыл глаза.

Действительность оказалась не намного лучше кошмара. Его руки были скручены вместе чем-то вроде проволоки, а сам он крепко привязан к креслу. Сделанные в спешке, но надежные наручники. Рядом с ним находились пришельцы-стражники с оружием на изготовку. Перед креслом расхаживал еще один пришелец. Увидев, что веки Солсбери поднялись, и поняв, что тот пришел в себя, чужак плюхнулся в кресло напротив и уставился на него своими безумными красными глазами.

— Как ты пробрался сюда? — спросил он тонким, шипящим горловым шепотом.

Виктор промолчал, и стражники угрожающе двинулись на него. Он попробовал чуть ослабить путы, но обнаружил, что связан на совесть. Он снова и снова незаметно шевелил пальцами и напрягал мускулы, надеясь, что, если начнется самое худшее, можно будет все-таки разорвать их. Это потребует всех его сил

и всего запаса адреналина. Не перережет ли проволока его запястья, когда он напряжется, чтобы разорвать ее? Вряд ли это будет приятным, но раны предпочтительнее, чем смерть. Хотят ли пришельцы его гибели? Вряд ли они выпустят его живым после того, что он сделал с их приятелями с тех пор, как прибыл в их мир. Умеют ли они мстить? Но тут Виктор припомнил, как 810-40.04 сказал, что пришельцы почти бесчувственны. От этого ему стало чуть лучше.

— Кто ты? — спросил пришелец. — Зачем ты сюда явился?

— Это произошло случайно, — сказал он.

Похоже, монстры не знают о бойне, которую он учинил в комнате с излучателем, и он не намерен им об этом рассказывать.

— Как? — спросил «инквизитор».

— Я вошел через главный вход. Когда охранник отвернулся, я...

«Инквизитор» прервал поток лживых слов, просто отказавшись их слушать. Он встал и принялся расхаживать перед Солсбери, рот-присоска двигался, то морщась, то болтаясь, как безвольный губастый рот пьяницы. В воздухе висел едва заметный неприятный запах чужаков, присущий пришельцам, который был особенно силен в вентиляционных шахтах. Это был запах рыбы, запах покрытых слизью существ, которые лежат в тине и греются на солнце.

— У двери охраны нет, — заявил «следователь». — Иначе, как приложив свою ладонь к запирающему устройству, сюда не

войдешь. И твоих отпечатков в файлах, конечно, нет!

Солсбери ничего не ответил.

«Инквизитор» указал на лежавшее перед ним оружие — пистолет с газовыми пулями и микробомбы из рюкзака, который они открыли и выпотрошили. Ему хотелось знать, у кого «подследственный» получил эти вещи.

— Они не мои, — сказал Солсбери.

Последовал крепкий удар костлявой рукой. Вопрос повторили.

— Я нашел это здесь.

Виктора ударили опять. Голова у него задрожала, словно шея превратилась в желе. В ушах раздавался звон, цветные огни исполняли перед его глазами хаотично поставленные танцы.

— Это я их сделал, — выдавил он.

— Как?

Даже пройдя через голосовой аппарат чужака и рот-присоску, слова пришельца звучали презрительно.

— Своими инструментами. В моем подвале.

— Ты очшень глупый. Здесь у нас нет приспособлений, чтобы заставить тебя говорить. Но на Первой Линии такие вещи ессть.

Он повернулся к пришельцам-охранникам и что-то им приказал. Проволоку с рук сорвали и без всяких церемоний тычками заставили подняться. Охранники повели его по коридору, в конце которого сидел, вольно прислонившись к стене, еще один пришелец, жевавший ярко-оранжевую палочку. Его веки с трудом поднялись. Самый высокий из двух охранни-

ков размахнулся, выбил оранжевую палочку из его пальцев и сказал что-то на своем родном скрипучем языке. Вялый пришелец пожал плечами и пропустил их в комнату.

Это было помещение с высоким потолком, заполненное мигающими механизмами и гудящими панелями, сложными и одновременно интересными. В центре комнаты находилась платформа, на которой было сооружение в виде тележки из блестящего металла с четырьмя прикрученными к ней сиденьями.

Один из охранников ткнул Солсбери в спину дулом пистолета:

— Полежай в тележку.

Прозвучало это как извинение за то, что Солсбери придется кой-куда прогуляться. Виктор ступил на платформу, как ему было указано, потом резко повернулся и, находясь в трех футах над стражником, пнул того ногой в лицо. Тварь полетела назад, булькая. Оружие вылетело из ее лапы.

— Стой!

Второй стражник, самый высокий из двух, навел на него дуло игломета.

Солсбери прыгнул с платформы на чужака до того, как тот смог выстрелить. Он вышиб из твари дух, вбив колено ему в живот. Неожиданно, когда успех был, казалось, так близок, тот сонный урод, что жевал дурмящую палочку, обрушил на его спину стул. Виктор потерял сознание.

Когда он пришел в себя, то на сей раз он был привязан к сиденью тележки, и эта тележ-

ка двигалась. Вообще-то было такое ощущение, что она не движется. Казалось, вместо этого, наоборот, все движется вокруг тележки, в то время как сама она неподвижна. Быстро сменялись свет и тьма, цвета, разные оттенки белых стен. Солсбери чихнул, в его голове по-светлело, и он моргал глазами до тех пор, пока они не перестали слезиться. Когда он совсем очнулся, ему окончательно стало ясно, что тележка стоит как вкопанная, а окружающая обстановка мелькает, убегает назад, изменяется. Создавалось впечатление, что они, трясясь на ходу, перескакивают из одной комнаты в другую и с одной похожей платформы на другую, при этом совершенно не двигаясь.

Он понял, что же все-таки происходит. Пришельцы теленортировали жертву с одного вероятностного потока, с одной вероятностной линии на другую, из одного «пузыря» в другой, увозя пленника туда, в то место, которое «инквизитор» назвал Первой Линией. Это, возможно, и есть тот мир, который пришельцы завоевали, придя со звезд, тот самый — первый — вероятностный поток, с которого они начали завоевывать все последующие вероятностные линии.

Как только эта мысль пришла ему в голову, Виктор сразу же начал думать о новом побеге. Внезапно окружающая его действительность перестала двигаться. Они находились теперь в сером, с металлическими стенами помещении. Стражники встали, отвязали его от кресла и распахнули перед ним металлическую дверь.

Они прибыли на Первую Линию.

В звездолете пришельцев.

Пленника долго вели по металлическому коридору в помещение, видимо использовавшееся как спальня, если судить по бесконечным рядам коек под рост пришельцев. Стражники положили Солсбери в гамак, опять привязав проволокой. Когда они захлопнули за собой дверь, Виктор еще некоторое время слышал, как они переговариваются на своем птичьем языке. Позже раздался шлепающий звук шагов пары широких лап, остановившихся у двери. Надзиратель, как ему показалось, был оставлен, чтобы наблюдать за добычей.

Солсбери напрягся и, еще раз проверяя прочность проволоки, попытался разорвать ее руками. От этого на его коже образовались глубокие борозды, пальцы отекали и покраснели. Он собрал все свои силы и попытался снова. Проволока вошла в его запястья и кисти, разрезая кожу. Кровь брызнула фонтаном и потекла вниз по рукам, закапала с кончиков пальцев. На какое-то мгновение Виктор уже был готов сдаться, бросить все и провести оставшееся у него время, зализывая раны. Потом он вспомнил Линду. Очень скоро пришельцы применят к нему какую-нибудь технологию «промывания мозгов» и заставят его выболтать, как он попал к ним. Они легко доберутся до Линды. Виктор с силой закусил нижнюю губу и напрягся так, как только мог. Последовал резкий рывок, треск, и проволока порвалась в двух местах.

Хотя ему хотелось выть и рычать от боли в запястьях, он сдержался, чтобы не производить шума, который мог бы привлечь внимание его тюремщиков. Кровоточащими пальцами Виктор снял проволоку и освободил щиколотки. Он встал, пошатываясь, и тихо ходил по комнате до тех пор, пока не убедился, что снова полностью владеет своими занемевшими ногами. Его руки ослабли из-за порезов и застоя крови, но сейчас с этим ничего нельзя было поделать.

Когда Виктор обрел полный контроль над руками и ногами и почувствовал, что головокружение прошло, он стал раздумывать, как ему сбежать отсюда. Задача не из легких. Здесь нет окон, а дверь бдительно охраняют сторожа-пришельцы.

«Думай, думай, — сказал он сам себе, — у тебя чертовски мало времени».

Скорее всего, у дверей всего один стражник. Надо действовать, пока ему противостоят только один пришелец.

В дальнем углу Солсбери нашел стул, магнитами прикрепленный к полу. Виктор оторвал его, прикинул, сколько он весит, и сделал несколько пробных взмахов. Его израненные запястья отозвались болью, но более легкого и эффективного оружия у него не было. Когда план окончательно созрел в его голове, он подошел к двери и, набрав в легкие побольше воняющего пришельцами воздуха, выдал такой вопль, от которого кровь застыла в жилах.

Дверь отъехала в сторону, ворвался чужак, размахивая пистолетом. Он заметил Солсбери,

стоящего сбоку от двери, слишком поздно. Стул обрушился на его чешуйчатый череп; тот смялся от удара, подобно бумажному стаканчику под каблуком у мальчишки, когда тот старается извлечь из него хлопок.

Солсбери бросил стул, забрал у пришельца пистолет с газовыми пулями и вышел, чтобы добраться до звездолета, не имея ни малейшего, черт возьми, понятия о том, что он будет делать дальше.

В корабле было немыслимое количество переходов и помещений. Виктор пробирался через спальни и пустые комнаты, минуя те коридоры, где ему отчетливо слышался звук лап приближающихся пришельцев. Через десять минут после того, как Виктор сбежал из помещения, где его держали, из системы связи корабля послышался резкий, воющий звук. Весьма похоже на сирену. Потом заголосил шепелявый диктор.

В коридоре начали открываться двери.

Тревога!

Пришельцы обнаружили, что пленник сбежал.

Беглец втиснулся в углубление в стене, где окно — просто круглое отверстие — давало обзор Земли Первой Линии. Он увидел белые неровные горбы зданий. Виктор никогда не видел зданий пришельцев снаружи, но он почему-то думал, что они должны иметь точно такую форму. Это означало, что звездолет — центр какого-то обширного комплекса. Даже если действительно удастся выбраться, придется преодо-

леть немалое расстояние, прежде чем можно будет почувствовать себя в безопасности.

Покинуть корабль...

Единственный шанс Виктора вернуться в свой мир, к Линде — это остаться на корабле и найти комнату с телепортационной тележкой. Даже если это и так, он понимал, насколько это нереально. С только что начавшимся повальным обыском у него нет шанса хоть как-то добраться до телепортационной каюты, пересечь вероятностные линии. У него нет другого пути, как сбежать отсюда.

Как можно скорее...

Пришелец, пробегавший мимо, громко шлепая широкими лапами, затормозил, увидев Солсбери краем глаза. Виктор вскинул иглометатель, который он тоже позаимствовал у стражника, и набил чужака иголками. Тот рухнул на пол, перевернулся несколько раз и, наконец, затих у стены.

В коридоре уже слышались крики, остревелый визг. Слава богу, они не знают, где его искать.

Виктор выглянул в окно, прикидывая, сможет ли он через него пролезть. Но оно было слишком мало. Окошко находилось на вделанной в стену двери. По металлу проходил шов, словно темная черта на сером поле. Он поискал ручку и нашел набор из трех кнопок. Первая не произвела никакого видимого действия. Вторая инициировала жужжащий звук, а нижняя часть двери завибрировала. Третья остановила жужжание и бесшумно отворила дверь.

Сноп иголок, гудя, как осиный рой, с треском вонзился в стену рядом с ним. Одна попала Виктору в руку. Он выдернул ее до того, как успела впиться желтая жидкость, несколько раз выстрелил в глубь коридора, чтобы заставить пришельцев укрыться. Набрав в легкие побольше воздуха, он выпрыгнул из корабля на голую землю, побежал в тень между двумя горбатыми белыми зданиями. Город этих жутких тварей обступал его своими уродливыми башнями со всех сторон.

На секунду Солсбери остановился и посмотрел назад. Он в первый раз увидел звездолет, его длинный изогнутый бок, тускло посверкивающую массу металла, такую огромную и громоздкую. У выхода уже толпились пришельцы, выглядывая наружу в опасении, не ожидает ли их беглец где-нибудь поблизости, в засаде. Он несколько раз выстрелил в них. Чужак, выпрыгнувший первым, получил полную дозу и свалился вниз, потеряв сознание прежде, чем долетел до земли.

Скользя по сырой земле, Солсбери ринулся вперед, прячась в тени, как таракан, держа оружие наготове. Все яснее слышался шум нарастающей погони.

Он завернул за угол, поспешно пересек мощный камнем двор и попал на какую-то темную улицу. Здесь он остановился, тяжело дыша, словно загнанная лошадь, и оглядываясь по сторонам. Преследователи были явно в выигрыше. Он прислушался и услышал, как они переговариваются. Путь следования был

неясен. Возможно, его загонят в тупик или окружным путем направят обратно к кораблю. Последняя возможность поразила его в сердце как стрелой. Виктор отчаянно ломал голову, ища выход из создавшейся ситуации. Не попадется ли он в лапы преследователям по своей собственной глупости?

Возможность этого просматривалась весьма отчетливо.

В первый раз он захотел быть «механическим» Виктором, действовать согласно программе и не заботиться об остальном мире.

Взбешенный собственными еретическими мыслями, он продолжил путь по проулку, скользя по влажным камням. В тот же момент перед ним совершенно неожиданно возник пришелец, который, казалось, сам растерялся от такой удачи. Это и спасло Виктора. Он тяжело шлепнулся боком, стукнулся головой о стену дома. На мгновение он увидел звезды, потом решил, что заниматься астрономией сейчас не время. Он вскочил на ноги как раз в тот момент, когда перед ним вырос тот пришелец, который орал за его спиной, и все еще продолжал надрываться. Виктор откатился, уворачиваясь от выстрела, и всадил в чужака дюжину иголок. Тварь молча рухнула.

Солсбери побежал, сам не зная куда, подалее от преследователей.

Он попал в еще один двор, и тут на него налетел целый отряд пришельцев, выбегающих из боковой улицы. Между ним и чужаками оказался фонтан, извергавший темную воду. Они за-

метили Виктора, поскольку он был единственным движущимся объектом. Виктор слишком резко повернулся и упал. Когда он встал на ноги, его левая рука онемела от удара о тротуар. Он кинулся назад в проулок, из которого выбежал, пробежал половину квартала и свернул в переулок.

Впереди и позади него слышался шум погони. Враги приближались к нему со всех сторон. Еще минута — и его схватят.

Он прислонился к стене и осторожно заглянул за угол, обрадовавшись, что не действовал поспешно. Там шло с полдюжины пришельцев, освещавших фонарями разные укромные уголки и щели в странных конструкциях, из которых состоял этот комплекс.

Сзади послышался шум и гомон приближавшихся пришельцев, показались отсветы фонарей. Колеблющийся свет отбрасывал неправильные тени на стены.

Солсбери оказался в западне. Он не мог двинуться вперед таким образом, чтобы его при этом не увидели. Бежать назад — значит встретиться лицом к лицу с еще более многочисленной командой, чем та, что впереди. Казалось, спасения нет.

Он отказывается принимать подобный конец!

Виктор взглянул вверх на крышу здания и решил, что поступит следующим образом. Бросив оружие и оставив только рюкзак, он перебежал через улицу, прижался к дому и ощупывал стену до тех пор, пока не нашел углубление достаточно большое, чтобы зацепится за него паль-

цами. Морщась от боли, он полез вверх по стене, более заботясь о скорости, нежели о тишине.

Когда он подтянулся на крышу двухэтажного дома, поисковые партии сошлись вместе. Бойцы одного отряда обсуждали сложившееся положение с бойцами другого отряда. Издавая нечленораздельные звуки, размахивая руками, они в конце концов разделились опять, и каждый отряд побежал в своем направлении. Когда шлепанье ног пришельцев и громкие визгливые звуки их разговора стихли вдали, беглец рискнул посмотреть вниз, не боясь быть обнаруженным, а потом устало растянулся на кровле, восстанавливая дыхание и глядя на звезды.

Неожиданно сердце его замерло.

В небе светились две луны.

Одна была точь-в-точь как та, к которой он привык на Земле. Вторая казалась меньше наполовину и мерцала зеленоватым светом, гораздо более тусклая, чем обычная луна.

Виктор, очарованный непонятным видением, долго наблюдал за ними. Он находился в альтернативной вероятности, а здесь могли быть отличия — в виде, скажем, двух лун. Различие это было странное и прелестное. Но он не знал, каковы могут быть другие отклонения. Возможно, сбежав из поселения пришельцев, он обнаружит, что этот мир необитаем, безлюден, как пустыня. Или, возможно, по нему еще бродят динозавры.

Когда ему надоело пугать самого себя, он повернулся на бок и посмотрел на крышу соседнего дома. Дом находился всего в четырех фу-

тах. Виктор подошел к краю крыши и легко перепрыгнул через пропасть, приземлившись на цыпочки, чтобы не производить излишнего шума. Оглядевшись, он понял, что, прыгая с крыши на крышу, можно уйти довольно далеко. Он не мог двигаться в одном направлении, поскольку не все дома были двухэтажными, попадались здания в девять и более этажей, но все-таки скоро дома кончились и Виктор увидел лес. Черные сплетения деревьев темнели перед ним непроходимой стеной.

Он слез по лесенке с крыши, пробрался в темноте мимо здания, подошел к первым деревьям лесного массива и осторожно огляделся, проверяя, нет ли поблизости пришельцев. Разглядеть что-то на фоне разросшихся корявых громадин было трудно, но, когда Виктор обрел уверенность, что там стражников нет, он быстро двинулся вперед и вошел под сень деревьев.

Чем глубже он заходил в чащу, тем больше убеждался в том, что это девственный лес, совсем не изменившийся в течение нескольких тысячелетий. Огромные деревья, возвышавшиеся, как чудовищные башни, даже днем пропускали так мало солнечного света, что под ними почти ничего не росло. На почве не было листвы и веток, словно на хорошо вычищенном ковре в гостиной. Только несколько объемных камней попались ему по пути, да и те было легко обойти.

Земля начала круто подниматься, словно склон громадного холма. Стараясь держаться

тех мест, где лунному свету удавалось пробиваться сквозь густую тень кроны, Солсбери пошел вверх, куда вел склон. Зацепившись ногой за корень, он упал и сильно содрал кожу. Однако кровотечение быстро остановилось, а потом, через небольшой промежуток, прошла и боль.

Когда Виктор достиг верхней точки холма, он оказался над долиной, в которой располагался огромный комплекс чужаков. Звездолет был его центром, и в первый раз Солсбери осознал истинные размеры всего этого механизма. Жилая часть комплекса была создана из соединяющихся зданий разной высоты, которые простирались от края до края долины.

Но возможность взирать на комплекс сверху вниз не давала ему чувства превосходства.

Он по-прежнему был за семьдесят шесть вероятностных линий от своего собственного мира... Бесконечно далеко от Линды.

Любимая... Он вспомнил гладкое тело, объятия в темноте комнаты, ее улыбку и мужество, с каким она приняла последующие ужасы. Он почувствовал глубокое, горькое сожаление оттого, что, возможно, никогда ее больше не увидит. Каким образом ему вернуться на космический корабль? И даже если он совершит этот подвиг и доберется до транспортной тележки, как разберется в том, что с ней надо делать, чтобы вернуться на свою вероятностную линию, в свой мир?

Его мысли были неожиданно резко прерваны.

Внизу около звездолета началась какая-то суеда, от него отделился отряд пришельцев и отправился в лес. Через десять минут пришельцы окажутся у подножия склона, на котором находился Виктор. Он встал, кинул последний взгляд на звездолет и снова ринулся через деревья, чувствуя, что усталость наваливается на него все больше, а сил остается все меньше.

Через полчаса он остановился около нагромождения скал, за которыми угадывалась еще одна долина. Он выработал все свои жизненные ресурсы: дыхание его прерывалось, ноги и руки налились свинцом. Виктор присел, чтобы дать мышцам возможность расслабиться и отдохнуть, и прислонился головой к скале, покрытой жестким мхом.

Через пять минут он резко очнулся, проклиная себя за то, что позволил слабости овладеть собой в такой опасный момент. Возможно, он очеловечился еще быстрее, чем рассчитывал компьютер, человеческие слабости все более овладевали им. Невыносимый запах ударил ему в нос. Он брезгливо поморщился, все еще не понимая, что его разбудило.

Первую подсказку дал беглецу его нос: это было не острое зловоние пота, принадлежавшее ему самому, но тяжелый запах животного — словно бежишь через огромный зоопарк во влажный летний день. Виктор быстро поднял голову, как будто его сильно ударили в грудь, и взглянул прямо в угольно-черные глаза зверя — глаза, горящие любопытством в глубине под на-

висающим лбом. Влажные ноздри животного были широки и черны, они подрагивали, словно в ожидании добычи. Огромный черногубый рот открылся, показывая желтые квадратные зубы. Солсбери догадался, что существо, по-видимому, улыбается. Он вспомнил, что сам часенько улыбался, глядя на вкусно приготовленный обед.

Зверь вздохнул и облизнулся.

Солсбери выхватил пистолет из кобуры так ловко, словно перед ним находился Уайэтт Эрп¹. Но как только он собрался нажать на спуск, лапа зверя с корявыми пальцами живо сцапала его за запястье и выбила оружие на землю. Виктор бросился за пистолетом. Зверь схватил Солсбери за шиворот до того, как он сумел коснуться рукоятки, поднял его с земли на вытянутой руке. Виктор попытался сопротивляться, но только беспомощно замахал руками и ногами. С ужасом он задал себе вопрос — с какого места зверь откусит первый кусочек?

Глава 16

Пока гориллоподобное создание с покрытыми слюной желтыми зубами оценивало Виктора, как мать семейства в магазине рассматривает кусок мяса, еще один зверь появился на

¹ У а й э т т Э р п — знаменитый в XIX веке американский судебный исполнитель, прославившийся своей решительностью и мастерством в обращении с револьвером. Впоследствии стал персонажем известного вестерна.

горизонте. Он с шумом втягивал воздух, но подходил абсолютно бесшумно, ступая огромными ногами очень осторожно. Под морщинистыми веками глубоко прятались любопытные черные глаза. Он провел тонким розовым языком по гнилым зубам, словно ему доставляло удовольствие вдыхать собственную вонь. Он был таким же огромным, как и первый, хотя, тем не менее, слегка сутулым. Его длинные руки не доставали до земли, но были достаточно длинны, чтобы не наклоняясь почесать себе ногу.

Вторая горилла издала воюще-хрюкающий звук. Запах, исходивший из ее пасти, был таков, что мог спровоцировать крушение поезда и превратить локомотив в груды бесполезного металлолома. Виктор постарался не дышать, но его все равно замутило от такой чудовищной вони.

Оба Кинг-Конга обменялись между собой нечленораздельными звуками, а Виктор начал понимать, как должна чувствовать себя бабочка, которую насаживают на булавку, чтобы потом любоваться красотой ее крылышек. Роль добычи ему не понравилась. Ему совсем не хотелось, чтобы его разорвали на куски и употребили на обед. Зверюги продолжали пялиться на него, пока он болтался, крепко зажатый в мохнатой лапе.

У Виктора лопнуло терпение, он издал жуткий крик и одновременно принялся молотить руками и ногами, припоминая все известные ему приемы дзюдо, включая знание того, что

хороший вопль часто пугает противника и выводит того из равновесия, а также оказывает благотворный терапевтический эффект на самого крикуна.

Горилла, державшая Виктора, такой тактикой, однако, не впечатлилась. Возможно, она тоже владеет дзюдо, подумал он. Она только фыркнула и врезала ему свободной лапой. От удара мозги у него в голове застучали, словно камушки, он клацнул зубами и прикусил язык. От греха подальше он решил больше не дергаться и висеть смиренно. Так безопаснее.

Вдоволь налюбовавшись своей жертвой, горилла отпустила ее, разжав руку. Словно куль, Виктор упал на землю и облегченно вздохнул, радуясь тому, что придиричивый осмотр, которому его подвергли, закончился. Он встал на колени, выплюнул сгусток крови из разбитого рта и, шатаясь, встал в полный рост. Пока он пытался прийти в себя, оба тяжело-веса стояли и не мигая смотрели на него, время от времени облизываясь влажными языками. Они выглядели как мальчишки, наблюдающие за мухой, у которой они только что оторвали крылышки.

Виктор грязно выругался.

Звери не отреагировали.

В это время окружающий мир успокоился и прекратил свое слегка тошнотворное колебание, заставлявшее деревья и скалы вокруг него хаотично кружиться. Солсбери оглянулся в поисках пути для бегства. Звери, казалось, не обращали на него внимания. Осторожно огля-

дываясь, он пошел по тропе, стараясь выглядеть беспечно. Гориллы наблюдали за ним с туповатым видом, моргая и урча. Когда Виктор решил, что отошел достаточно далеко, он повернулся и побежал.

В ту же секунду одно из лохматых чудовищ с угрожающим рыком прыжками ринулось за ним. Через пару прыжков оно остановилось перед Солсбери и, ухмыльнувшись тому в лицо, оскалило огромные желтые зубы.

Повернувшись, Солсбери кинулся назад, но столкнулся лицом к лицу со вторым зверем. Тот тоже ухмылялся.

Виктор спрыгнул с тропы в заросли папоротника и побежал, разводя широкие жесткие листья руками. Позади слышалось тяжелое звериное сопение.

Он почувствовал себя мышкой, попавшей в западню.

Он безнадежно оглянулся вокруг в поисках какой-нибудь рогадины или камня, которые можно было использовать в качестве оружия. Как бы ему сейчас пригодился пистолет! Бомбы в рюкзаке были бесполезны, потому что ядерный взрыв означал и собственную его гибель. Кулачный поединок был также вне обсуждения. Одним ударом чудовище сломает его пополам.

Виктор, наконец, заметил грудку камней. Один он швырнул в грудь зверя, другой попал тому в плечо. Зверь только хмыкнул, обратив на это внимания не более, чем на комариный укус.

Камни отскакивали от чудовища, не нанося ему ни малейшего вреда. Зверь взмахнул огромной ручищей, и Виктор отлетел от него на несколько метров.

Мотая головой, Виктор сел, упорно обдумывая дальнейшее сопротивление. Он привстал, пытаясь подняться и падая снова. Но как только он оказался на ногах, громила вцепил ему сокрушительный удар и снова безжалостно послал на землю.

Солсбери некоторое время лежал тихо, затем подтянул под себя ноги, встал, чувствуя себя лет на триста, и повернулся как раз вовремя, что получить удар лапой в грудь и снова повалиться на землю. Разозленный, он схватил камень, перевернулся и швырнул его изо всех сил. Камень отскочил от массивного черепа с громким стуком, как от чего-то пустого, но зверя не свалил. Тот даже не перестал ухмыляться. Он просто подождал, когда Солсбери снова окажется на ногах, потом толкнул его назад, и Виктор тяжело плюхнулся на спину.

Наконец он понял все. Не было и речи о том, чтобы пытаться сбежать или бороться. Как только он пытался сделать то или другое, это не приводило ни к чему, поэтому Виктор сидел тихо и не пытался бороться. Кажется, горилла была довольна, что Солсбери наконец-то усвоил ее урок.

Другой зверь подошел сбоку, как будто сам себя назначил на должность охранника при Солсбери. Они поворчали между собой низкими горловыми голосами. Когда совещание окончи-

лось, второй зверь поднял Солсбери, взял его под мышку, словно младенца, и потащил назад на тропу, к поляне, туда, где первая горилла подбирала пистолет с газовыми пульками. Затем, двигаясь с потрясающей быстротой, они выскочили на новую тропинку, где деревья над их головами смыкались так же плотно, а земля под ногами была еще ровнее и совсем заглушала шум шагов.

Через полчаса звери вышли из-под деревьев на поляну перед внушительной отвесной скалой, которая представляла собой гладкую, без выступов стену ущелья. Высоко вверху луна была наполовину скрыта вершиной скалы, напоминавшей сломанный зуб. У подножия горел костер, его языки поднимались высоко и разбрасывали искры. В оранжево-красном свете пламени Солсбери разглядел поселок горилл, протянувшийся вдоль каменного утеса. Грубые хижины были пристроены к утесу с использованием любых углублений в камне. Их возвели из необожженной глины и дерева так, что скала служила постройкам четвертой стеной. Мнение Виктора о гориллах несколько выросло. Они, оказывается, не просто звери, но находятся на первых ступенях развития цивилизации. На этой вероятностной линии, возможно, у человека еще не развился разум, но у этих созданий нечто подобное уже имеется. Интеллект не слишком *большой*, хотя и гостеприимностью они не отличались.

Затем Солсбери пришла в голову одна мысль, показавшаяся абсурдной, хотя и реалистичной;

он еще раз оглядел своих похитителей. Он называл их гориллами, потому что в темноте и потому, как звери двигались и вели себя, они очень напоминали этих приматов. Сейчас, в свете костра, он увидел, что ошибался; это не люди, но и не обезьяны. Их лица были широкими, тяжелыми, без обычных для обезьян выступающих челюстей. Глядя на них, он понимал, что человеческих генов в них больше, чем звериных. Больше всего эти звери были похожи на шутку эволюции. В его мире, похоже, их больше нет. Возможно, они давным-давно исчезли в процессе эволюции. А здесь они вполне могут прижиться и, возможно, со временем достичь высот технически развитой цивилизации.

Зверь, тащивший Солсбери, бросил его перед костром так же грубо, как и раньше. Затем он кликнул стражника, который укрывался в десяти футах над землей, в укромной каменной пещерке. Стражник спустился вниз одним гигантским прыжком, который раздробил бы щиколотки любому человеку, подбежал к ним и принялся болтать с теми двумя, что были с Солсбери. Он, как и те двое, изумленно разглядывал Солсбери, тыкая в него пальцами и дыша ему в лицо зловонием. Затем стражник сгреб Виктора, и они продолжили эту волосато-вонючую одиссею.

У Виктора мелькнула мысль: если это и одиссея, то какая-то неправильная. В ней герой почему-то не побеждает.

С Солсбери под мышкой горилла вскочила на скалу и начала подниматься, цепляясь тол-

стыми короткими пальцами за камни так крепко, что они чуть не продавливались сквозь ладонь и не выходили через тыльную сторону руки. Подъем для обычного человека был явно невозможен, это было совершенно очевидно. В шести футах над землей находилось отверстие пещеры; там горел костер поменьше. Язычки огня лизали груды раскаленных камней.

Носильщик, как Виктор мысленно называл тварь, прогугукал что-то во тьму и вошел в тоннель, двигаясь здесь более осторожно: приходилось нагибаться, чтобы не треснуться головой об остатки разрушенных сталактитов. Прежде чем они прошли десяток футов, вдали появился другой свет, словно в ответ на призыв носильщика. В разраставшемся свете Солсбери увидел другого получеловека, светившего факелом.

Они все больше углублялись в пещеру — большое помещение футов тридцать пять шириной и пятьдесят длиной, где более десятка полулюдей сидели и лежали на подушках из травы и листьев. Твари были разного возраста и, похоже, не слишком-то обрадовались появлению Солсбери и его спутника. Они гугукали и рычали на носильщика, кидали в него шепками и пучками соломы. Но когда в поле их зрения попал Солсбери, каждый стал стараться разглядеть его поближе.

Похоже, Виктор оказался любопытной вещью, открытием недели, а возможно, и века. Скорей всего, у обезьян не много развлечений

и появление Солсбери было равносильно приезду цирка. Если бы они могли обзавестись зоопарком, он мог бы стать звездой аттракциона и о нем оповестили бы население за тысячу миль вокруг. А когда б он умер? Ну, они б сделали из его тела чучело и поместили бы в свой аналог Смитсоновского музея человекообразных обезьян. Он знал теперь, как должен чувствовать себя урод; как должен чувствовать себя ни на что не похожий человек, — не просто отличающийся цветом кожи или разрезом глаз (этого достаточно, чтобы на тебя оглядывались), но до такой степени ни на что не похожий, что уму непостижимо.

Кажется, в их умах и вправду не укладывается, как может существовать такое странное существо.

Солсбери поместили на каменную площадку в паре футов от пола в одном из концов пещеры. Пытаться прорваться к выходу смысла не было. Любой из этих гуманоидов перехватит его еще на полпути к свободе. Виктор сел и попытался смириться с плохим воздухом и тем, что в него чем-то тыкают. Обезьяны болтали и бормотали, гугукали и повизгивали, обращаясь к нему, выжидательно глядели на него, словно хотели, чтобы он ответил. Он немного поговорил с ними по-английски, но это их не устроило. Они только нахмурились, что на их грубых лицах выглядело действительно пугающе, и снова принялись бормотать между собой. Виктор устало подумал, что его сочли слишком глупым, чтобы слышать от него что-нибудь вразумительное.

Немного позже в комнату вошли несколько полулюдей женского пола; их огромные обвисшие груди были покрыты тонкими волосками. Женщины-приматы двигались со своеобразной грацией, неся котелки с дымящейся серо-зеленой кашицей. Эти чудовища нуждались в большом количестве пищи. Кажется, он успел как раз к ужину.

После того как всем подали обед, седовласый получеловек, который, казалось, был вождем этого племени, прохрюкал что-то самой крепкогрудой самке. Она выглядела так, словно с чем-то не согласна, потом задумалась над предложением. Застенчиво она подошла к выступу, где сидел Солсбери, и поставила перед ним котелок кашицы, потом пугливо убежала, сильно развеселив этим самцов, которые загоготали и захихикали, словно школьники, отколовшие первостатейную шутку.

Виктор не ел уже очень давно, потому что слишком нервничал. С тех пор он много испытывал и был близок к голодному обмороку. Однако он не смог заставить себя есть эту жидкую бурду, которую поставили перед ним. У нее был цвет протухшей воды, где плавали кусочки темного, жилистого мяса неизвестного происхождения. Аромат, исходивший от содержимого горшка, напоминал запах протухшего мяса, вялых овощей и старого черного хлеба. Виктор молча отодвинул его и посмотрел на собравшихся.

Носильщик и его сородичи угощались от души и задушевно беседовали между собой,

как дамы за карточной игрой. Единственная разница состояла в том, что от этих сплетников не пахло душистым мылом. Да и манеры их оставляли желать лучшего.

Позвали женщин, и каждый из присутствующих получил добавки, за исключением Солсбери, который мечтал, чтобы от него убрали несъеденную порцию. Некоторые из женщин довольно улыбались зубастыми улыбками; он подозревал, что они довольны тем, что ихстряпня прилась мужчинам по душе. Крепкогрудая женщина, которая предлагала ему котелок с похлебкой, осторожно убрала его прочь, странно поглядывая на Виктора, словно не могла представить себе, как можно быть такой дикой и тупой скотиной, чтобы не понимать прелестей цивилизованной пищи.

Когда все покончили с едой, немного привыкли к Солсбери, спутник носильщика продемонстрировал обществу газовый пистолет, держа тот над головой, чтобы все могли его разглядеть. Раздалось удивленное похрюкивание, и все уставились на Виктора. Единственное место, где они могли видеть что-то похожее на машины, — там, внизу, у подножия горы, в поселении пришельцев. Разумеется, пришельцы здесь появлялись (возможно, чужаки не утруждали себя экспериментами на таких неотесанных дикарях, как эти, и оставляли напоминание о себе, время от времени демонстрируя свое оружие.

— Брось это! — закричал Солсбери.

Все бессмысленно пялились на него.

— Вы перестреляете друг друга!

Это была не такая уж плохая перспектива, но они могли случайно убить и его.

Седовласый получеловек взял пистолет из лапы другого и стал вертеть его туда-сюда, очарованный кнопочками и линиями дизайна. Он был достаточно умен, чтобы понять, как его следует держать, хотя его собственные пальцы были слишком толстыми, чтобы держать оружие достаточно осторожно. Его палец мимоходом задел за курок, и пистолет выстрелил прямо в грудь тому получеловеку, который первым принес пистолет в пещеру.

Могло показаться, что его грудь раздулась, как воздушный шар, надуваемый великаном с невероятным объемом легких. Потом она взорвалась изнутри, обдав кровавым душем всех, кто оказался поблизости. Получеловек удивленно посмотрел на свое изувеченное тело, хрюкнул что-то и тяжело повалился вперед — мертвый.

Главный бросил пистолет, гугукая как ненормальный, и возбужденно запрыгал по пещере. Затем он, размахивая руками, заговорил нараспев над поверженным телом. Когда он закончил, тело не двинулось ни на дюйм, хотя все вроде бы ожидали, что это произойдет. Носильщик выступил вперед и перевернул своего приятеля. Все полулюди уставились на разверстую рану, обнажавшую внутренности их бывшего соплеменника. Потом, все как один, они повернулись к Солсбери и угрожающе уставились на него.

Солсбери словно окаменел.

Он знал, что они сейчас думают о том, как бы сбросить его вниз на камни, и внимательно наблюдал за каждым движением пещерных людей.

Действительно, для них Солсбери оказался плохим парнем: он был ни на что не похожим типом, злым колдуном, принесшим смерть в их мирок, чье оружие убило одного из них. То, что в этой нелепой гибели участвовала и их собственная глупость, не имело значения.

Прежде чем кто-то из них смог двинуться, Солсбери соскочил с уступа и кинулся туда, откуда полуженщины раньше приносили суп.

Женщины все еще были здесь, сидя на корточках и хватая еду руками. Когда Солсбери налетел на них, все с визгом бросились по углам, толкая друг друга, с ужасом глядя на нежданного гостя. Виктор увидел другой тоннель, ведущий прочь из этого помещения, и бросился к нему. Ему пришлось пробежать мимо женщин; Виктор боялся даже подумать, что произойдет, если хоть одна наберется храбрости и хорошенько его стукнет. Зверски оскалив зубы и вытаращив глаза, он на пределе возможностей своих легких заорал:

— Аарргггхххх!

Полуженщины заметались еще сильнее в диком ужасе. Пока они не пришли в себя, Солсбери пробежал через арку в новый тоннель и побежал так быстро, как только позволяли подкашивающиеся ноги. Это было недостаточно быстро, он знал это, потому что он помнил,

как проворно носильщик скакал за ним по лесу.

Солсбери на бегу обернулся и с ужасом увидел позади все племя во главе с седовласым вождем. Он припустил быстрее, но вскоре притормозил. Впереди, в пещере, куда вел тоннель, горел, сверкая красным, факел. В этом тусклом свете Виктор увидел других полулюдей, просыпавшихся от гневных криков и рева его преследователей.

Он остановился, хотя каждый нерв его тела призывал к движению, и стал шарить по стене, которая была испещрена непонятными углублениями. Одно из них выглядело более глубоким, чем остальные; по крайней мере, ему так показалось. Кроме того, в подобное углубление мог протиснуться только человек, а гориллоподобный громила должен был проявить поистине чертовскую ловкость, чтобы попытаться пролезть за беглецом.

Виктор не знал, что последует потом, когда он укроется в пещере, но понимал, что лучше смерть от голода или жажды, чем от лап разъяренных дикарей. Солсбери представлял, в какую мучительную пытку дикари превратят его гибель. Им нравится мучить своих врагов, а ему не хотелось быть для них игрушкой. Солсбери протиснулся во вход и углубился в пещерку. В ту же секунду туда заглянул вождь явно с недобрыми намерениями.

Солсбери отступил на шаг, чтобы посмотреть, что тот будет делать. Вождь протянул к нему длинную грязную руку и попытался схва-

тить его, чуть-чуть не дотянувшись до цели. Солсбери вздохнул с облегчением, заметив, что он недосыгаем. Вождь убрал руку и пошептался со своей свитой. Некоторые из его окружения попытались удачу, но ни один из них не был достаточно длинноруким.

Минут пятнадцать прошло без перемен.

У Солсбери было, к счастью, достаточно времени, чтобы успокоиться и поразмышлять об ужасах своего положения. Десятки вероятностных линий от Линды... Несколько бесконечных миль до корабля пришельцев, который представляет собой его единственный шанс на возвращение... Пойман в пещере вне пределов досягаемости орды бормочущих, жаждущих крови питекантропов. Будь он любителем заключать пари, он бы не поставил и двадцати центов, что переживет эту ночь. О своем будущем он боялся даже загадывать...

Скоро полулюди снова оживились. Кажется, они что-то придумали. Раздался сухой треск и свет померк, потому что вождь снова загородил проход. Что-то толкнуло Солсбери в плечо, затем еще раз, оцарапав ему щеку. Дикари нашли длинную палку, заострили ее конец и стали тыкать в него, надеясь убить или поранить, чтобы он выполз наружу, где его можно будет достать.

Он получил еще два ощутимых тычка, последний из которых пробил ему плечо. Солсбери схватил палку и толкнул ее от себя изо всех сил. Вождь в это время как раз отвлекся и другой конец жерди выскользнул у него

из лап, боднув его в грудь. Виктор услышал, как тварь издала вопль боли — он достиг цели. Палка была убрана и больше в деле не использовалась.

Но за все это время дикари придумали новый план. Теперь, кажется, положение становилось опасным.

Один из дикарей поднес факел к отверстию и бросил внутрь. Тоненькая удушливая струйка дыма поползла к Виктору. Другой дикарь собрал охапку травы и листьев, сложил у входа и тоже поджег. Поваливший дым почти задушил Солсбери, дым клубился вокруг него голубовато-белой тьмой, густой, как лондонский смог, в горле першило, глаза слезились.

Виктор был уже почти готов ползти наружу, признав свое поражение, когда заметил кое-что важное. Первое: дым все-таки уносило в дальнюю часть пещеры. Это означало, что в пещере есть еще один выход. Второе: даже если выход недостаточно велик, чтобы выбраться из него наружу, он обеспечит его глотком свежего воздуха. Вместо того чтобы идти к носильщику, вождю и другим, Виктор повернулся и вслед за дымом побрел в поисках выхода.

Несколько минут он двигался с закрытыми глазами, потому что дым грозил окончательно выесть их.

Во рту у него было как в пепельнице.

Это было не самое приятное путешествие. Кое-где промежуток между стенами тоннеля становился совсем узким, приходилось протискиваться, обдирая кожу до крови. Вскоре сте-

ны и пол стали сырыми; Виктор промок и замерз. И везде стлался дым, заставлявший его задыхаться и кашлять. Глаза у Солсбери опухли, и слезы непрерывно текли по лицу.

Вскоре тоннель закончился.

Увы, это был тупик.

Виктор стал колотить кулаками по камню, проклиная все на свете и почти обезумев от отчаяния. Потом, немного успокоившись, Солсбери ощупал пространство у себя над головой и обнаружил, что тоннель уходит вертикально вверх фута на четыре, затем сворачивает влево и снова идет горизонтально. Он пополз, извиваясь, вверх через изгиб и там попытался отдышаться, но только вдохнул полные легкие дыма. Солсбери заставил себя ползти дальше, и вскоре воздух стал заметно чище. Наконец можно стало нормально дышать и не кашлять. Впереди виднелся тусклый кружок света. Виктор быстро пополз к нему, вылез... и свалился на получеловека, который поджидал его с широкой ухмылкой на недобром лице.

Глава 17

Сопротивляться смысла не было. Дикари оказались умнее, чем он думал. Они сообразили, что этот тоннель может где-нибудь иметь выход, и расставили дозорных по всему лабиринту коридоров, чтобы проверить, откуда пойдет дым. Им оставалось только дожидаться появления Солсбери, и они его дождались.

Виктора приволокли назад в главную пещеру, где полулюди ели свою еду и где рукой вождя был убит приятель носильщика.

Дикари снова посадили его на то же возвышение, но теперь оставили двух стражников наблюдать за пленником. Остальные собрались в центре помещения, чтобы обсудить, что же с ним делать. Кажется, они разделились на две группы, но обнадеживаться не стоило. Солсбери знал, что вряд ли кто-то из них заступится за него, скорее уж спор идет из-за того, какой смертью его казнить.

В конце концов дикари связали ему руки за спиной тонкой, но прочной волокнистой лианой, затем обмотали вокруг пояса лиану потолще, завязали ее узлом и пропустили петлей под обе руки. Еще одну крепкую лиану протянули над полом, одним концом закрепив на гладком выступе скалы слева, вторым — на симметрично расположенном выступе справа. Лиана, которая была привязана к его поясу и пропущена под мышки, как упряжь, была переброшена через ту, что на потолке; затем Виктора поднимали все выше, пока его башмаки не повисли в трех футах от пола. Когда лиана, обвязанная вокруг пояса, затянулась ту же, она перетянула грудь так, что стало очень больно. Солсбери заскрипел зубами и плюнул в своих мучителей, но казалось, это только воодушевило их.

Он провисел так минут пять, удивляясь, что они решили просто подвесить его. Но это было еще не все, далеко не все. Представление только начиналось. Какой-то получеловек подошел

к Солсбери, схватил его за ноги и оттянул в сторону, а затем толкнул вперед. Виктор начал качаться как маятник; лиана жестоко впивалась в его грудь и запястья. Чтобы быть уверенными, что он не утратит инерции, полулюди образовали две группы на обоих концах траектории его раскачивания и били по нему вперед и назад. В верхней точке каждой дуги Виктор получал удар тяжелой лапой, посылавшей его в другую сторону. Они пихали его по очереди, чтобы не утомиться. Скоро он потерял счет этим толчкам.

Один раз, после бесконечных ударов и полетов по дуге, Виктор ощутил резкий укол в бок и почувствовал там струю крови. Кажется, дикари решили использовать свои острые когти. Следующий порез был глубже первого и отозвался болью во всем теле, хотя Солсбери думал, что уже ничего не способен чувствовать.

Назад... И вперед... Удар... И царапина...

Солсбери подумал о том, как попал из будущего (*царапина*) в прошлое (*удар*), а оттуда на другую вероятностную линию (*туда-обратно*), где правят ящерообразные твари, оттуда (*удар*) через десятки вероятностных линий на совершенно другую Землю (*царапина*), чтобы здесь быть убитым бандой безжалостных, безмозглых обезьян. Он подумал, что наступил достойный сожаления конец, а ведь все это обещало стать славным эпическим приключением.

Взгляд Виктора Солсбери застилал багровый туман, и колокола в его голове вызвани-

вали похоронную мелодию. Он уже готовился провалиться в темноту окончательно и бесповоротно, когда новый, более резкий тон в разговоре дикарей раздался в пещере. Мучители, игравшие с Солсбери, неожиданно перестали его раскачивать, а затем мощный, хорошо поставленный мужской голос на хорошем английском языке произнес:

— Держитесь! Мы скоро освободим вас.

Глава 18

Виктор Солсбери боролся с дурнотой и головокружением, и он выдержал. Виктор пришел в сознание, когда обрезали опутавшие его веревки, и он упал в лужу на полу. Все тело болело от полученных ударов, бедра были залиты кровью, которая сочилась сквозь разодранные в клочья джинсы. Закончив подсчет ран, он решил, что, несмотря на отвратное самочувствие, положение его, пожалуй, не так уж плохо. Ускоренный процесс его выздоровления скоро остановит кровотечение, и раны станут затягиваться. Виктор боялся представить, на кого он сейчас похож, настолько он израсходовал свои способности к исцелению. Еще немного, он бы впал в беспамятство и последние остатки жизненных сил покинули его окончательно.

Худшие из опасений относительно его тела не оправдались, и он подумал о своем избавителе.

Солсбери поглядел вверх, ожидая увидеть пришельцев или отряд морских пехотинцев.

Вместо этого он увидел еще одного гориллоподобного человека, стоящего над ним. Этот, однако, отличался от других тварей. На его лице было значительно меньше волос, скрывавших черты лица его соплеменников, темную кожу избороздили глубокие морщины, как сафьян, хотя череп, обильно покрытый волосами, указывал на явное родство с дикарями. Черты лица не были такими примитивными, как у его родичей, челюсть выдавалась вперед намного меньше. Нос был почти европейский, и это придавало ему более человеческий вид. Во рту белели ровные крепкие зубы, ничуть не напоминающие клыки обезьян.

— Вы из другой вероятности? — спросил незнакомец, стараясь быть любезным.

Несмотря на гориллоподобную внешность, вид у него был более внушающий доверие по сравнению с дикими и злобными харами мучителей Солсбери.

Виктор облизнул губы.

— Да, — ответил он.

— Прекрасно! Вы говорите по-английски! Английский — основной язык в нашем секторе вероятностных потоков, однако он не единственный. Другие языки, которыми я владею, вполне приличны, но не так хороши, как мой английский. Как вы думаете? Он хорош? Значит, в вашем альтернативном мире говорят на английском? Это единственный язык?

— Нет, — с трудом выдавил Солсбери. — На французском, китайском, русском... Их слишком много, чтобы перечислять.

— Как интересно! Разнообразие языков вполне вероятно. Но английский доминирует?

— Он один из доминирующих языков. Послушайте...

— Ох, извините меня, — произнесла модифицированная горилла извиняющимся тоном, протягивая волосатую, крепкую руку, чтобы помочь Солсбери подняться. — Я, простите, позабыл, через что вам довелось пройти.

Вику еле-еле удалось подняться. Чувствовал он себя чудовищно: словно его облили керосином и подожгли, как факел. Каждый дюйм тела мучительно болел.

— Видите ли, это первый раз, — продолжил его спаситель взволнованно, — когда я встречаю кого-то из другой вероятности. Хоть поговорить, по крайней мере, удастся.

— Кто... — начал Солсбери, но язык его не слушался и заплетался, словно у неприспавшегося пьянчужки.

— Помолчите какое-то время, не теряйте силы. Кругом рыщут ваши враги, чтобы вас уничтожить. Нам надо спуститься на более низкие уровни, о которых они не знают.

— Хорошо, — сказал Вик, делая несколько пробных шагов.

— Хотите, я вас понесу?

— Нет.

Он увидел, что собеседник все же меньше, чем дикари — возможно, всего семи футов¹ роста, но остальные подчиняются ему.

¹ Чуть больше 2 м 13 см.

— Я пойду сам. Вы не такой великан, как эти уроды.

Солсбери прошел пять шагов и упал.

— Вы еще очень слабы. Поберегите себя, — заметил незнакомец.

Он склонился над Солсбери, поднял его, как пушинку, и направился из пещеры.

— Мой род более изящен, но так же силен, как и ваши обидчики.

Здесь были и другие представители элитной породы гориллолюдей. В слабом свете Солсбери не мог рассмотреть их как следует, однако кое-что ему все же удалось заметить. Все они были в одежде, в отличие от полулюдей, которые мучили его; одежда их состояла из высоких кожаных сапог, доходивших до колен, и коротких штанов из грубой ткани. У каждого был лук, колчан со стрелами и нож в ножнах. Тот, что нес Виктора, отдал свое оружие товарищу, который был готов к отражению атаки и постоянно оглядывался по сторонам, держа оружие наготове. Кто его враги — Виктор не знал.

Они шли долго. Виктор не мог разглядеть, куда его спасители идут, но скоро почувствовал, что они спускаются все ниже и ниже в недра земли, оставив дикарей позади.

Но скоро Солсбери, измученный бегством, голодом и изуверской пыткой, потерял сознание.

Когда же он пришел в себя, то обнаружил, что неожиданный спаситель поддерживает его голову и пытается привести его в чувство раз-

давленными лепестками пурпурного цвета, издающими резкий запах. Виктор потряс головой, чтобы заставить незнакомца убрать это подобие нашатыря, потом откинулся назад... и почувствовал, что сидит в кресле! Это был добротно сделанный предмет мебелировки, с подушками из темной ткани, кажется, набитыми либо пером, либо какой-то шерстью. Да, эти люди были более чем продвинуты по сравнению с дикарями, пытавшимися убить его.

— Возможно, мне надо дать вам поспать, — заметил спаситель, озабоченно глядя на Солсбери. — Но существует очень важная вещь. Я думаю, это наш шанс. Мы должны воспользоваться им так скоро, как это возможно. Но если вы чувствуете, что нужен отдых...

— Я в порядке, — ответил Солсбери.

— Хорошо.

Существо улыбнулось другим, стоявшим поблизости, давая Виктору возможность оглядеть комнату. Это тоже была пещера. Она находилась куда глубже в земле, чем предыдущая, потому что стены были более массивными, более однородными, и здесь не было выступавших глыб. Место это было очень ухожено и содержалось в исключительной чистоте. Одна из стен была украшена настенной живописью, отображавшей художественные принципы современной им эпохи, далеко ушедшей от наскальных рисунков. Другая стена была увешана полками с деревянными и каменными статуэтками, кажется, там была и одна соломенная фигурка, напоминающая коленопреклоненную женщину. Сол-

сбери сразу увидел, что женщины этих полулюдей на девяносто процентов ближе к его представлениям о женственности, чем те, которые были у дикарей. В пещере сидело еще несколько людей; некоторые что-то пили из деревянных бокалов, некоторые, кажется, отдыхали.

— Я — Муг, — представился его спаситель, поворачиваясь к нему. — А вы?

— Вик.

— Это новое для меня имя.

— Мое полное имя — Виктор.

— Ах да. Некоторые из существ с других вероятностных линий этой области действительно укорачивают свои имена для удобства. Однако я никогда по-настоящему не понимал, почему они с самого начала не дают кратких имен.

— Нельзя ли мне немного воды? — попросил Солсбери, чувствуя, что горло его совсем пересохло, как в пустыне.

— У меня есть кое-что получше, — сказал Муг.

Он вышел, затем вернулся с деревянным кувшином.

Солсбери припомнил кашку дикарей.

— Можно мне обычной воды?

— Попробуйте это.

— Я...

— Пожалуйста.

Виктор взял кувшин и осторожно попробовал жидкость. Она не была противной, как он опасался, холодная, приятная на вкус, сладкая, весьма напоминавшая яблочный сидр,

щиплющая за язык, но безалкогольная. Он опорожнил кувшин несколькими глотками и попросил Муга принести еще. Новую порцию он пил маленькими глотками, пытаясь представить события нескольких последних часов.

— Есть много вещей, о которых мне надо спросить, — сказал Муг. — Может быть, вы сами расскажете вашу историю? Так было бы быстрее, и мы ничего бы не пропустили.

— Я не знаю, стоит ли, — ответил Виктор настороженно.

— Мы только хотим помочь. Кажется, это не будет лишним для вас. Или я ошибаюсь?

— Вы не ошибаетесь.

— В таком случае начинайте. Мы слушаем.

Виктор не знал, стоит ли рассказывать все. В самом деле, он очень нуждался в помощи и вряд ли мог ожидать, что получит ее, пока его спасители не узнают всю историю. Он чувствовал, что у них такой же цепкий ум, как и у него, с таким же высоким IQ, однако их цивилизация не продвинулась так далеко, как на Земле того вероятностного потока, с которого он пришел. Если он попытается довериться им, ему оплатят откровенностью, когда придет его очередь задавать вопросы. Было бы интересно узнать, откуда Муг знает английский, как он узнал о вероятностных линиях, почему он рискует вызвать гнев пришельцев, пряча от них Солсбери. Он решил быть откровенным и рассказать им всю историю.

Когда он закончил, Муг повернулся к другим и пересказал повесть Солсбери на их на-

речии. Затем все стали задавать вопросы; некоторые из них Муг переадресовал Солсбери, на другие отвечал сам.

— Теперь ваша история, — напомнил Виктор Мугу, доведя рассказ до конца.

— Она даже вполтину не такая интересная, как ваша.

— Все-таки расскажите ее.

Муг начал свое повествование.

Пришельцы начали свое вторжение на их вероятностную Землю более столетия назад. Для захвата этой линии потребовалось меньше шести часов. Полулюди были атакованы отрядами пришельцев и побеждены. Захватчики овладели здешней Землей и с тех пор здесь обосновались. Не так давно, в течение последних тридцати лет, пришельцы обнаружили в племени полулюдей присутствие первых высокоразвитых особей. Это были создания вроде Муга, обладавшие более человеческими чертами лица и довольно высоким разумом. Сначала полулюди убивали этих детей после рождения, считая их уродами или наказанием демонов. Но пришельцы стали отслеживать каждый такой случай рождения и спасали этих младенцев, забирая к себе.

Одним из первых таких существ и был Муг. Пришельцы вырастили его в строго контролируемой обстановке. Их действия были продиктованы не великодушием, а научным любопытством; Муга и других спасли только для экспериментов.

Они научили его всему, что можно было узнать о мире, и обнаружили, что IQ Муга один из

самых высоких. К тому времени, как Муг достиг юношеского возраста, он получил огромное количество информации. Кроме того, Муг изучил культуру пришельцев, но это не добавило ему любви к ним — скорее наоборот. Они же двигались дальше, преподавая ему теорию вероятностных потоков; его брали в путешествия по другим мирам, обучали языкам (лингвист пришельцев привлек его к экспериментам по определению словесных способностей у вида, к которому он принадлежал). Поэтому Муг и изучил английский.

В возрасте двадцати четырех лет — шесть лет назад — Муг был посвящен во все подробности жизни пришельцев, поэтому он узнал и о неизбежной судьбе «подопытных кроликов». Этого было более чем достаточно, чтобы решить будущее Муга. Он не мог более оставаться на звездолете, ведь в придачу к постоянно-му страху быть забитым и препарированным в анатомическом театре, как животное, он постоянно ощущал на себе все более и более возраставшую жестокость обычных экспериментов пришельцев. «Эксперименты на выживание» — так это называлось. Они состояли в том, чтобы поставить Муга в особенно неблагоприятное положение и наблюдать, как он спасает свою жизнь. Несмотря на то, что чужаки, несомненно, получили много ценных данных о способностях его вида к выживанию, Муг решил, что страдания, которые он переносит, того не стоят. Поскольку до этого еще ни один «подопытный кролик» не сбегал, побег Муга

удался. Он вырвался на свободу вместе с группой товарищей и с тех пор не был пойман.

Он и его товарищи на свободе не бездельничали. За два налета на комплекс пришельцев им удалось освободить сорок шесть разумных землян из своего волосатого племени. Однако они никогда не заходили внутрь корабля; он и сейчас был вне пределов их досягаемости. Третий их рейд нарвался на засаду. Одиннадцать человек были убиты пришельцами, а никого из собратьев освободить не получилось. Оставшиеся тридцать девять землян ушли в самые глубокие пещеры в горах и спрятались от «ящериц». Постепенно они наладили контакт с дикарями наверху, — голыми и дикими, — и стали выручать разумных детишек, поощряя дикарей безделушками за сохранение тем малышам жизни. Большое число беременных женщин-дикарок было укрыто вплоть до момента родов. Если младенцы оказывались разумными, племя Муга оставляло их у себя и воспитывало. Они сами занимались отбором лучших; теперь, через шесть лет, их было уже восемьдесят девять, и это был не предел.

Однако пришельцы все еще представляли угрозу. В этом месяце они забрали к себе на корабль целых шесть младенцев для экспериментальных целей. Муг и другие были обеспокоены этим; хорошо было бы их освободить, а то и вовсе изгнать захватчиков. Но у тех было всевозможное оружие — и огнестрельное, и лучевое, — а у землян всего лишь луки и стрелы. Муг знал, как расплавить металл, как

строить не очень сложные механизмы. Но из-за того, что земляне практически постоянно жили под землей, а днем вообще не выходили на поверхность, их возможности были очень ограничены, хотя они могли бы достичь большего.

— Но у вас есть пистолет, — закончил Муг.

— Осторожно! — закричал Виктор, когда волосатый человек взял газовый пистолет.

— Не беспокойтесь. Мы не так глупы, как те, к которым вы попали сначала. Я слышал о том, что пистолет сделал с тем дикарем. И я могу представить себе, из-за чего это произошло. Вы не откажетесь объяснить?

Солсбери не отказался.

— Можно мне выстрелить в скалу? — спросил затем Муг.

Солсбери пожал плечами:

— Давайте.

Муг выстрелил. Пуля погрузилась в камень только на дюйм, потом взорвалась. Каменные осколки разлетелись во всех направлениях, и тонкая серая пыль повисла в воздухе.

— Сработает это на металле? — спросил Муг.

— Да. Только потребуется больше выстрелов. Особенно, если металл толстый. Каждая пуля погрузится в твердый материал только на дюйм, а потом взорвется.

— Там потребуется столько выстрелов, сколько у вас имеется зарядов, — сказал Муг. — Только так мы сможем проникнуть внутрь.

— Внутрь?

— Внутрь корабля пришельцев, — пояснил Муг, широко улыбаясь.

— Но какая нам от этого польза?

Черт побери, это звучало глупо, нелепо, абсолютно нереалистично. Пришельцев больше, у них оружие, далеко превосходящее то, что имеется у здешних землян. Все же он почувствовал, что Муг уже просчитал все эти вещи и его предложение отнюдь не голословно и тщательно продумано.

— Я знаю внутреннее устройство звездолета наизусть, — сказал Муг. — Я прожил в нем двадцать четыре года, за исключением тех, когда меня брали на полевые эксперименты. Я использовал это время, чтобы запомнить каждый фут этого места на тот случай, если такая информация мне понадобится. И вот она понадобилась. Я знаю, например, где находится оружейный склад корабля.

— Но...

— Если вы поможете нам своим газовым пистолетом, — сказал Муг, усмехаясь еще шире, — я полагаю, мы решим несколько проблем одновременно. Мы наконец избавимся от пришельцев и сможем свободно воспитывать всех наших новорожденных там, где им не придется прятаться днем и передвигаться только ночью. А вы получите шанс вернуться к вашей женщине, которую вы называете Линдой. Этого вам должно быть достаточно. Кроме того, возможно, мы уничтожим станции пришельцев по всем вероятностным линиям.

Другие земляне выглядели озабоченно, словно понимали, о чем говорит Муг.

— Но, — закончил он, — вы должны понимать, что никто не может обещать возвращения в вашу вероятность. Только шанс. Шанс, и ничего более.

— Это на сто процентов больше, чем я имел час назад, — сказал Солсбери.

Муг фыркнул и хлопнул в ладоши; когда он перевел согласие остальным, они поддержали его решение дружным криком.

Глава 19

Отряд Муга двигался удивительно бесшумно, если принимать во внимание размеры отряда и размеры каждого из бойцов. В нем был тридцать один землянин, не считая Солсбери, все мужчины поселения. Женщин и детей не взяли, хотя некоторые из них выразили горячее желание идти вместе с ними и сражаться с ненавистным врагом.

Скоро им встретился отряд пришельцев, по-прежнему патрулировавших комплекс; он шел по улице, освещая путь электрическими фонарями. Отряд Муга оказался быстрее, так как пришельцы не ожидали нападения. Стрелы летели быстро и бесшумно, и шесть мертвых пришельцев, не успевших издать ни звука, стали свидетельством меткости лучников.

Затем бойцы приблизились к звездолету.

Там, за стенкой, по утверждению Муга, находился корабельный арсенал. Отряд повстанцев распределился вдоль стены, надежно скрытый темнотой. Муг и Солсбери дошли вдоль корпуса до того места, которое волосатый землянин выбрал как наиболее подходящее для прорыва.

— В арсенале сейчас никого не должно быть, — сказал Муг. — Пост охранника находится снаружи, в тамбуре. К тому времени, как он поймет, что на корабле кто-то чужой, мы вооружимся и будем готовы к бою.

— Надеюсь, вы правы, — отозвался Солсбери.

Муг заверил его, что корабельные сенсоры деактивированы и не будут активироваться до тех пор, пока корабль не начнет подготовку к межпланетному перелету. Все же Солсбери было как-то не по себе.

— Я уверен, все пройдет как по маслу, — заверил Муг, качая лохматой головой. — Давайте начинать, а?

Солсбери провел рукой по корпусу, прикидывая температуру металла, затем постучал и услышал только слабый, гулкий звук.

— Толстый слой.

Он постучал опять, послушал.

— Это займет какое-то время. Я думаю, лучше стрелять сбоку, чтобы осколки пролетали мимо нас. Вы будете стоять у меня за спиной.

Муг подчинился.

Солсбери прицелился и выстрелил. Раздался резкий, свистящий звук и щелканье метал-

лических осколков по выпуклому боку корабля. Солсбери осторожно потрогал отверстие от выстрела. Оно было горячим, но не настолько, чтобы обжечься. Виктор обнаружил, что пробился где-то на четверть, проделав щель, неровную, с рваными краями, примерно полфута в диаметре. Чтобы сделать отверстие, достаточное для того, чтобы в него смогли пройти эти ребята, следовало поработать гораздо больше. Он перевел пистолет в режим автоматической стрельбы, моля всех богов, чтобы хватило зарядов, и затем нажал на спуск.

Свист выстрелов стал громче, резче. После двух минут непрерывной стрельбы Солсбери остановился, подождал, когда стихнет эхо, потом придиричиво взглянул на достигнутые результаты. В стене образовалась рваная дыра примерно три на четыре фута, а в центре было сквозное отверстие величиной с пенни. Переведя пистолет в режим одиночных выстрелов, Виктор принялся разносить упрямый сплав, расширяя дыру.

Через десять минут работа была закончена, в дыру могли пролезть даже рослые земляне.

— Давайте проверим, — сказал Солсбери Мугу.

Отряд проник в темноту. Когда глаза привыкли к мраку, бойцы обнаружили, что находятся внутри корпуса, в пустом пространстве, где была только арматура; в трех футах от них находилась другая стена, внутренняя, которая служила переборкой арсенала.

— Ну? — спросил Муг.

— Если она такая же толстая, как и та, то у нас проблемы, — буркнул Солсбери мрачно. — Пистолет стал легче; газ кончается.

— Делать нечего, придется попробовать, — ободряюще сказал Муг, хлопая его по плечу.

Солсбери попробовал. Им повезло, потому что стена оказалась куда тоньше и подалась куда легче. Когда дыра была проделана, они вступили в темный арсенал; Муг пошел назад, чтобы позвать остальных.

Пятнадцатью минутами позднее упаковки вибростволлов и бронебойных ружей были открыты и разобраны. Теперь они были вооружены до зубов. Муг занял позицию у входа в тамбур, оглянулся назад, чтобы убедиться, что все готовы, потом ринулся внутрь и быстро пробежал дальше, с вибростволлом в одной руке и с тяжелым штурмовым ружьем в другой.

Бойцы последовали за ним. Солсбери бежал четвертым, желая пропустить вперед двух других землян вслед за Мугом, чтобы не попасть под выстрел. Когда он вбежал в караульное помещение, труп охранника лежал рядом со столиком. Вибростволл сделал свое дело. Он был тише, чем осколочное ружье, но столь же эффективен.

Когда последний боец из отряда пробрался внутрь, Муг разъяснил план, срочно разработанный накануне выступления. Внутреннее строение корабля было несложным, и благодаря Мугу земляне знали приблизительное местоположение отсеков. Отряд разделился на шесть групп, по пять человек в каждой; в шестой было

пять землян, Муг и Солсбери. Другие пять групп должны были захватить ключевые отсеки звездолета так быстро и оперативно, как только могли. Коль скоро пришельцы на корабле были вооружены не все, бой должен был пройти с большим перевесом в пользу землян. Целью шестой группы было доставить Солсбери в отсек телепортации, и по пути следовало уничтожить пришельцев и их механизмы.

Муг открыл дверь, и бойцы проникли в коридор, намереваясь добраться до телепортатора и отправить Виктора обратно в подвал к Линде. Они быстро побежали по главному коридору, уже не слишком беспокоясь о соблюдении тишины. Позади одна из групп уже схватилась с не ожидавшими нападения пришельцами. Шум был просто оглушительным. Со всех сторон эхом доносились звуки схватки на других участках.

Они завернули за угол и столкнулись с небольшой группой пришельцев, которые выползали из комнат посмотреть, что там за шум. Один из землян рядом с Солсбери выпустил в них сразу три осколочных снаряда. Во все стороны полетели куски горелого мяса. Тех шестерых «ящериц», что все еще стояли, Муг скошил из виброствола. Бойцы перешагнули через трупы, стараясь не дышать. Потом один из их парней получил выстрел в грудь из пистолета охранника. Муг выстрелил в пришельца. То же сделал и Солсбери. Их лучи разнесли голову охранника на куски.

— Вот она, — сказал Муг, сворачивая в какую-то комнату направо, и тут же его

отбросило назад — луч обжег его правое плечо.

Солсбери упал на пол, перекатился, чудом избежав второго выстрела. Еще лежа на спине, он выстрелил сам, разрезав пришельца почти пополам, затем вернулся к Мугу.

— Как дела?

— Просто ожог. Ничего страшного.

Он даже не изменился в лице.

— Вот и тележка-телепортатор, — сказал Солсбери.

— Вы знаете, как им управлять?

— Я могу попробовать. Самое худшее, что я могу сделать, — это взорваться, — отозвался Виктор.

Один из людей в коридоре что-то крикнул.

— Большая группа вооруженных пришельцев в коридоре; они, наверное, догадались, что мы вскрыли обшивку и подбираемся к телепортатору. Мы задержим их огнем, но все же действуйте так быстро, как только сможете.

Вик кивнул, метнулся к телепортатору, затем вернулся поблагодарить землянина.

— Может быть, когда все это закончится, — сказал Муг, — мы сможем снова собрать машины пришельцев и пойдем, как ими управлять. Возможно, мы сумеем построить телепортатор для путешествий через вероятности. Вот это было бы здорово.

— Так и будет, — сказал Солсбери.

Потом он поднялся на площадку телепортатора и стал жать на кнопки, а Муг отправился руководить битвой с пришельцами.

На щитке телепортатора была клавиатура, очень похожая на клавиатуру электрической пишущей машинки, за исключением того, что символы на ней ничего ему не говорили.

Солсбери попытался нажимать их, но ни одна не поддавалась, как на клавиатуре отключенной от сети пишущей машинки. Он перепробовал все, потом в отчаянии стукнул по клавише пробела, и моментально стены вокруг него растаяли.

Он пролетал один вероятностный поток за другим, направляясь домой. Он не знал, как управлять полетом, не знал, как его остановить. Возможно, тележка-телепортатор автоматически возвращается на ту самую вероятностную линию, с которой стартовала; очень даже может быть, что она изначально была настроена на возвращение в пункт отбытия. По крайней мере, он надеялся, что это так.

В помещениях для телепортации на каждой из вероятностных линий каждый оператор пришельцев поднимал на него взгляд, изумленный тем, что человек путешествует без присмотра охранников. Некоторые пытались схватить его до того, как он перескочит на следующую линию, но ничего не получалось. Другие поворачивались к панели управления, но не успевали остановить его. Виктор продолжал свой путь, надеясь вернуться туда, где пришельцы впервые захватили его.

Заняться ему было нечем, разве что подумать о Муге и его товарищах. Удастся ли этому горячему парню победить, или он погибнет

в бою? Похоже, что этот звездолет будет захвачен. Но будет ли это относиться ко всем установкам пришельцев на всех вероятностных линиях? Будут ли эти установки, отрезанные от корабля-матки, в конечном счете разрушены? Муг уверял Виктора, что овладение звездолетом стало бы основополагающим фактором выживания землян. Солсбери на это очень надеялся, потому что это означало, что они освободят от пришельцев не только один мир, а все вероятностные потоки, все миры. Затем он подумал о своей собственной безопасности и безопасности своего мира. Если он сейчас вернется туда, откуда стартовал, то сможет пробраться в свой собственный подвал. 810-40.04 мог бы подорвать микробомбы, и его линия оказалась бы навсегда спасена, потому что разрушение звездолета на Первой Линии положило бы конец экспедициям пришельцев в параллельные миры. Будущее, из которого Солсбери послали в прошлое отчаявшиеся люди, станет другим. У всех вероятностных потоков за пределами его собственного, у всех вероятностных линий, которые пришельцы завоевали бы после 1970 года, тоже будет другое будущее, потому что и эти линии никогда не попадут под гнет чужаков. Виктор изменил бы и их будущее.

Но он не мог чувствовать себя героем. Его создали для определенной цели, компьютер научил его боевым искусствам; Линда стала смыслом его жизни; Муг спас ему жизнь и придумал конечный дерзкий план. Виктор про-

сто выполнил свою часть, ничего более. Как бы то ни было, сейчас стоило думать только о Линде. Зеленые глаза, белые зубки, нежное, теплое тело... Ее улыбка, ее поцелуй, вся ее чудесная сущность — единственный островок реальности во всей этой заварухе.

Движение резко остановилось, мелькания прекратились.

Он понял, что находится там, где надо.

У стены, пожевывая наркотическую палочку, стоял оператор. Солсбери прыгнул с машины и врезал кулаком по кожистому горлу пришельца прежде, чем тот смог поднять тревогу. Чужак рухнул наземь, перевернулся и затих.

Солсбери выбежал из комнаты и прошел в помещение с излучателем, немного поколебавшись перед дверью; он не знал, что найдет внутри. Хотя прошло уже несколько часов, продолжалась все та же ночь, что и тогда, когда он попал в параллельный мир. Должно быть, приближается рассвет. Пришельцы вполне могли уже вторгнуться в его собственный мир. Возможно, и Линда уже мертва.

— Сис тусга джи гаста! — раздался сзади скрипучий голос пришельца.

Солсбери быстро обернулся. В дальнем конце коридора стояли четверо пришельцев, один был с лучевым пистолетом. Чужак поднял оружие, выстрелил. Луч задел правую ногу Солсбери. От боли Виктор упал на колени.

Пришельцы бегом приближались к нему.

Шатаясь, Виктор поднялся на ноги, вытряс из рюкзака все бомбы и вошел в помещение с

зондом. Здесь все было в порядке. Линда по-прежнему сидела за излучателем. Те же тела раскиданы по полу; все, кроме одного, — роботы. Солсбери поплелся через комнату, волоча раненую ногу и спотыкаясь, затем переступил через порог в свой собственный подвал.

— Подрывай! — крикнул Виктор компьютеру 810-40.04, когда тот поплыл к нему навстречу.

— Как только...

— Быстрей!

За ним, в параллельном мире, пришельцы открыли дверь в комнату с излучателем.

— Скорее, черт возьми!

Пришельцы уже неслись через свое помещение.

Компьютер подорвал микробомбы, почти в тот же самый миг он отключил излучатель и разбил его линзу, выпустив по ней оранжевую молнию. Портал захлопнулся как раз вовремя, чтобы не позволить взрывной волне с того, параллельного мира прорваться на эту сторону.

Пятно на стене исчезло.

— Тебе все удалось, — сообщил компьютер.

Все эти пять с лишним часов Солсбери жил на одном лишь адреналине. Сейчас это давление ослабло, поток волшебного напитка прекратился, и боец почувствовал себя так, словно на плечи ему навалился груз в миллион тонн. Виктор еще пытался что-то говорить, острить по этому поводу. В полном изнеможении он опустился на пол...

Литературно-художественное издание

Дин Кунц
ВРАТА АДА

Роман

Ответственный редактор *Р.Ш. Ахунов*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Л.И. Витушкина*
Корректор *О.А. Левина*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 22.01.2004
Формат 70х90 ¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,82. Уч.-изд. л. 7,94
Тираж 7 000 экз. Заказ № 415

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

**Действительно низкие цены!
Регулярные распродажи!
Предварительные заказы и оповещение
по телефону о поступлении новинок!**

**Фирменные магазины издательства
«Центрполиграф»**

предлагают более 3000 наименований книг различных жанров зарубежных и отечественных авторов: детектив, исторический, любовный, приключенческий роман, фантастика, фэнтези, научно-популярная, биографическая, документально-криминальная литература, издания для детей и юношества, филателистические каталоги, книги по кулинарии, кинологии, о звездах театра, кино, эстрады, а также энциклопедии, словари, решебники.

Звоните и приезжайте!

МОСКВА — ул. Октябрьская, д. 18

*тел. для справок: (095) 284-49-89,
мелкооптовый отдел: тел. (095) 284-49-68;
пн—пт — 10.00—19.00, сб — 10.00—17.00,
курьерская доставка книг по Москве.*

РОСТОВ-НА-ДОНУ — Привокзальная пл., д. 1/2

тел. (8632) 38-38-02; пн—пт — 9.00—18.00.

**Официальный дистрибьютор издательства
ООО "АТОН"**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — Набережная р. Фонтанки,

д. 64, помещение 7-н, тел. для справок:

(812) 162-52-80, (812) 162-52-81.

Пн—пт — 9.00—18.30, сб, вскр — выходной.

E-mail: aton@ppp.delfa.net.